

მინდია უგრეხელიძე

М. Г. УГРЕХЕЛИДЗЕ

გაუფრთხილებლობითი ბრალის პრობლემა
სისხლის სამართალში

ПРОБЛЕМА НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

A RATIONALE OF CRIMINAL
CARELESSNESS

by

MINDIA UGREKHELIDZE

თბილისი—„მეცნიერება“
TBILISI—„METSNIEREB“
1976

„МЕЦНИЕРЕБА“
ТБИЛИСИ
1976

От редактора

Проблема неосторожной вины — одна из основных и в то же время наиболее сложных и тонких проблем уголовного права. В ней тесно переплетаются различные моменты: психологические, социально-политические, этические и правовые.

Для исследователя неосторожной вины камнем преткновения всегда являлся вопрос о психическом участии лица в деянии, совершенном по неосторожности. Если при умышленном преступлении психическое отношение лица к содеянному выступает в достаточно отчетливой форме — наступившее преступное последствие предвидится им и охватывается его волей, — то при неосторожности, в частности при преступной небрежности, т. е. неосознанной неосторожности, причиненное вредное последствие не находит никакого отражения в сознании лица.

Многочисленные попытки, предпринятые криминалистами конца XIX и начала XX в., обнаружить и при неосторожности, наподобие умыслу, в психике субъекта представления, связывающие вредное последствие с личностью правонарушителя, оказались безрезультатными. Искусственные, не основанные на психологических фактах конструкции рушились мгновенно при прикосновении критической мысли. Стали раздаваться голоса, что поскольку при неосознанной неосторожности тщетно было бы искать реального психического отношения к результату, постольку ответственность за нее не может быть основана на принципе вины. В случаях неосознанной неосторожности речь может идти лишь о рассеянности, забывчивости, невежестве, глупости, торопливости и тому подобным свойствам характера, не имеющих ничего общего с виной. Логическим следствием этой точки зрения был бы отказ от наказуемости за вредный результат, причиненный по небрежности. Но ни одно уголовное законодательство не пошло по этому пути. Более того, вопрос об ответственности за причинение вреда по неосторожности приобрел в последнее время особенное значение в условиях бурного прогресса техники, когда приведены в движение титанические силы, вплоть до атомной энергии, грозящие вызвать, при несмотрительном их использовании, катастрофические по своему масштабу последствия, когда невероятно расширилась сфера

Ответственный редактор

В. Г. Макашвили

У 11002 193—75
М607(03)—76

© Издательство „Мецниереба“. 1976

применения источников повышенной опасности. Достаточно указать на стремительный рост автотранспорта и связанные с ним многочисленные каждодневные жертвы неосторожного управления автомашиной.

Теперь уже никто не рассматривает неосторожную вину, в отличие от умышленной, как атипичную форму вины, как исключение из общего правила ответственности, требующего умысла. Поэтому неосторожность, в качестве формы вины равноценная умыслу, ждет своего всестороннего обоснования.

Буржуазная доктрина уголовного права, чтобы свести концы с концами, пытается перестроить самое понятие вины. Одной из причин отказа от психологического понимания вины и создания нормативного учения является невозможность установить при неосознанной неосторожности общий родовой признак вины — психическое отношение лица к совершенному деянию. Объявив вину чисто оценочной категорией, неодобрительным суждением судьи о личности преступника, нормативисты утверждают, что для обоснования упрека вовсе не требуется существование психического отношения к причиненному вредному результату, а этот упрек может быть связан и с отсутствием представлений о таком результате.

Советскому уголовному праву на всем протяжении его развития была чужда нормативная концепция вины, которая, не требуя для понятия вины психологического содержания и тем самым отрицая существование вины как реального факта, связанного с конкретным психическим состоянием действующего лица, открывает широкий простор для свободного усмотрения суда, оперирующего для обоснования упрека лицу оценочными суждениями, лишёнными юридической определенности. Советская наука уголовного права связывает понятие вины с реальными психологическими фактами, с определенным психическим состоянием субъекта, утверждая, что без этого момента невозможно обосновать порицание субъекта за совершенное им общественно опасное деяние ни с нравственной, ни с правовой точек зрения. Это положение лежит в основе взглядов, развиваемых советскими криминалистами при освещении вопросов вины. В частности, при исследовании неосторожной вины в советской юридической литературе было выдвинуто положение, что отсутствие в сознании субъекта требуемых представлений не есть ничто в мире психическом, и возможность предвидения и предотвращения причиненного общественно опасного последствия не есть пустая абстракция или плод нашего субъективного измышления. Существование такой возможности означает, что в психике лица в момент совершения действия, причинившего вред, наличествовали реальные предпосылки для ее осуществления.

Но с каким психологическим феноменом связано психическое состояние лица, действующего по неосторожности, какая специфическая психическая функция здесь проявляет активность, каким закономерностям она подчинена, чем вызвано отсутствие у лица требуемых правопорядком представлений относительно причиненного вредного последствия и на чем основана возможность их иметь, что лежит в основе отрицательной социально-этической оценки лица, совершившего преступление по неосторожности, — все эти вопросы и ряд других, имеющих решающее значение для изучения природы неосторожной вины, оставались открытыми и, естественно, требовали своего объяснения.

Предлагаемая книга М. Угрехелидзе отвечает на указанные вопросы полно и глубоко. В этом основная ее научная ценность.

Острое чутье исследователя подсказало М. Угрехелидзе, что ключ для решения вопросов, ждущих своего рассмотрения, надо искать не в положениях классической психологии, которая, считая все психическое сознательным, ставит таким образом знак равенства между психикой и сознанием, а в концепциях современной психологии, признающих существование бессознательной или подсознательной психики. В самом избрании методологически правильного пути уже большая удача исследователя. Но ему удастся достигнуть ощутимых результатов еще и потому, что исследование ведется с широким научным охватом темы, отмечено новизной идей, логическим развитием мысли. Причем, что особенно важно, анализу подвергается не только юридический, но и психологический материал. Освещение психологической стороны проблемы неосторожной вины не сводится к использованию готовых положений и выводов, которые содержатся в трудах психологов, а основано на самостоятельных рассуждениях автора, подчас, как нам кажется, значительных с точки зрения психологической науки.

Рассмотрение обеих сторон проблемы — психологической и правовой — в работе не оторвано друг от друга, а тесно переплетается. Касаясь психологических понятий, М. Угрехелидзе ведет свое исследование с учетом основных задач, стоящих перед ним в правовом плане, акцентирует внимание на тех моментах, которые могут быть использованы для уяснения природы неосторожной вины и обоснования ответственности за вред, причиненный по неосторожности. В то же время на материале, касающемся неосторожных поступков, он прослеживает сложные психические процессы, связанные с взаимоотношением различных уровней установок, что имеет значение для учения о бессознательном в целом. На примере работы М. Угрехелидзе можно легко убедиться, насколько плодотворным может быть

сотрудничество различных наук, в частности права и психологии, к каким взаимообогащающим результатам оно может привести, если исследователь эрудирован в обеих областях знания и в равной степени владеет методами этих наук.

Устанавливая психическую реальность неосторожности при помощи понятия бессознательного психического, М. Угрехелидзе стремится познать вообще бессознательную психику, проследить ее закономерности и определить место, которое она занимает «во всеобщей связи и взаимообусловленности явлений материального мира». Такое углубление в психологическую сущность проблемы дает критерий для критической оценки отдельных концепций бессознательного.

М. Угрехелидзе раскрывает научную несостоятельность идеалистической психоаналитической теории Фрейда, которая рассматривает все психические процессы, в том числе и бессознательные, как не подчиненные объективной детерминации и причинно связанные только с самой психикой. Автор считает, что эта теория, для которой психика представляет собой замкнутую саморегулирующую систему, оторванную от явлений материального мира ввиду методологического порока и имманентных недостатков, неспособна объяснить природу неосознанной неосторожности и обосновать возможность ответственности за нее.

Отвергнув учение Фрейда о бессознательной психике, М. Угрехелидзе присоединяется к укоренившемуся в советской психологической литературе мнению, что проблема бессознательного психического может быть решена только на основе диалектико-материалистической и экспериментально обоснованной теории установки, предложенной советским психологом Д. Узнадзе и развитой его учениками.

Автор дает обстоятельную интерпретацию установки как самостоятельного психического феномена, возникающего в результате взаимодействия потребности (субъективный фактор) и среды (объективный фактор) и открывающего возможность человеку ориентироваться в окружающей обстановке на уровне первичной активности, не связанной с волевой функцией.

На основе анализа обширного материала, касающегося неосторожных деяний, автор наглядно показывает, что они возникают при участии специфического психического состояния — установки, именно ею объясняется психологическое содержание неосторожной вины, с которой связывается уголовная ответственность. Этому тезису, по мнению М. Угрехелидзе, не препятствует импульсивный характер установки, так как он разделяет точку зрения, согласно которой уголовную ответствен-

ность может влечь не только волевое, но и импульсивное поведение.

В связи с тем, что психологическая сторона неосторожности сводится к импульсивной установке, которая не контролируется сознанием и волей, автор делает важный вывод: «поведение, направленное непосредственно первичной установкой... всегда таит в себе реальную возможность (опасность) осуществления таких последствий, которые могут оказаться социально вредными», «возможность осуществления вредных последствий внутренне присуща неосторожности».

Но значит ли это, что наступление указанных последствий неотвратимо, что субъект не может их избежать? Ведь в таком случае нельзя было бы ставить вопрос о его ответственности за их причинение. В этой части работы автор опирается на важное положение Д. Узнадзе, что человек обладает способностью психической активности на уровне объективации, т. е. способен переключить свою психическую активность с импульсивной установки на установку, в формировании которой принимают участие высшие функции психики — интеллект и воля. Это открывает человеку возможность правильно ориентироваться в окружающей обстановке и принимать разумные решения, придает его деятельности сознательный и целенаправленный характер, дает возможность ее осуществлять в соответствии с требованиями нравственных и правовых норм. В частности, на существовании у человека способности объективации основано моральное и правовое порицание неосторожно действующего субъекта, который, не приостанавливая своей активности на уровне импульсивной установки, наносит повреждение социальным благам, хотя должен был и мог избежать этого путем включения сознания и воли в свое поведение.

В неиспользовании этой возможности автор справедливо усматривает отрицательное установочное отношение целостной психики субъекта к определенным социальным ценностям.

В связи с рассмотрением необходимых условий объективации интересны рассуждения автора относительно норм предосторожности, которые, по его мнению, выступают в качестве социального условия объективации; они информируют о том, что определенное поведение опасно, что оно может привести к причинению вреда и потому необходимо прекратить активность, т. е. приостановить импульсивное поведение и переключиться на уровень объективации. Так выполняют нормы предосторожности свою социально детерминирующую роль. Но для актуализации представления о запрещенности и опасности предпринятого лицом поведения «обязательно, чтобы субъект знал о существовании соответствующей нормы предосторожности». По

нашему мнению, проведение защищаемого автором в такой категорической форме положения может на практике встретить затруднения. Легко себе представить случаи, когда лицо по невнимательности или по другой неизвинительной причине незнакомо с нормами предосторожности и, не зная об их существовании, совершает опасное действие, влекущее вред. Вряд ли в таких случаях ответственность лица может вызывать сомнения.

В книге М. Угрехелидзе достаточное место уделено юридико-догматическому рассмотрению вопросов неосторожной вины. В ряде случаев дается творческое их решение, а в других — обогащается аргументация ранее высказанных в юридической литературе взглядов.

Некоторые положения, развитые в книге, заслуживают особого упоминания. При анализе понятия смешанной вины, которое вызывает большие разногласия среди советских криминалистов, автор логически тонкими доводами опровергает возможность оперирования этим понятием в рамках единого основного состава преступления, считая его приложимым лишь к «деликтам, квалифицированным по последствию». Автор выдвигает законодательное предложение о дополнении принципиально важной статьи 11 УК Грузинской ССР (аналогичная статья не содержится в уголовных кодексах других союзных республик) второй частью. В этой части он предлагает регламентировать вопрос о вменении различных, квалифицирующих умышленное деяние обстоятельств иначе, чем это сделано в отношении тяжкого последствия по статье 11 УК Грузинской ССР, а именно, требует, чтобы виновный знал о существовании этих обстоятельств в момент совершения преступления. Автор считает, что в таком усовершенствованном виде статью целесообразно включить в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Труд М. Угрехелидзе, которым открывается новая страница в изучении природы неосторожной вины, несомненно, привлечет внимание юристов и психологов; к нему не останется равнодушным и более широкий круг читателей, интересующихся вопросами вины и ответственности.

В. Макашвили.

Тбилиси, 1975, сентябрь.

ВВЕДЕНИЕ

1. С первых лет существования Советской власти наше государство проявляло нетерпимость к недисциплинированности и расхлябанности, нечеткой работе отдельных организаций и учреждений, нерадивости и бесхозяйственности некоторых лиц, занятых в производственном процессе и в управлении страной.

Основоположник Советского государства В. И. Ленин раскрыл социально-политическое значение безответственного и нерадивого отношения к делу как явления, могущего нанести существенный урон интересам социалистического государства. Он требовал самой решительной борьбы с этим явлением.

В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин убедительно показал, что «нерадивость в учете и контроле есть прямое пособничество немецким и русским Корниловым, которые могут скинуть власть трудящихся **только** при условии, что мы не одолеем задачи учета и контроля...»¹ Исходя из этого он требовал «беспощадного похода» против «беззаботных насчет контроля»².

В работе «Как организовать соревнование?» В. И. Ленин призывал простого рабочего и крестьянина к необходимому контролю за разгильдяйством, столь обычным у «образованных людей»³, а также за «небрежностью», «неряшливостью», «неаккуратностью» и т. п.⁴

Закладывая фундамент новой, социалистической дисциплины и самодисциплины трудящихся, новых форм отношений между людьми, В. И. Ленин непосредственно участвовал в выявлении и пресечении случаев бесхозяйственности и нерадивости. Так, в секретном письме на имя ВЧК и НКПС от 16 января 1922 г. В. И. Ленин с возмущением сообщал о «разгильдяйстве» и «безрукости», которые он обнаружил при ознакомлении с состоянием автодрезин ВЧК⁵.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 185.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Там же, т. 35, стр. 201.

⁴ Там же, стр. 201 — 202.

⁵ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 54, стр. 115.

В одном из писем В. И. Ленин говорит о «бесстыдном... неярешестве», «за которое надо сажать в тюрьму»⁶.

О нетерпимости В. И. Ленина к подобным случаям мы узнаем из его письма к Д. И. Курскому, где, в частности, сказано: «По моему поручению бывшей МЧК было начато расследование по делу о преступной халатности, волоките и бездеятельности в научно-техническом отделе и Комитете по делам изобретений»⁷; причем Мосревтрибунал «чрезвычайно покровительственно отнесся к обвиняемым», за что судебное решение стало предметом осуждения со стороны В. И. Ленина⁸.

В первые годы существования Советской власти настоятельная необходимость в заботливом и дисциплинированном отношении к своим обязанностям каждого работника ощущалась особенно остро, ибо молодое социалистическое государство испытывало значительные трудности как экономического, так и военного и политического характера. Однако и после укрепления экономической основы и военно-политической мощи нашей страны борьба с небрежностью, неярешливостью, беззаботностью и другими формами недисциплинированности не перестает быть важной и актуальной.

В настоящее время, когда партия провозгласила одной из важнейших задач формирование нового человека, борьба с бесхозяйственностью, с недобросовестным отношением к своим обязанностям приобретает особое значение. В резолюции XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу Центрального Комитета КПСС важнейшей составной частью идейно-политической работы признается «воспитание коммунистического отношения к труду и общественной собственности, развитие творческой активности трудящихся, укрепление сознательной дисциплины и организованности»⁹.

2. Воспитание граждан в духе бережного и заботливого отношения к общественным интересам — сложный и длительный социальный процесс, который, очевидно, не может протекать стихийно. Как и любая воспитательная работа, он должен покоиться и развиваться на строго научной основе, которая предполагает комплексный подход, разработанный представителями различных отраслей знания: психологии, социальной психологии, этики, педагогики и юриспруденции. При этом следует признать, что особое значение для разработки научной основы этого процесса должны иметь положения, выдвигаемые психоло-

⁶ См. В. И. Ленин, Там же, стр. 240—241.

⁷ В. И. Ленин, Там же, стр. 220.

⁸ См. там же.

⁹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 205.

гической наукой, ибо любые внешние детерминанты незаботливого отношения граждан к различным социальным ценностям в конечном счете преломляются в закономерностях внутренней, психической жизни, что и составляет предмет психологии. Только зная эти закономерности, представители других отраслей знания, в частности юристы, смогут наметить рациональную и эффективную программу воздействия на неадекватные с социальной точки зрения отношения.

Право вообще, и в частности уголовное право, призвано сыграть определенную роль в воспитании граждан в духе дисциплины и самодисциплины. Хотя правовые методы воспитания отодвигаются на задний план, сохраняя свое значение лишь для тех сравнительно редких случаев, когда чисто воспитательные меры непринудительного характера не являются достаточными, ни одна наука не уделяет столь серьезного внимания проблеме предусмотрительности при соприкосновении граждан с общественными интересами, как правовая наука.

Особенно важна эта проблема в уголовном праве, где она тесно переплетается с проблемой вины и поэтому приобретает существенное значение. Согласно принципу виновной ответственности, являющемуся основополагающим в советском уголовном праве, только такое деяние может подлежать наказанию, которое было проявлением порицаемого психического отношения деятеля к социальным благам. В связи с этим вопрос ставится следующим образом: можно ли признать вину, т. е. порицаемое психическое отношение, там, где общественно опасное с объективной точки зрения деяние было проявлением не злой воли, а лишь результатом незаботливости, невнимательности или непредусмотрительности.

При такой постановке проблемы, по существу, приходится выяснять два самостоятельных вопроса, решение которых одинаково необходимо для признания или отрицания вины: имеется ли в интересующих нас случаях реальное психическое отношение к совершенному общественно опасному деянию, и если да, то является ли оно порицаемым с этической точки зрения. Только в случае утвердительного ответа на оба вопроса, деяние и деятель могут стать предметом уголовно-правового воздействия. В противном случае, каким бы опасным ни представлялось деяние с объективной стороны и к каким бы оно ни привело тяжким последствиям, наказание лица, совершившего это деяние, не сможет оказать воспитательного воздействия ни на него самого, ни на других лиц, не говоря уже о том, что такое наказание было бы лишено всякой этической основы. Вот почему признание или отрицание вины в деяниях, совершенных по не-

внимательности или беззаботности, т. е. проблема неосторожной вины, как она именуется в науке уголовного права, является особо актуальной. Важна она и потому, что то или иное ее решение влияет на объем сферы уголовно-наказуемых деяний в целом, а стало быть, и на границы свободы действий граждан в обществе.

Из сказанного видно, что проблема неосторожной вины в уголовном праве перерастает по своему значению узко юридические рамки, — она важная социальная проблема¹⁰. Это особенно наглядно видно на фоне тех перемен в жизненных условиях современного общества, которые связаны с бурным развитием техники. Открытие мощных источников энергии, развитие в соответствии с этим новых отраслей производства, появление новых видов транспорта влечет за собой расширение сферы действия источников повышенной опасности, трудно поддающихся человеческому контролю. При таком положении малейшая неосмотрительность или недисциплинированность может привести к разрушительным последствиям. Возрастает опасность неосторожных преступлений и возникает настоятельная необходимость в усиленной защите общества от неосторожного причинения вреда. Уголовное право присущими ему средствами пытается защищать общество от неосторожного причинения вреда. Соответственно во многих законодательных системах, в том числе и в советском уголовном законодательстве, наметилась тенденция к расширению уголовной ответственности за неосторожные деяния¹¹. Однако это ни в коей мере не означает, что такое расширение должно осуществляться за счет отхода от принципа виновной ответственности, как этого требуют некоторые буржуазные ученые (например, Е. Фрей и др.¹²). Наоборот, задача за-

¹⁰ Проблема неосторожности обсуждалась на Будапештском международном совещании криминалистов социалистических стран в АН ВНР в ноябре 1960 г. (см. „Acta juridica“, 1961, № 3—4, стр. 239) и на VIII Лиссабонском конгрессе Международной ассоциации уголовного права в сентябре 1961 г. (см. „Revue internationale de droit penal“, 1 61. № 3—4).

¹¹ См. М. С. Гринберг, Уголовно-правовая борьба с преступлениями в области использования техники, «Правоведение», 1968, № 6, стр. 84; Т. В. Церетели, Деликты создания опасности, «Советское государство и право», 1970, № 8, стр. 64; А. А. Пионтковский, Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса, «Советское государство и право», 1972, № 4, стр. 35—36; М. Г. Угрехелидзе, Уголовная ответственность за неосторожность, «Советское государство и право», 1970, № 12, стр. 111—112.

¹² См. „Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht“. 1962. В. 78, Heft I, S. 108. Критику этих взглядов см. М. Г. Угрехелидзе, Указ. статья, стр. 110.

ключается именно в том, чтобы, вводя в уголовные кодексы новые составы, определяющие наказуемость неосторожных деяний, не только не подрывать принципа виновной ответственности, но еще больше уточнять и совершенствовать его применительно к неосторожным деяниям.

3. Проблема неосторожной вины давно привлекает внимание советских криминалистов. Этой проблеме посвящена специальная монография, в которой глубоко исследованы вопросы неосторожности¹³; написано много статей, затрагивающих те или иные стороны проблемы¹⁴; она подвергается тщательному анализу в учебниках и курсах по уголовному праву¹⁵; наконец, вопросы неосторожной вины освещаются в монографиях по общим проблемам уголовного права¹⁶.

Проблемой неосторожности успешно занимались и зани-

¹³ См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957.

¹⁴ М. С. Гринберг, Понятие преступной самонадеянности, «Правоведение», 1962, № 2; П. С. Дагель, Причины неосторожных преступлений в СССР, «Советское государство и право», 1973, № 3; Б. А. Куринов, Понятие неосторожности в «Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1958 года, Вестник московского университета, Серия X, 1960, № 3; В. Г. Макашвили, О разграничении эвентуального умысла и самонадеянности, «Правоведение», 1965, № 2; А. С. Никифоров, Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности, Ученые записки ВИЮН, Вып. I, Госюриздат, 1955; Б. Петелин, Значение мотива и цели при неосторожном преступлении, «Советская юстиция», 1973, № 7; Т. Л. Сергеева, К вопросу об определении преступной небрежности, «Советское государство и право», 1947, № 4; В. А. Серебрякова, К вопросу об ответственности за неосторожное лишение жизни по советскому уголовному праву, «Советское государство и право», 1961, № 3; Е. Е. же, Об использовании социологических методов при изучении преступлений, совершенных по неосторожности, — Сб. «Проблемы социологии права», Вильнюс, 1970; К. Ф. Тихонов, К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве, «Правоведение», 1963, № 3; И. Г. Филановский, Преступления, совершаемые по неосторожности, «Правоведение», 1962, № 2 и др.

¹⁵ См. в особенности: А. А. Пионтковский, Учение о преступлении, М., 1961; Курс советского уголовного права, ч. Общая, т. II, М., 1970; Курс советского уголовного права (часть общая), т. I, Изд. Ленинградского университета, 1968.

¹⁶ См. Б. С. Волков, Проблема воли и уголовная ответственность, М., 1965; П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве,

маются криминалисты зарубежных социалистических стран¹⁷.

Ценность отмеченных работ заключается не только в обстоятельном освещении проблемы неосторожной вины, но и в том, что они раскрывают новые аспекты этой проблемы, побуждают к дальнейшей ее разработке. Неослабевающий интерес к проблеме неосторожности предопределяется и настоятельными потребностями судебной практики, которая постоянно выдвигает сложные вопросы¹⁸. Вместе с тем изучение материалов судебной практики показывает, что даже те вопросы неосторожной вины, которые, казалось бы, исследованы достаточно всесторонне, при решении конкретных дел вызывают иногда затруднения. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» отмечено, что «во многих случаях... не проводится необходимое различие между преступлениями, совершенными умышленно и по неосторожности, а иногда допускается несвойственное советскому праву объективное вменение»¹⁹. По данным Я. М. Брайнина, около 21% всех отмененных или измененных Верховным Судом СССР приговоров и определений по опубликованным делам за 1950—1964 гг. связано с неправильным установлением субъективной стороны преступле-

Ученые записки Дальневосточного государственного университета, вып. 21, ч. I, Владивосток, 1968; Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров, Умысел и его формы, М., 1972; В. Н. Кудрявцев, Общая теория квалификации преступлений, М., 1972; Н. Ф. Кузнецова, Преступление и преступность, М., 1969; Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., 1950; И. Г. Филановский, Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, Л., 1970; В. Д. Филимонов, Общественная опасность личности преступника, Томск, 1970; Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, М., 1963, и др.

¹⁷ I. L e k s c h a s, Über die Strafwürdigkeit von Fahrlässigkeitsverbrechen, Berlin, 1958; К. Лютов, Профессионална непредпазливост в наказателното право на Народна Република България, София, 1958; Н. Манчев, Вината в наказателното право, Издателство на Българска Академия на науките, София, 1969; М. Кадар, Неосторожная вина и ответственность за преступления, совершенные по неосторожности, «Вопросы уголовного права стран народной демократии», Сборник статей, М., 1963.

¹⁸ См. И. И. Карпец, Некоторые проблемы науки советского уголовного права в свете постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране», «Советское государство и право», 1965, № 1, стр. 17.

¹⁹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970, М., 1970, стр. 254.

ния²⁰. По подсчету И. Л. Петрухина, из 1800 ошибок, выявленных им при изучении 853 уголовных дел с приговорами, отмеченными в 1967 г., 30% составили ошибки, связанные с неустановлением или неправильным установлением вины²¹.

Такое положение в некоторой степени можно объяснить нечеткими представлениями о содержании неосторожной вины. Это предположение подкрепляется и результатами проведенного нами анкетного опроса 100 практических работников (судей, прокуроров, адвокатов). Результаты анкетирования выявили значительный разбег в понимании ряда вопросов неосторожной вины. Например, на заданный в анкете вопрос, можно ли совершить по неосторожности преступление, предусмотренное ч. I ст. 122 УК ГССР (заражение венерической болезнью), 52 опрошенных ответили утвердительно, 46 — отрицательно (2 опрошенных воздержались от ответа). По результатам анкетного опроса, проведенного Г. А. Злобиным и Б. С. Никифоровым, на аналогичный вопрос (о возможности доведения до самоубийства (ст. 107 УК РСФСР) по неосторожности) из 108 опрошенных практических работников положительный ответ дали 48, а отрицательный — 60 человек²². Все эти данные свидетельствуют, что в практике применения норм, требующих глубокого понимания законодательных положений о неосторожной вине, все еще нет достаточной ясности.

Совершенно очевидно, что все вопросы, связанные с неосторожной виной, не могут быть решены законодателем. Поэтому наука должна и впредь выяснять и освещать психологические и социально-этические закономерности, которые будут учитываться при дальнейшем усовершенствовании законодательного регулирования вопросов неосторожной вины.

Успешное развитие таких наук, как философия, психология, социальная психология, позволило создать основу для углубленного анализа понятия неосторожной вины. Особенно большое значение имеет открытие закономерностей психической деятельности, которые относятся к бессознательным процессам духовной жизни человека и предполагают расширение предмета науки психологии путем включения в сферу исследований этих про-

²⁰ См. Я. М. Брайнин, Уголовный закон и его применение, М., 1967, стр. 170.

²¹ См. И. Л. Петрухин, Причины судебных ошибок, «Советское государство и право», 1970, № 5, стр. 102.

²² См. Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров, Назван. работа, стр. 201.

цессов²³. Наука социалистического уголовного права обязана должным образом учитывать достижения марксистской психологической науки. Эти новые положения о бессознательной психической активности человека особенно важны для разработки проблем неосторожной вины, ибо для неосторожности (особенно небрежности) характерна психическая активность, при которой субъект не осознает как возможность причинения его поведением вредных последствий, так и отклонений в течении самого психического процесса. Очевидно, исследование неосознанных элементов неосторожного поведения, исходя только из закономерностей сознания, — недостаточно²⁴.

С нашей точки зрения, применение положений о так называемом бессознательном психическом к проблеме неосторожной вине, глубже вникнуть в ее психологическую и социально-этическую природу, подтвердить, что неосторожность может считаться самостоятельной и полноценной формой вины; преодолеть некоторые затруднения, которые возникают при характеристике неосторожной вины в терминах традиционной психологии сознания²⁵.

²³ См. Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961; Ш. Н. Чхартушвили, Проблема бессознательного в советской психологии, Тбилиси, 1966; Ф. В. Бассин, Проблема бессознательного, М., 1968; А. С. Прангишвили, Проблема бессознательного в психологии, Философские вопросы высшей нервной деятельности и психологии, М., 1963; И. Т. Бжалава, Установка и поведение, М., 1968; Его же, К проблеме бессознательного в теории установки Д. Н. Узнадзе, «Вопросы психологии», 1967, № 1; А. Г. Спиркин, Сознание и самосознание, М., 1972, стр. 170; Ф. Михайлов, Г. Царегородцев, За порогом сознания, М., 1961; Философская энциклопедия, М., 1960, стр. 160; Философский словарь, М., 1968, стр. 37, 279; А. А. Налчаджян, Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания, М., 1972; Общая психология. Учебное пособие для педагогических институтов, под редакцией проф. А. В. Петровского, М., 1970; Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе, под редакцией А. С. Прангишвили, Тбилиси, 1973.

²⁴ В советской уголовно-правовой литературе проблеме бессознательного посвящена только одна статья — см. П. С. Дагель, Проблема «бессознательного» и некоторые вопросы вины в уголовном праве, Ученые записки Дальневосточного государственного университета, серия «Юридические науки», том 14, 1968, стр. 69.

²⁵ В криминологическом плане, при применении учения о бессознательном психическом, неосторожное преступление представляет собой тип неправомерного поведения, имеющего специфическую по сравнению с умыш-

Цель настоящей работы, основываясь на современных достижениях марксистской психологии, в частности на учении о бессознательном психическом, несколько дополнить и уточнить существующие представления о природе неосторожного поведения; критически проанализировать в догматическом плане некоторые спорные вопросы, связанные с обоснованием и трактовкой неосторожной вины.

ленными деяниями структуру и требующего поэтому особых мер борьбы с ним. В общевоспитательном аспекте учение о бессознательном психическом позволяет значительно расширить возможности воспитания граждан в духе заботливого отношения к интересам социалистического общества за счет широкого использования резервов бессознательной психики.

КРАТКИЙ ОБЗОР УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИРОДУ НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ

Вина в уголовном праве выступает как сложная категория, имеющая различные аспекты: психологический, социально-этический и собственно юридический¹. Для того, чтобы раскрыть сложную природу вины, необходимо исследовать каждый из указанных аспектов и проследить, каково взаимоотношение между ними. При исследовании природы неосторожности как одной из форм вины следует обратиться к анализу психологического, социально-этического и юридического аспектов. Между тем в науке уголовного права этим аспектам (сторонам) понятия вины различные научные направления придают неодинаковое значение; более того, некоторые аспекты вовсе игнорируются. Поэтому нам представляется необходимым в общих чертах ознакомить читателей с попытками решения вопроса неосторожной вины.

В социалистической науке уголовного права решение проблемы неосторожной вины, равно как проблемы вины в целом, основывается на иных предпосылках, чем в буржуазной уголовно-правовой науке. Мы попытаемся вначале изложить, как освещает проблему неосторожной вины буржуазная наука, после чего изложим краткую характеристику этого вопроса в социалистической уголовно-правовой литературе.

§ I. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В БУРЖУАЗНОЙ НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

1. В буржуазной науке уголовного права существуют две основные теории, занимающие диаметрально противоположные позиции как в понимании вины вообще, так и в решении проблемы неосторожной вины в частности. Одна из них исходит из

¹ А. А. Пионтковский указывал, что «вина есть не просто психологическое понятие, но понятие социально-политическое», Курс советского уголовного права. Часть Общая, т. II, М., 1970, стр. 266.

психологической концепции вины, вторая — из нормативной, или оценочной.

Психологическая теория в уголовном праве трактует вину как чисто психологическую категорию, свободную от социально-нормативных элементов. Для обоснования вины достаточно, чтобы преступник имел определенное психическое отношение к совершаемому им деянию и последствиям этого деяния². При этом психическое отношение, как правило, понимается как воление совершаемого деяния и его последствий.

Неосторожность как самостоятельная форма вины впервые была сконструирована в средневековой итальянской доктрине³. Она явилась результатом выделения из понятия непрямого умысла (*dolus indirectus*) такой комбинации психических фактов, при которой лицо не предвидело, хотя должно было и могло предвидеть, возможность наступления вредных результатов своего противоправного поведения. Как известно, понятием непрямого умысла в средние века обозначались любые случаи косвенного «проявления» злой воли в побочных вредных результатах деяния, было ли возможно их предвидеть или нет, — этому не придавалось значения. В чисто теоретическом плане выделение неосторожности в самостоятельную форму вины и требование возможности предвидеть результат для ответственности за неосторожность знаменовали определенный шаг в сторону усиления принципа субъективного вменения. Однако для того, чтобы признать неосторожность полноценной формой виновности, в ней, по аналогии с умыслом, пытались уловить волевой момент, что не подкреплялось сколько-нибудь серьезной аргументацией. На практике ответственность за неосторожность, по существу, наступала по принципу объективного вменения.

Если до начала XIX века волевая природа неосторожности считалась чем-то само собой разумеющимся, то с этого времени ученые начинают сознавать бессмысленность поисков воли в неосторожных деяниях; волевая концепция неосторожности начинает все решительнее отвергаться.

² Психологическое понимание вины нельзя считать продуктом только буржуазной уголовно-правовой мысли. Правда, наибольшего развития оно достигло в системе буржуазной науки уголовного права (например, Кольрауш), но психологический взгляд на вину существовал и раньше. Еще в древнеримском праве действовал принцип — *im malificiis voluntas spectatur*, согласно которому при злодеянии принималась во внимание воля действующего субъекта. Этот принцип действовал и в средневековом праве.

³ См. Г. С. Фельдштейн, Учение о формах виновности в уголовном праве, М., 1902, стр. 70 и далее.

Выдающуюся роль в этом концептуальном повороте сыграло философско-правовое учение Гегеля, согласно которому только при умысле деяние является, безусловно, волимым, и поэтому в уголовном порядке должны наказываться лишь умышленные деяния⁴.

Как известно, Гегель при этом исходил из постулата, что наказуемая неправда — это сознательное и волимое противопоставление единичной воли общей воле.

Взгляд Гегеля не сразу нашел поддержку среди буржуазных юристов. Более того, некоторые из них усердно начали подводить новый теоретический фундамент под волевою концепцию неосторожности. Так, крупнейший немецкий ученый К. Биндинг пытался доказать, что при неосторожности имеет место своего рода бессознательное воление результата⁵. Однако приводимые К. Биндингом (как и некоторыми другими учеными) искусственные и схоластические аргументы⁶ уже не могли обеспечить дальнейшую жизнеспособность господствующего учения.

Что же касается взглядов Гегеля, хотя они и не были признаны всеми, однако в той части, в которой отрицалась волевая природа неосторожности, они послужили стимулом для дальнейшей разработки учения о вине. В частности, гегелевское учение поставило исследователей проблемы вины перед дилеммой: либо полностью отрицать момент воли, а вместе с тем вину при неосторожности (неосознанной неосторожности, т. е. небрежности), как это делал Гегель, либо же раз и навсегда отказаться от господствующей психологической теории вины, согласно которой вина представляет собой психическое отношение к противоправному результату.

Последовательные сторонники психологической теории вины (Кольрауш, Баумгартен, Немировский, Гульдман и др.) утверждали, что при небрежности невозможно перекинуть мост между психикой субъекта и противоправным результатом, а потому считали ответственность за небрежность остатком объективного вменения. Сообразно с этим некоторые из них ставили вопрос об исключении небрежности из сферы уголовного права⁷.

Однако буржуазное уголовное законодательство, разумеется, не могло отказаться от криминализации неосознанно-неос-

⁴ См. А. А. Пионтковский, Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория, М., 1963, стр. 238—241.

⁵ См. К. Binding, Die Normen und ihre Übertretung, В. II. Leipzig, 1877. s. III.

⁶ См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 44—49.

⁷ Подробно см. В. Г. Макашвили, Указ. соч., стр. 49—54.

торожных деяний. Быстрое развитие капиталистических производственных отношений, вступление капитализма в стадию империализма порождали потребность оперировать такими уголовно-правовыми принципами, которые служили бы успешному проведению классовой политики. Отказ от наказуемости небрежных деяний не способствовал удовлетворению потребностей монополистической буржуазии, ибо в таком случае она лишалась возможности возлагать ответственность на рабочих, допустивших небрежное причинение вреда частному производству. Еще настоятельнее потребность в наказуемости небрежной формы вины стала ощущаться в условиях бурного развития техники и связанного с ним расширения сферы действия источников повышенной опасности, при соприкосновении с которыми даже малейшая невнимательность может привести к тяжелым последствиям.

Несостоятельность обоснования в случаях небрежности момента вины, с одной стороны, и невозможность отказаться от их наказуемости — с другой, вызвали в буржуазной уголовно-правовой теории отход от чисто психологического понимания вины⁸ и появление новой теории, которая известна под названием нормативной теории вины.

2. Сущность вины, по мнению сторонников нормативной теории вины, лежит вне психической жизни субъекта. Вина представляет собой оценочную категорию. Она выражает неодобрительную оценку личности субъекта. В большей или меньшей мере это положение разделялось и разделяется как «нормативистами» первой половины XX века (Франк, Гольдшмидт, Фреденталь, Мейер, Берг, Цу-Дона), так и современными «финалистами» (Вельцель, Маурач, Буш и др.), в учении которых нормативизм представлен в развитом и модифицированном виде⁹.

⁸ Ныне идеи психологической школы поддерживаются лишь единичными представителями буржуазной науки уголовного права. См. в частности, J. Hall, Negligent behavior should be excluded from penal liability, „Columbia law Review“, 1963, v. 63, № 4, p. 632.

⁹ О нормативной теории вины см.: В. Г. Макашвили, Указ. соч., стр. 54—58; И. Лекшас, Вина как субъективная сторона преступного деяния, М., 1958, стр. 37—41; М. Д. Шаргородский, Современное буржуазное уголовное законодательство и право, М., 1961, стр. 40—44; Н. В. Лясс, Нормативная теория в современном буржуазном уголовном праве, Л., 1963; Т. В. Церетели, Финальная теория в буржуазном уголовном праве и ее критика, «Советское право», 1966, № 2, стр. 31—37 (на груз. яз.); А. А. Пионтковский, Курс советского уголовного права, т. II, М., 1970, стр. 276—280.

Сохранив в уголовном праве наказуемость неосторожных деяний, нормативная теория, по существу, упразднила неосторожность как форму вины, придавая неосторожности лишь значение психологического факта (у «финалистов» этот факт относится к неправде), который приобретает правовую релевантность только в том случае, если будет обоснована возможность морального упрека субъекту, допустившему неосторожность. Из нормативного учения о вине последовательно вытекает, что суд констатирует не наличие неосторожной вины, а факт неосторожного действия, которое само по себе не содержит момента вины. Вина — это только оценочное суждение судьи о действии и деятеле. Поэтому может наличествовать неосторожность, неосторожное действие, но отсутствовать вина, и, наоборот, можно обосновать вину и при отсутствии неосторожности или умысла в совершенном действии.

Такое решение вопроса совершенно открыто допускается верховным судом ФРГ, официально признавшим так называемую «финальную теорию вины». В одном из своих решений Бундсгерихт отмечает, что упрек в вине не обязательно должен быть связан с умыслом или неосторожностью; он может существовать и тогда, когда отношение лица к результату менее интенсивно, чем при преступной небрежности. Такой упрек может быть, в частности, связан с наступлением результата, хотя бы и не предвидимого, но возникшего из виновного осуществления опасного состояния¹⁰. В другом решении Бундсгерихта сказано: «... уже давно признано, что уголовно-правовая вина не заключается ни в умысле, ни в психологическом элементе неосторожности, а привступает как упречность к этим внутренним процессам. Такое понятие вины не исключает возможности сделать упрек в таком результате, который не охватывается ни умыслом, ни неосторожностью лица»¹¹. Как видим, нормативное понимание вины на практике приводит к объективному вменению.

Итак, хотя нормативное учение о вине и провозглашает, что неосторожность остается в сфере вины, поскольку она может стать предметом отрицательной оценки со стороны буржуазного судьи, однако оно не обосновывает неосторожность как форму вины. Для такого обоснования необходимо было показать, при наличии каких реальных элементов, при каком их устойчивом сочетании определенные психические процессы об-

разуют неосторожность как самостоятельную форму отрицательного (предосудительного) отношения к социальной действительности. «Нормативисты» уклоняются от ответа на этот вопрос, хотя очевидно, что, не раскрыв материального содержания соответствующего психологического материала, обосновать неосторожную вину нельзя.

§ 2. ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА

1. Социалистическое уголовное право с первых лет своего существования рассматривает вину как реальное психическое явление, имеющее конкретное содержание¹². Основным элементом вины признается психическое отношение преступника к совершенному им общественно опасному деянию и вредным последствиям этого деяния. Вместе с тем, так как предметом такого психического отношения являются факты, имеющие определенную социальную значимость, это психическое отношение всегда мыслится как нечто, неразрывно связанное с морально-политической оценкой действий субъекта. В частности, оно понимается как морально-предосудительное психическое отношение. Оценочный момент осуждения, который отмечался отдельными авторами как признак вины¹³, в советской юридической литературе более развернуто обосновал В. Г. Макашвили¹⁴.

Ныне оценочный момент в понятии вины выделяется многими представителями науки социалистического уголовного права¹⁵. Однако этот момент признается вторичным, производным от реального психического отношения. Иначе говоря, за основу берется положение, что морально-политическое осуждение не привносится извне, а что сам характер психического отношения обосновывает такое осуждение. Этим теория вины социалисти-

¹² См. А. А. Пионтковский, Уголовное право РСФСР, Часть Общая, М., 1924, стр. 131.

¹³ См. например, А. Н. Трайнин, Учение о составе преступления, М., 1946, стр. 68; А. А. Герцензон, Уголовное право, Часть Общая, М., 1948, стр. 329.

¹⁴ См. В. Г. Макашвили, Вина и сознание противоправности, Методические материалы ВЮЗИ, вып. 2, М., 1948, стр. 92; Е го же, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 11.

¹⁵ См. Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, М.—Л., 1949, стр. 115; В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 5, 22; И. Лекшас, Вина как субъективная сторона преступного деяния, М., 1958, стр. 16; Т. В. Церетели, К вопросу о понятии вины, «Мацне» («Вестник Отделения общественных наук АН ГССР»), 1960, № 1, стр. 128; А. А. Пионтков-

¹⁰ Излагается по D. Iang-Hinrichsen, Zur Krise Schuldgedankens im Strafrecht, „Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft“, Bd. 73, Berlin, 1961, S. 210.

¹¹ Цитируется по Kohlrausch-Lange, Strafgesetzbuch, 43 Aufl., Berlin, 1961, S. 226.

ческого уголовного права коренным образом отличается от идеалистической нормативной концепции вины¹⁶.

Советские теоретики исходят из того, что «установлением умысла или неосторожности в действиях лица, совершившего общественно опасное деяние, решается вопрос о его виновности»¹⁷. В науке и законодательстве в обобщенной форме указывается, в каких случаях и при наличии каких признаков умысел и неосторожность, будучи прежде всего явлениями психологическими, получают этико-юридическое значение, приобретают качество вины.

Органам юстиции остается лишь установить, соответствуют ли признаки субъективной стороны совершенного деяния тем признакам, которыми характеризуются в законе умысел и неосторожность как формы уголовно-правовой вины¹⁸.

Из сказанного не следует делать вывод, что теоретические или законодательные положения, касающиеся понятия вины и ее форм, являются раз и навсегда установленными. Будучи одной из центральных и сложных проблем, проблема вины в социалистическом уголовном праве является предметом постоянного обсуждения; законодательные положения о вине и ее формах также уточняются и совершенствуются¹⁹.

2. Как отмечалось, социалистическое уголовное право считает принципиально возможным рассматривать неосторожность как самостоятельную и полноценную форму вины. При этом исходным является марксистско-ленинское учение о свободе и необходимости, согласно которому все человеческие поступки детерминированы условиями окружающей действительности, но в пределах этой детерминированности у субъекта остаются до-

статочно широкие возможности сознательно и целенаправленно определить свою волю по отношению к природе и обществу. В соответствии с этим учением предпосылкой нравственного и правового вменения признается возможность человека, совершившего общественно опасное деяние, действовать иначе, чем он действовал в данном конкретном случае²⁰.

Эта общая предпосылка вменения сохраняет свою силу и по отношению к случаям неосторожности, в том числе к таким, при которых субъект, причинивший вред по оплошности, вовсе не предвидел наступления вреда²¹. И в этих случаях при наличии определенных внешних и внутренних факторов субъект может оказать воздействие на течение собственных представлений и на направленность своего поведения с тем, чтобы предвидеть и предотвратить наступление вреда. Такая возможность рассматривается не как нуль в психической сфере индивида, а как совокупность определенных условий, позволяющих реально изменить неблагоприятный исход поведения²². Однако раз такая реальная возможность не была использована, то это свидетельствует о специфическом отношении, о пренебрежительном, незаботливом отношении к интересам социалистического общества²³. При таком подходе можно не только констатировать наличие определенного положительного психологического момента, но вместе с тем обосновать морально-политическую упречность действующего субъекта, связать совершенное вредоносное деяние с внутренним миром данной личности и с системой ценностей, на которую она ориентирована. Указанный подход позволяет вскрыть идеологические и социальные корни неосторожной вины²⁴. Наконец, таким путем намечаются точные гра-

²⁰ См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 76.

²¹ См. В. Г. Макашвили, Вина и сознание противоправности, стр. 91; Его же, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 91; Уголовное право. Общая часть, М., 1948, стр. 345; Советское уголовное право. Общая часть, М., 1952, стр. 236; Б. С. Маньковский, Указ. соч., стр. 61—62; В. Ф. Кириченко, Указ. соч., стр. 28, 75; Курс советского уголовного права, т. II, М., 1970, стр. 317 и др.

²² См. В. Г. Макашвили, Вина и сознание противоправности, стр. 91; Его же, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 92; Маньковский, Указ. соч., стр. 61.

²³ См. Курс советского уголовного права, т. II, стр. 317—320.

²⁴ См. И. Лекшас, Указ. соч., стр. 69; П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве, Ученые записки Дальневосточного го-

ский, Преступление, Курс советского уголовного права. Часть Общая, т. II, М., 1970, стр. 167; А. К. Вачейшвили, Субъективная сторона преступления в советском уголовном праве, Тбилиси, 1957, стр. 192 (на груз. яз.); А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 126—128, и др. Против выделения оценочного момента в понятии вины см. Я. М. Брайнин, Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве, М., 1963, стр. 240.

¹⁶ О нормативном понимании вины у некоторых советских авторов см. Курс советского уголовного права, Часть Общая, т. II, М., 1970, стр. 280—288.

¹⁷ Там же, стр. 267—268.

¹⁸ Подробно см. П. С. Дагель, Р. И. Михеев, Установление субъективной стороны преступления, Владивосток, 1972.

¹⁹ См. Курс советского уголовного права. Часть общая, т. II, М., 1970, стр. 261; Т. В. Церетели, Развитие понятия вины в советском уголовном праве, «Советское право», 1967, № 4, стр. 39 (на груз. яз.).

ницы, отделяющие неосторожную вину, с одной стороны, от невиновного причинения (casus), а с другой — от умысла как формы вины.

3. Такова в самых общих чертах господствующая в социалистической науке уголовного права концепция неосторожной вины. Вместе с тем существуют и другие точки зрения, которые или полностью расходятся с изложенным взглядом, или заметно отличаются от него. Так, следует отметить точку зрения М. А. Чельцова, который склонялся к отрицанию момента вины при преступной небрежности²⁵. Такая позиция могла бы привести к объективному вменению, чуждому советскому уголовному праву. Поэтому она не нашла поддержки ни в науке, ни в судебной практике.

М. Д. Шаргородский не отрицал вину при неосторожности *in expressis verbis*, однако предложенная им конструкция небрежности логически предполагала в некоторых случаях допущение объективного вменения. Для небрежности М. Д. Шаргородский считал достаточным, чтобы субъект мог или должен был предвидеть наступление общественно опасных последствий²⁶. Очевидно, долженствование предвидения без соответствующей субъективной возможности не может само по себе обосновать вину: на этом моменте основана другая предпосылка ответственности — противоправный характер деяния. Кроме того, поскольку по конструкции М. Д. Шаргородского лицо может подлежать ответственности и в том случае, когда оно могло, но не должно было предвидеть общественно опасные последствия своего деяния, постольку допускается вменение и таких последствий, предвидение и предотвращение которых не требовалось правом. Таким образом, с одной стороны, допускается возможность ответственности без вины, а с другой — ответственности без противоправности.

По мнению А. С. Никифорова и Б. С. Утевского, сущность неосторожной вины заключается в сознательном пренебрежении субъектом лежащей на нем обязанностью напрячь свою волю и умственные способности так, чтобы получить фак-

сударственного университета, вып. 21, ч. I, Владивосток, 1968, стр. 174—175; Его же, Причины неосторожных преступлений в СССР, «Советское государство и право», 1973, № 3, стр. 73.

²⁵ См. М. А. Чельцов, Спорные вопросы учения о преступлении, «Социалистическая законность», 1947, № 4, стр. 9.

²⁶ См. М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1948, стр. 198; Его же, Ответственность за преступления против личности, Л., 1953, стр. 38; Его же, Научный прогресс и уголовное право, «Советское государство и право», 1969, № 12, стр. 90.

тическую возможность предвидеть общественно опасные последствия²⁷. По существу, к этому же сводится точка зрения В. К. Райхера, Б. С. Волкова, Б. Я. Петелина, С. А. Тарарухина, В. Е. Квашиса, Ш. Д. Махмудова и венгерского криминалиста М. Кадар, которые признают, что для неосторожности (небрежности) характерно психическое отношение (сознание, воля) к самому деянию, но отнюдь не к наступившим вредным последствиям²⁸.

Ни одна из указанных точек зрения не находит поддержки в законодательстве, которое предполагает уголовную ответственность и за такие случаи неосторожности, когда нарушение нормы предосторожности (собственно деяние) осуществляется неосознанно (например, утрата документов, содержащих государственную тайну — ст. 77 УК ГССР). Кроме того, установление психического отношения к деянию недостаточно для решения вопроса, на каком основании вменяется субъекту наступивший вредный результат при выполнении так называемого материального деликта.

Перед принятием нового уголовного кодекса ГДР известный немецкий криминалист И. Лекшас высказался за то, чтобы сущность неосторожной вины усматривать в умышленном пренебрежении правовой обязанностью при неосторожном отношении к вредному результату²⁹. Предложенная исключительно в плане *de lege ferenda*, эта конструкция имеет несомненное преимущество по сравнению с предыдущими: в ней ясно указано психическое отношение как к деянию, так и к вредному результату. Однако конструкция И. Лекшаса не совсем обосновано ограничивает сферу неосторожной вины случаями умышленного нарушения правового долга. Видимо, поэтому она не была воспринята УК ГДР (см. § 8 (2)).

²⁷ См. А. С. Никифоров, Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности, Ученые записки ВИЮН, Вып. I, М., 1955, стр. 150; Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., 1950, стр. 279—281.

²⁸ См. Научная дискуссия на юридическом факультете, «Вестник ЛГУ», 1951, № 9, стр. 97; Б. С. Волков, Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965, стр. 40, 91; Б. Петелин, Значение мотива и цели при неосторожном преступлении, «Советская юстиция», 1973, № 7, стр. 8—9; М. Кадар, Неосторожная вина и ответственность за преступления, совершенные по неосторожности, Вопросы уголовного права стран народной демократии, М., 1963, стр. 258; С. А. Тарарухин, Преступное поведение. Социальные и психологические черты, М., 1974, стр. 69—71; В. Е. Квашис, Ш. Д. Махмудов, Ответственность за неосторожность, Издательство «Ирфон», Душанбе, 1975, стр. 16—21.

²⁹ См. I. Lekschas, Über die Strafwürdigkeit von Fahrlässigkeitsverbrechen, Berlin, 1958, S. 45—48.

ОБОСНОВАНИЕ НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ

§ 1. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ

1. В ст. 9 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик сказано: «Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть». Как видим, статья эта характеризует психологическую сторону неосторожной вины путем указания на негативный признак. В частности, это касается небрежности, существование которой признается лишь в том случае, когда лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния.

Указание закона на отсутствие предвидения общественно опасного последствия не дает полного представления о психологической природе неосторожной вины. В известной мере это представление восполняется указанием на «возможность предвидения». Однако остается неясным, каково то психическое состояние, которым определяется сама возможность предвидения. Как правильно замечает известный болгарский криминалист К. Лютов, «...марксистская юридическая наука считает, что существует реальное психическое отношение к конкретному общественно опасному деянию, и наша задача раскрыть его содержание, а также специфику, которую оно имеет по сравнению с психическими переживаниями, характерными для другой формы вины»¹.

Советские криминалисты, занимающиеся вопросами неосторожной вины, выдвинули немало ценных положений для обоснования реального характера психического отношения лица к

¹ К. Лютов, Рецензия на книгу В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, Госюриздат, 1957; «Правна мисъл», 1958, № 3, стр. 121.

содеянному при неосторожности². Однако при этом они исходят преимущественно из классической психологии, что не позволяет до конца проникнуть в природу реальных психических процессов, в особенности при так называемой «неосознанной неосторожности» (небрежности).

2. При исследовании психологического аспекта неосторожности прежде всего следует выяснить, можно ли рассматривать неосторожность как реальный психический факт, и в случае утвердительного ответа на этот вопрос — описать тот психический процесс, который имеет место при неосторожности.

Отрицать наличие психических процессов в тех проявлениях неосторожной вины, при которых лицо сознает хотя бы некоторые элементы своего поведения (нарушение нормы предосторожности, создание опасности и т. д.), нет никаких оснований. Однако существуют и такие проявления неосторожности, при которых нанесение вреда правовым благам или поставление их в опасность происходит в результате забывания, растерянности или иного неосознанного нарушения норм предосторожности. Нам представляется целесообразным начать изложение именно с этих случаев, составляющих, пожалуй, наиболее сложную и интересную часть учения о неосторожности.

Характерным для намеченного круга случаев является полное отсутствие у лица представления о своей деятельности в момент вредоносного поведения. В силу этого обстоятельства решение вопроса о наличии или отсутствии вины в указанных случаях зависит от решения одной из основных психологических проблем — существует ли бессознательное психическое вообще.

3. Фрейд один из первых в буржуазной науке попытался решить проблему бессознательного психического. Его теория и поныне остается влиятельной на Западе, что обязывает нас ознакомиться, хотя бы в общих чертах с учением Фрейда, которое непосредственно связано с интересующей нас проблемой. Это тем более необходимо, что свою теорию о бессознательном психическом Фрейд иллюстрирует конкретными типами поведения, которые почти полностью воспроизводят структуру неосознанно-неосторожных деяний.

² См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 93—94; А. А. Пионтковский, Учение о преступлении, М., 1961, стр. 374—378; Его же, Преступление, Курс советского уголовного права, т. II, М., 1970, стр. 317—320; П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве. Ученые записки Дальневосточного государственного университета, 1968, вып. 21, ч. I, стр. 35, 119—121; П. С. Дагель, Д. П. Котов, Субъективная сторона преступления и ее установление, Воронеж, 1974, стр. 143—145.

Фрейд указывает на следующие условия, которым должно удовлетворять действие, входящее в группу рассматриваемых им случаев:

а) Оно не должно выходить за известный предел, установленный нашим суждением и обозначенный словами «в границах нормального».

б) Оно должно носить характер временного и преходящего расстройства. Нужно, чтобы то же действие перед этим выполнялось правильно или чтобы мы считали себя способными в любой момент выполнить его. Если нас поправил кто-либо другой, нужно, чтобы мы тотчас же увидели, что поправка верна, наш же психический акт неправилен.

в) Если мы вообще и замечаем погрешность, мы не должны отдавать себе отчета ни в какой мотивировке, наоборот, нужно, чтобы мы были склонны объяснить ее «невнимательностью» или «случайностью».

Таким образом, в этой группе остаются случаи забывания, ошибки в таких вещах, которые знаешь, обмолвки, опiski, очитки, ошибочные движения и так называемые случайные действия³.

Объединив все перечисленные случаи под общим названием «психически дефектные действия», Фрейд пытается раскрыть психологический механизм возникновения в них «дефекта», т. е. установить, почему и по каким психологическим законам они отклоняются от первоначального курса.

Исходным положением психоаналитического учения Фрейда является утверждение, что «в области психического нет ничего произвольного, не детерминированного»⁴. Отсюда следует, что и в рассматриваемых Фрейдом случаях, безусловно, должна существовать какая-то причина, обуславливающая возникновение дефекта. Что же, собственно, является таким детерминирующим фактором по учению Фрейда?

Согласно Фрейду, целостная структура психики человека складывается из трех систем: бессознательного, предсознательного и сознания. Основная часть психической системы бессознательного состоит из врожденных инстинктов («эроса» — сексуального влечения, «танатоса» — стремления к самоуничтожению) и врожденных племенных воспоминаний. Это — наследственно передаваемые элементы бессознательного, которые хотя и вытеснены из сознания сильным давлением социальных (мо-

³ З. Фрейд, Психопатология обыденной жизни, М., 1926, стр. 207—208.

⁴ З. Фрейд, Указ. соч., стр. 212; Его же, О психоанализе, М., 1913, стр. 43.

ральных) норм в процессе исторического становления человека, но все же сохраняют «заряд психической энергии», которая на протяжении всей жизни человека добывается своего сознательного признания и моторного выражения. Кроме того, система бессознательного содержит в себе такие представления, желания, стремления и мысли, которые некоторое время представляли собой явления сознания, но затем были вытеснены им и превратились в воспоминания (диспозиции). Именно из этой части «вытесненного» и образуется промежуточная система предсознательного, являющаяся границей между сознанием и бессознательным. Наконец, последующая и конечная инстанция психики — это сознание.

В соответствии с приведенным делением психики Фрейд считает, что личность — арена борьбы враждебно настроенных сознательных и бессознательных психических сил, что, когда побеждает какое-либо бессознательное стремление, у человека создается иллюзия, что он действовал случайно. В действительности все так называемые «дефектные действия» суть проявления вполне определенных мотивов и намерений (вытесненных комплексов и желаний), которые хотя и являются бессознательными, поскольку не озаботены лучом сознания, но, тем не менее, имеют реальное бытие в психической жизни человека. Поэтому, согласно Фрейду, если кто-либо забывает выполнить определенное намерение (в юридической практике такие случаи обычно выступают в форме так называемого «неосторожного упущения», например, стрелочник забывает перевести стрелку, в результате чего происходит крушение), из этого вовсе не следует, что это происходит случайно — за каждым таким забыванием скрывается «бессознательное нежелание», «мотив неохоты». Когда врач ошибочно вливает в глаз пациенту морфий, вместо глазной воды (так называемая фактическая ошибка), то его действие также определяется «намерением, недошедшим до его сознания». Точно так же «бессознательно мотивируется» желанием потеря какой-либо вещи (предположим документа, содержащего государственную тайну). Согласно Фрейду, такой случай может быть лишь выражением того, что человек не дорожит утраченным предметом, втайне не расположен к этому предмету или к лицу, от которого он исходит. Не составляет исключения и забывание впечатлений (например, свидетель неправильно воспроизводит происшедшее), когда обман памяти «мотивируется бессознательным вытесненным материалом» и т. д. и т. п.

Фрейд считает, что все эти примеры наглядно указывают на происхождение «дефектных действий»: «Эгоистические, завистливые, враждебные чувства и импульсы, испытывающие на

себе давление морального воспитания, нередко утилизируют у здоровых людей путь дефектных действий, чтобы так или иначе проявить свою несомненно существующую, но непризнанную высшими душевными инстанциями силу».⁵

Такое решение вопроса не может не вызывать возражений. Прежде всего следует иметь в виду, что «дефектные действия» нередко проявляется в актах, повлекших лишение собственной жизни или повреждение собственного здоровья (несчастные случаи на производстве, автоаварии и т. д.). Возникает вопрос: можно ли допустить, что человек имеет «эгоистические, завистливые, враждебные чувства и импульсы» в отношении самого себя, или мыслимо ли, чтобы человек, выражаясь словами Фрейда, имел «бессознательный» мотив или намерение лишить себя жизни либо повредить себя (разумеется, полностью исключаются случаи осознанного самоубийства и самоповреждения). В учении Фрейда имеется прямой ответ на этот вопрос, ибо он в систему бессознательного включил врожденный инстинкт — «стремление к смерти». Это подавленное сознанием инстинктивное стремление в системе бессознательного сохраняет свою силу и возможность выражения в двигательной активности. Именно эта сила, именуемая Фрейдом «зарядом психической энергии» («катексис»), толкает человека нанести вред самому себе.

Между тем огромный эмпирически верифицируемый материал, в особенности же бессознательные автоматические реакции самозащиты человека на неожиданные внешние угрозы, убедительно доказывает необоснованность такого мистического предположения и целесообразное стремление человека (как и всех живых существ) к сохранению жизни. Совершенно очевидно, что человек не может иметь никаких «враждебных» комплексов в отношении родных детей и т. п.

Обратимся к анализу рассматриваемой теории с общей методологической точки зрения, для того чтобы лучше уяснить несостоятельность этой теории как общепсихологической концепции, претендующей на исчерпывающее объяснение интересующих нас психических явлений.

Выше мы ознакомились с основными положениями Фрейда, которые служат раскрытию психологического механизма происхождения дефектных действий психики — случаев, которые составляют значительную часть «неосознанной неосторожности». В результате мы установили, что упомянутые случаи причинно обусловлены, выражаясь в наиболее общей форме, областью бессознательного психического.

⁵ З. Фрейд, Психопатология..., стр. 250—251.

Однако ни указание на существование бессознательной психической реальности, ни описание различных вытесненных комплексов и желаний, их взаимоотношения с другими элементами психики недостаточны для того, чтобы полностью познать бессознательную психику и установить ее закономерности. Для этого необходимо уяснить, какое место занимают изучаемые психические явления во всеобщей связи и взаимообусловленности явлений материального мира. Между тем Фрейд не только не пытается сделать это, но в принципе отвергает понятие внешней среды как основного детерминанта человеческой психики. Он рассматривает психику как замкнутую саморегулирующую систему (своего рода *causa sui*), в которой все явления детерминированы, но ни одно из них не подвергается объективной детерминации. Только психическое может быть причиной психического. Следовательно, причины психических процессов — в самой психике⁶.

Такой имманентный детерминизм — один из главных методологических принципов Фрейда. Согласно Фрейду, если принять за основу принцип объективной детерминации, то был бы совершенно непонятен смысл протекающих в психике процессов. Например, было бы невозможно объяснить, почему, когда человек забывает выполнить определенную обязанность, он забывает выполнить именно эту, а не другую обязанность. При повреждении какой-либо вещи осталось бы неразгаданным, почему человек повредил именно эту вещь, а не другую и т. д. По мнению Фрейда, поиски причин психических «погрешностей» в повседневной жизни в глубинных слоях бессознательной психики обеспечивают правильный и точный ответ. Психоанализ не что иное, как метод анализа этих глубинных явлений.

Таким образом, применяя принцип психической причинности, Фрейд стремится во что бы то ни стало доказать, что в мире психическом безраздельно господствует закон необходимости и что поэтому в нем не может быть места случайности.

Однако достаточно ли провозглашение принципа психической причинности, для того чтобы полностью вытеснить случайность из психической сферы? Очевидно, нет. Фрейд так и не смог объяснить, почему человек, регулярно выполняющий определенную служебную обязанность (допустим, воинскую), забыл выполнить ее именно в данный момент, а не в другой или почему человек, нечаянно повредивший вещь, допускает промах именно в этот, а не в другой момент, хотя он соприкасается с этой вещью чуть ли не каждую минуту.

⁶ Подробное изложение и критику идеалистического детерминизма З. Фрейда см. в книге А. Е. Шерозия, К проблеме сознания и бессознательного психического, I, Тбилиси, 1969, стр. 130—169.

Указанного обстоятельства было бы достаточно, чтобы доказать, что учение Фрейда не в состоянии удовлетворительно объяснить закономерности бессознательной психики вообще и в частности психологический механизм возникновения моментальных психических пробелов. К тому же необходимо отметить следующее. Причинность — это динамический процесс, при котором за явлением, вызвавшим следствие, предполагается опеределенная сила. По Фрейду, психическое не могло обладать такой силой, так как в этой системе все психические элементы вращаются внутри замкнутого круга, ни один из них не соприкасается с материальным миром. Поэтому Фрейд вынужден был ввести понятие психической энергии и говорить о передаче этой энергии, ибо без этого невозможно было бы доказать реальную возможность причинной связи. Именно эта неведомая, вечная и неизменная «психическая энергия» является той универсальной силой, под непосредственным воздействием которой возникают самые разнообразные психические явления.

Несомненно, отрицание детерминирующей роли конкретной внешней среды, в которой протекает деятельность субъекта, не позволяет объяснить, как одна и та же психическая сила порождает такие разнотипные «дефектные действия», как, например, обмолвки и ошибочные движения. Более того, указанный подход представляется непригодным для разумного истолкования происхождения даже однотипных явлений, например ошибочных действий. Было бы, очевидно, наивно полагать, что хирургические ошибки возникают под влиянием тех же психических сил, которые действуют, когда должностное лицо выдает по ошибке секретный документ.

Сказанное лишней раз доказывает, что теория Фрейда — это идеалистическая концепция, которая не может служить для правильного психологического объяснения случаев «неосознанной неосторожности». Поэтому вслед за философами и психологами юристам также следует чрезвычайно критически относиться к этой теории.

4. Вместе с тем гипотеза Фрейда о существовании бессознательной психики и некоторые факты, приводимые им в доказательство этой гипотезы, сыграли определенную роль в развитии психологической науки. Развернулось интенсивное исследование ряда проблем, намеченных З. Фрейдом.

В настоящее время наука располагает неисчислимым количеством эмпирических и экспериментально доказанных фактов, которые не оставляют сколько-нибудь серьезного сомнения в том, что бессознательная психическая деятельность существует. Поэтому советские ученые стоят на той позиции, что сле-

дует «не только критически оценивать психоаналитические и тому подобные теории, но и противопоставить этим теориям диалектико-материалистическую точку зрения на природу и роль неосознаваемых форм высшей нервной деятельности»⁷.

Особенно большой вклад в исследование проблемы бессознательных психических процессов внес Д. Н. Узнадзе. Он разработал такое понятие бессознательного, которое может быть признано пригодным для объяснения всех основных аспектов человеческой активности. По нашему мнению, ответ на вопрос: какова психологическая природа неосознанной неосторожности, — следует искать именно в теории Д. Н. Узнадзе, которая «является в настоящее время единственной не только в советской, но и в мировой литературе экспериментально обоснованной концепцией «бессознательного»⁸.

Основная заслуга Д. Н. Узнадзе в том, что он сумел в положительных признаках описать закономерности бессознательных психических процессов, которые до того определялись лишь негативно, т. е. как обыкновенные психические явления, лишённые, однако, момента сознательности.

В результате многолетней экспериментальной и теоретической работы Д. Н. Узнадзе пришел к выводу, что положительное содержание бессознательного психического — это не что иное, как установка⁹, которая, будучи вполне определенным психическим явлением, подчиняется специфическим психологическим законам.

Основные, наиболее интересные для темы нашего исследования положения теории установки сводятся к следующему. Повседневная жизнь человека протекает в его непрерывной активности. Ежеминутно и ежечасно одну какую-нибудь активность человека в определенном направлении заменяет другая его активность. Но для начала какой бы то ни было активности необходимы два условия: 1) потребность (субъективный фактор) и 2) среда, включающая предмет удовлетворения этой потребности (объективный фактор). Только при наличии этих двух условий человек начинает действовать определенным образом. Однако взаимодействие потребности субъекта и соответствующей актуальной ситуации не находит непосредственного выражения в поведении. Каждому поведению предшествует из-

⁷ Постановление Всесоюзного совещания по философским вопросам физиологии высшей нервной деятельности и психологии, «Вопросы психологии», 1962, № 4, стр. 6—7; См. также «Коммунист», 1963, № 8, стр. 101.

⁸ Ф. В. Бассин, Проблема бессознательного, М., 1968, стр. 223—224.

⁹ См. Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961, стр. 178.

менное психическое состояние субъекта — преднастроенность, тендирование, готовность к необходимым действиям, — которое вызывается влиянием объективной ситуации. Это специфическое, целостное (нерасчлененное) психическое состояние субъекта, которое не сводится к каким-нибудь частным психическим фактам (познавательным, эмоциональным или волевым), Д. Н. Узнадзе обозначает термином «установка». Будучи вполне определенным состоянием целостной психики, установка тем не менее не дается в сознании субъекта, но предвеляет всю его будущую деятельность независимо от того, будет ли она сознательной или несознательной. Одной из наиболее характерных черт этого бессознательного психического состояния является то, что в нем «образ» и «план» слиты воедино, оно одновременно отражает прошлое (потребность, среда) и предвосхищает будущее (поведение).

Как отмечал Д. Н. Узнадзе, установка субъекта — это «его изначальная реакция на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи»¹⁰. Поскольку эта «изначальная реакция» имеет приспособительно-целесообразный характер, человеку не приходится каждый раз обращаться к отдельным своим психическим функциям (воля, интеллект, эмоция) для коррекции избранного курса. Поэтому иногда, возникая под влиянием актуальной ситуации, установка сразу же реализуется в поведении. Такое поведение «...протекает под знаком полной зависимости от импульсов, вытекающих из сочетания условий внутренней и внешней среды», и соответственно называется импульсивным поведением. Характерной чертой импульсивного поведения является отсутствие внимания в процессе его реализации. Такое поведение протекает без каких-либо препятствий, которые вынудили бы субъекта сделать свое поведение объектом специального внимания. Если, несмотря на это, импульсивное поведение не теряет, как правило, своего приспособительно-целесообразного характера, то это объясняется тем, что функцию внимания в этих случаях берет на себя установка¹¹.

Между тем человеческая активность далеко не исчерпывается случаями, когда поведение протекает без участия внимания, на базе одной лишь актуальной, первичной, импульсивной

установки. Нередко в процессе осуществления такой установки человек наталкивается на определенное объективное препятствие или же обнаруживает, что предпринятое им поведение больше не удовлетворяет по той или иной причине его потребность (внутреннее препятствие)¹². В таком случае субъект приостанавливает свою деятельность и не дает ей реализоваться полностью, временно задерживается на ней и переживает ее как нечто объективное, нечто независимо от него существующее. Описанный психический акт именуется актом объективации. На этом, очевидно, не кончается активность психики в рассматриваемых ситуациях. Согласно теории установки, «...акт объективации — это психологический механизм, дающий возможность «отказаться» от действия на основе активизированных, фиксированных или импульсивных установок и действовать через осознание своего отношения к происходящему»¹³. Но откажется субъект от первичной установки или нет, не предрешается на уровне объективации. Вслед за объективацией субъект совершает следующие психические операции над добытым благодаря объективации материалом: прежде всего человек концентрирует внимание на своем поведении, затем строит мысленную, воображаемую ситуацию и вместо реального поведения проявляет задержанную установку в мысленно представленной ситуации для того, чтобы предвидеть будущее течение, а также возможные результаты своего поведения. Далее, субъект решает, какова персональная ценность представленного им мысленно поведения и его результатов, включая их в общую систему своих социальных потребностей. Только после этого в зависимости от того, насколько адекватно будут проведены мысленные операции над объективированным материалом и насколько возможные последствия представленного мысленно поведения будут соответствовать персональным ценностям действующего субъекта, — он откажется или, приняв меры для устранения возникшего препятствия (в этом случае придется искать более целесообразные пути), не откажется от реализации возникшего на базе актуальной установки поведения.

В обоих случаях в основе решения, принятого в результате окончательной оценки возможного поведения и его результатов, будет лежать не актуальная установка, а установка, возникшая на почве мысленно представленной ситуации. Для того, чтобы реализовать эту установку, т. е. практически претворить

¹⁰ Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961, стр. 18.

¹¹ См. Д. Н. Узнадзе, Указ. соч., стр. 99—100.

¹² См. Д. Н. Узнадзе, Указ. соч., стр. 194.

¹³ А. С. Прангишвили, Исследования по психологии установки, Тбилиси, 1967, стр. 74; См. Д. Н. Узнадзе, Указ. соч., стр. 195.

ее в жизнь, субъекту приходится прибегать к такой специфической функции своей психики, как воля. Соответственно такое поведение называется волевым.

Из всего сказанного относительно двух планов работы человеческой психики бесспорно вытекает, что интересующие нас случаи неосознанного неосторожного действия относятся к первому из них — плану установки, а не ко второму — плану объективации. Поэтому для раскрытия психологической природы неосознанного неосторожного деяния необходимо обратиться к положениям, касающимся плана установки.

5. В отличие от Э. Фрейда, Д. Н. Узнадзе не анализировал положения своей теории о бессознательном специально на конкретных примерах неосторожных деяний. Дело осложняется и тем, что подобные случаи не поддаются непосредственной экспериментальной проверке¹⁴. Однако, будучи правильно применены, экспериментально обоснованные общие положения теории установки вносят существенную ясность в вопрос о психологической природе неосторожной вины. Так, первый, наиболее важный вывод, который вытекает из теории установки, заключается в том, что неосознанно-неосторожное деяние — одно из проявлений импульсивной установки. Указанное положение одинаково распространяется на все неосознанно-неосторожные деяния, независимо от того, выступают ли они в форме действия или бездействия.

Самым наглядным образом это положение иллюстрируется случаями, когда неосознанное, опрометчивое действие или бездействие разворачивается при отсутствии сознательно-волевой активности субъекта в каком-либо другом направлении.

Судебной практике известны случаи, когда, задумавшись, человек, не осознавая своего поступка, бросает на пол непотухшую сигарету, в результате чего возникает пожар. В таких случаях, с одной стороны, у субъекта имеется актуальная потребность избавиться от ненужной ему (уже докуренной) сигареты, а с другой — он находится в ситуации, в которой ему ничто не мешает немедленно удовлетворить эту потребность, дать «выход» своей потребности в соответствующем действии, не сосредоточивая на нем внимания. В результате взаимодействия обоих этих условий у субъекта возникает установка выбросить сигарету, и эта установка им неосознанно реализуется. Это — типичный пример импульсивного поведения, которое протекает под непосредственным контролем установки; с точки зрения права это — классический случай неосознанной неосторожности (при наличии прочих условий).

Обнаружение установки в неосознанно-неосторожных деяниях и определение направленности этой установки, часто наталкиваются на известные трудности. В частности, с точки зрения психологического анализа весьма сложными представляются случаи, когда неосознанно-неосторожное деяние возникает в процессе какой-либо волевой или импульсивной активности.

Из многочисленных примеров подобного рода самыми распространенными и типичными в уголовно-правовой практике являются такие происшествия на транспорте, когда при вождении автомобиля водитель наезжает на пешехода, не только не предвидя такого исхода, но даже не сознавая отклонения своего поведения от первоначально задуманного.

Очевидно, управляя автомашиной, водитель преследует известную цель (явиться на службу в назначенное время, срочно доставить больного в госпиталь и т. п.) и сознательно или неосознанно осуществляет соответствующие телодвижения. Он старается достигнуть цели с наименьшей затратой сил, т. е. преодолеть наименьшее количество препятствий. Поэтому, естественно, что никакое осложнение ситуации, тем более такое, как авария, не может иметь для него какой-либо эмоциональной привлекательности. Между тем именно стремление беспрепятственно пройти путь к цели иногда может породить у субъекта потребность сделать что-либо, что облегчило бы эту задачу (например, превысить скорость или перейти на левую сторону движения).

Если обстановка этому не благоприятствует, если на левой стороне интенсивное движение или путь усиленно контролируется автоинспекцией, водитель не находит ситуации для удовлетворения своей потребности, и поэтому у него не может возникнуть установка, соответствующая актуальной потребности. Однако, если ситуация окажется удовлетворяющей такую потребность, у водителя может моментально возникнуть установка к соответствующему действию, и тогда, возможно, не сознавая этого, он приступит к реализации установки, что и приведет к аварии.

Такое отклоненное действие так органически вплетается в ткань первоначального основного поведения, что создается впечатление, будто ничего не изменилось в структуре последнего, а происшедшая авария является побочным последствием этого основного деяния. Однако это не так. Как указывает Э. И. Ходжава, «...реальный процесс каждого действия является с начала до конца процессом функционирования установки, и всякое его изменение есть проявление изменения самой уста-

¹⁴ См. Ф. В. Бассин, Указ. соч., стр. 294.

новки»¹⁵. Поэтому с точки зрения строгого психологического анализа авария является результатом возникновения и реализации новой установки в процессе реализации старой установки.

Бывают и случаи, когда новая установка противоположна по направленности старой и не дает последней реализоваться. Такой психологический механизм наблюдается, например, при так называемом неосторожном опущении, когда индивид забывает выполнить действие, исполнение которого на него возлагалось в силу закона, договора, специального профессионального положения или иного основания. Неосторожное опущение может выражаться в невыполнении самых различных действий: железнодорожный стрелочник забывает перевести стрелку и вызывает крушение; должностное лицо теряет важный секретный документ, забыв спрятать его в сейф; сторож забывает явиться на вверенный ему для охраны объект, и воры похищают социалистическое имущество; фельдшер забывает сделать тяжело больному инъекцию, в результате чего больной умирает, и т. п.

Во всех перечисленных случаях, на первый взгляд, создается впечатление, что отсутствует не только надлежащее телодвижение (моторная активность), но вместе с тем и психическая активность. Однако с психологической точки зрения такой вывод неверен. Следует учитывать, что в рассматриваемых случаях до определенного момента лицо регулярно выполняло возложенную на него обязанность или, по крайней мере, твердо знало о том, что такая обязанность на него возлагается. Следовательно, до противоправного бездействия у субъекта имелась установка к надлежащему действию. Нереализация этой установки, с одной стороны, и противоправное бездействие — с другой, не могло возникнуть без определенного психического основания. Согласно теории установок это психическое основание следует усматривать в следующем: в предшествующий неосознанному бездействию определенный промежуток времени у субъекта возникла актуальная потребность покоя (бездействия); оказавшись в ситуации, удовлетворяющей эту потребность (такой ситуацией может служить обстановка, в которой ни явления внешнего мира, ни мотивы долженствования не напоминают субъекту об его обязанности), у него выработалась установка к бездействию¹⁶, которая, будучи необходимой психо-

¹⁵ З. И. Ходжава, Проблема навыка в психологии, Тбилиси, 1960, стр. 227.

¹⁶ Как указывает Д. Н. Узнадзе, без установки у субъекта не может возникнуть даже такое крайне пассивное состояние, как сон.

логической основой для того, чтобы субъект бездействовал, в то же время служит помехой для реализации старой установки к надлежащему действию.

Для установки к противоправному бездействию характерно именно то, что в силу специфики самого бездействия, она выступает в качестве психологического барьера в тех случаях, когда выполнение определенного действия требуется правопорядком.

Итак, иногда неосознанно-неосторожное поведение является проявлением того, что в процессе реализации или до реализации старой установки возникает новая установка, полностью противостоящая старой. Примеры подобного столкновения установок, которые при желании можно умножить, полностью согласуются с положением С. А. Рубинштейна, согласно которому «неосознание тех или иных явлений означает не только негативный факт, отсутствие их осознания. Так же, как торможение не есть просто отсутствие возбуждения, так и неосознание, обусловленное торможением, означает не только отсутствие сознания, а является выражением активного процесса, вызванного столкновением антагонистически действующих сил в жизни человека»¹⁷.

Возникает вопрос: чем определяется то, что при наличии у человека двух противоположно направленных установок, реализуется именно одна из них.

З. И. Ходжава, экспериментально изучивший эту проблему на примере фиксированных установок, указывает на новизну как на один из основных определяющих факторов¹⁸. Это положение полностью подтверждается рассматриваемыми нами примерами: установка к бездействию потому и берет верх над установкой к надлежащему действию, что первая является последней по ряду, т. е. новой.

Несколько иным образом представляется дело в тех случаях неосознанно-неосторожного опущения, когда последнее является проявлением не столкновения (коллизии), а соперничества (конкуренции) между направленными на разные деяния установками. Наиболее четко такой процесс прослеживается при растерянности, когда субъект, оказавшись в сложной ситуации, требующей принятия правильного и срочного решения, не делает этого, хотя должен был и мог это сделать. В таких ситуациях происходит своего рода «дезинтеграция личности», «расщепление» ее психики на несколько

¹⁷ С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, М., 1957, стр. 279.

¹⁸ З. И. Ходжава, О действии противоположно направленных установок. Труды Института психологии им. Д. Н. Узнадзе, т. XIV, стр. 271.

установок, направленных на разные действия. Эти установки как бы нейтрализуют друг друга и в таком случае субъект остается инактивным в отношении должного поведения.

Описанный психологический механизм будет лежать, например, в основе неосознанно-неосторожного бездействия охранника, который, растерявшись при грабеже банка, бессмысленно мечется, вместо того, чтобы немедленно сообщить соответствующим органам или открыть стрельбу по грабителям.

Бывает и так, что при растерянности одна из соперничающих между собой установок по той или иной причине перебивает другую и, естественно, человек начинает действовать в соответствии с ней. В качестве примера можно назвать действие машиниста пассажирского поезда, который, неожиданно увидев находящееся вблизи от полотна железной дороги стадо, необоснованно тормозит поезд на опасном повороте и вызывает крушение.

6. Итак, на основных типах неосознанно-неосторожных преступлений мы попытались показать, что даже тогда, когда общественно опасное деяние (действие или бездействие) осуществляется неосознанно, оно возникает при участии специфического психического состояния — установки. Эта установка предполагает активное динамическое начало — преднастроенность, готовность, тягу субъекта к определенному общественно опасному деянию и, тем самым, свидетельствует, что субъект является подлинным психологическим автором деяния. Именно поэтому мы имеем полное право утверждать, что при неосознанном неосторожном деянии отсутствие несовместимого с установкой акта внимания не означает пустоты в психике человека, как это иногда утверждается даже в социалистической юридической литературе¹⁹. Можно лишь говорить о своеобразной, бессознательно-волевой психической деятельности, которая, как и сознательно-волевая психическая деятельность, вполне активна и, следовательно, всегда обращена вперед, к будущему. В этом отношении обнаруживается определенное сходство между уголовно-правовым умыслом и неосознанной неосторожностью — оба они порождают общественно опасное деяние (действие или бездействие) и направлены на его осуществление.

7. Мы рассмотрели такие случаи небрежности, когда сознанием субъекта не охватывались не только возможные общественно опасные последствия деяния, но и все предшествующие фазы развития деятельности, включая само деяние.

Между тем небрежность часто выражается в таком непред-

видении возможных общественно опасных последствий, когда некоторые из предшествующих фаз развития деятельности находятся в поле активности сознания. Тут могут быть различные комбинации: лицо действует сознательно, но не сознает, что нарушает норму предосторожности или создает возможность наступления опасных последствий; лицо сознательно нарушает норму предосторожности, но не сознает, что такое нарушение может повлечь общественно опасное последствие; лицо сознает отдельные фактические моменты поведения, но не сознает его общественной опасности и т. п. Единственное, что постоянно остается за порогом сознания, это возможные общественно опасные последствия деяния, осознание которых вообще исключило бы небрежность.

Наличие в перечисленных случаях активных психических процессов не вызывает сомнений в советской юридической литературе. Между тем вопрос о том, какому классу психических явлений принадлежат эти процессы и какое они имеют отношение к наступившим последствиям, все еще остается недостаточно разработанным. Глубокое уяснение этих вопросов имеет важное значение для обоснования вины, а также для рациональной постановки карательной политики.

Прежде всего следует выяснить, достаточно ли осознание отдельных фаз деятельности для того, чтобы признать эту деятельность проявлением волевой активности человека. В психологии на этот вопрос дается отрицательный ответ. Как указывает Ш. Н. Чхартишвили, «...поведение, построенное с применением интеллектуальных функций, может быть как импульсивным, так и волевым; ...процессы мышления находят довольно широкое применение и в импульсивном поведении»²⁰.

Фрагментарное осознание субъектом некоторых отрезков действительности не всегда достаточно для уяснения его отношения к происходящим явлениям. Если субъект не приостанавливает свою деятельность, т. е. не объективирует ее и не делает предметом специального внимания, то он, естественно, не сможет осуществить и последующие психические операции — построить идейную ситуацию, предусмотреть возможные последствия своего деяния и, в результате оценки их значимости, принять волевое решение. Следовательно, во всех интересующих нас случаях небрежности, когда субъектом осознаны отдельные фазы развития своей деятельности, следует признать, что психическая активность человека протекает на уровне установки, без участия волевой функции психики.

¹⁹ См. например, Т. Сурган, Wina w erose technicznego postępi, „Panstwo i Prawo“, 1965, N 11, s. 722, 726.

²⁰ Ш. Н. Чхартишвили, Воля и ее воспитание. Тбилиси, 1964, стр. 27 (на груз. яз.).

Указанное положение требует специального анализа применительно к случаям неизвинительной ошибки, когда последняя выражается в небрежности.

8. По советскому уголовному праву, ошибка есть неверное представление лица о свойствах или последствиях совершаемых им деяний²¹. Наличие определенных представлений в психике лица при ошибке создает видимость психической активности на уровне объективации. Однако это только видимость. Для того чтобы разобраться в действительных психических процессах, которые имеют место в таких случаях, обратимся к конкретному примеру. К. около 9 часов утра пошел умываться к реке. На противоположном берегу он заметил колебания кустов, черный силуэт и услышал треск веток. Думая, что в кустах медведь, К. побежал и сообщил об этом Ш. Взяв ружья, они вместе побежали к реке и там произвели выстрелы в кусты. В кустах оказался техник-геофизик К.-в, который вскоре от полученных ранений скончался²².

В приведенном примере К. и Ш. имели определенные представления, а именно: они предполагали, что стреляют в медведя. Наступившее общественно опасное последствие — смерть К.-ва — не совпадало с имевшимися у них представлениями. Так как действия К. и Ш. строились на совершенно других представлениях, наступившее общественно опасное последствие нельзя признать проявлением их воли, направленной на осуществление этих последствий.

Возникает вопрос, какие же психические силы способствовали наступлению общественно опасного последствия?

В приведенном примере мы имеем дело с явлением апперцепции, которое в психологии понимается как зависимость восприятия окружающих явлений от прошлого опыта. Как отмечено в литературе, «апперцепция нередко приводит к ошибкам в оценке общественной значимости совершаемых лицом поступков и — как следствие этого — к неосторожным преступлениям»²³.

Именно так и случилось с К. и Ш. Из опыта повседневной жизни у К. и Ш. была выработана установка при треске веток в лесу и сомнительном шорохе в кустах замечать диких зверей. Когда К. и Ш. попали в аналогичную ситуацию, у них неосознанно возникло представление, что за кустами прячется медведь, и значит актуализировалась установка к соответствующей

такой ситуации активности. Именно на базе этой установки развернулась вся последующая деятельность К. и Ш. и, хотя на протяжении своей деятельности отдельные отрезки действительности ими осознавались, полноценный сознательный контроль над действиями и событиями был утрачен, ибо К. и Ш. не объективировали своего поведения и не приняли мер для того, чтобы освободиться от установочного состояния. Таким образом, установка, легшая в основу действий К. и Ш., оказала решающее влияние на все дальнейшие психические операции, в том числе сознательные, и соответственно на объективный ход событий — смерть К.-ва.

Анализируя сходный с рассмотренным нами случай ошибки, когда охотник вместо предполагаемой дичи убивает девочку, Д. Н. Узнадзе указывает, что действие охотника всецело определяется его установкой, причем определяется не только по своей форме, но и по содержанию²⁴.

Нам остается признать, что психическое состояние при ошибке по небрежности выражается в установке к поведению, которая и проявляется в наступившем общественно опасном последствии. Это положение подтверждается следующим случаем из судебной практики. Так Г., работая медицинской сестрой процедурного кабинета роддома, должна была ввести больной Ч. в вену бром. Взяв из шкафа (с того места, где обычно стоял бром) бутылку с бесцветной жидкостью и не посмотрев на этикетку, Г. произвела большой внутривенное вливание. Оказалось, что по неосторожности Г. ввела больной 10 г ядовитого вещества — дикаина. Ч. скончалась²⁵.

В этом случае решающее влияние установки проявляется предельно ясно. В процессе ежедневного выполнения однообразных действий у Г. выработался навык, определенный стереотип действия; другими словами, на основе опыта у Г. зафиксировалась установка к действиям совершенно определенного рода — брать с привычного места лекарство и вливать его больной. Именно в силу этого обстоятельства в роковом случае Г. была уже предуготовлена к соответствующему действию. Между тем на том месте, где обычно находилось лекарство, оказался яд. Поэтому, хотя Г. некоторые движения, может быть, и осуществила сознательно, все равно ее ошибку нельзя считать результатом этих сознательных операций, ибо сама направленность и содер-

²¹ См. А. А. Пионтковский, Преступление, Курс советского уголовного права, т. II, М., 1970, стр. 336.

²² Бюллетень Верховного Суда СССР, 1966, № 5, стр. 24.

²³ В. Д. Филимонов, Общественная опасность личности преступника, Томск, 1970, стр. 111.

²⁴ См. Д. Н. Узнадзе, Об актуальных задачах и теоретических основах психологии профессии, Тбилиси, 1933, стр. 29—31.

²⁵ Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР (1961—1963 гг.), М., 1964, стр. 259.

жание сознания были predeterminedены установкой, активизированной еще до начала функционирования сознания.

Механизм действия фиксированной установки в подобных случаях правильно понимает В. Д. Филимонов, который, ссылаясь на теорию Д. Н. Узнадзе, пишет: «Вследствие того, что фиксированная установка возникает быстрее и легче, чем обыкновенная, она может провоцировать поведение, не адекватное данным объективным условиям, что иногда ведет к иллюзиям и ошибкам... Отрицательные последствия возникновения таких иллюзий, конечно, не являются неизбежными. Но вероятность их наступления может быть очень значительной»²⁶.

9. Ошибка в развитии причинности имеет место при самонадеянности²⁷.

По советскому уголовному праву, самонадеянностью признается такое психическое состояние, при котором лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но легкомысленно рассчитывает их предотвратить.

Из этого определения следует, что при самонадеянности в психике субъекта протекают процессы, отличные от тех, которые имеют место при небрежности, — лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего поведения и тут же принимается за решение теоретической задачи: достаточно ли реальна эта возможность для того, чтобы отказаться от желаемого поведения. Убедившись в том, что в силу наличия определенных обстоятельств общественно опасное последствие в данном конкретном случае не наступит, лицо совершает действие, оказавшееся впоследствии вредоносным²⁸.

²⁶ В. Д. Филимонов, Указ. работа, стр. 98—99.

²⁷ См. В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 69; В. Г. Макашвили, Указ. соч., стр. 21; Е го же. О разграничении эвентуального умысла и самонадеянности. «Правоведение», 1965, № 2, стр. 168; П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве, Ученые записки Дальневосточного государственного университета, стр. 109.

²⁸ Выступая против такого решения вопроса, М. С. Гринберг предлагает концепцию «двойного предвидения», согласно которой для самонадеянности характерно одновременно как предвидение реальной возможности наступления общественно опасного последствия, так и предвидение реальной возможности ненаступления такого последствия (см. М. С. Гринберг, Понятие преступной самонадеянности, «Правоведение», 1962, № 2, стр. 99; Е го же, Проблема производственного риска в уголовном праве, М., 1963, стр. 116-117). На более ранней стадии психической активности самонадеянно действующее лицо действительно представляет обе указанные М. С. Гринбергом возможности. Однако эти два представления мож-

Описанная психологическая картина самонадеянности предполагает наличие таких психических процессов, которые обычно характерны для волевой активности. Однако возникает вопрос, почему же в таком случае наступают последствия, которые не только не входили в содержание воли самонадеянно действующего субъекта, но даже прямо противоречат его волеуправленности?

Напрашивается вывод, что «психическую причину», вызвавшую общественно опасное последствие, следует усматривать в неправильном представлении и ошибочной уверенности, которые непосредственно предшествуют волевому решению и принимают участие в его формировании. Однако уверенность, представление и вообще мысленные (интеллектуальные) функции психики не есть те силы, которые, как мы видели выше, способны настроить человека на практические действия. И если, судя по результату, воля не была той силой, которая направила действие в сторону общественно опасного последствия, то остается признать, что единственная сила, которая была способна это сделать, — это импульс актуальной потребности, нашедший свое психологическое выражение в установке. Именно в форме этой установки индивид настраивается видеть возможные последствия его деяния так, как он привык видеть их из личного опыта или опыта других людей. Например, мотоциклист спортсмен-перворазрядник привык без особого труда предотвращать аварию в сложнейших дорожных ситуациях; поэтому он преднастроен думать, что и при быстрой езде в малолюдном тупике сумеет объехать пешехода, не причинив ему вреда; его уверенность не оправдывается, и он наезжает на мальчика²⁹.

Этот пример можно признать типичным случаем самонаде-

но считать находящимися в равновесии в интеллектуальном плане до того момента, когда субъект принял какое-либо волевое решение, ибо в основе волевой решимости не могут лежать одновременно два противоположных представления. Если же субъект решается действовать каким-либо определенным образом, то это уже неопровержимо указывает на то, что вследствие оценки субъектом представлений более реальным ему показалось одно из них, которым он и руководствовался при принятии решения. Поэтому нельзя отрицать, что при самонадеянности, непосредственно в момент принятия волевого решения, ненаступление опасного результата в представлении субъекта наличествует совершенно ясно, в форме уверенности, в то время как противоположный исход отступает на задний план. Более обстоятельно о несостоятельности концепции «двойного предвидения» см. В. Г. Макашвили, О разграничении эвентуального умысла и самонадеянности, «Правоведение», 1965, № 2, стр. 164 и др.

²⁹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1959, № 5, стр. 7.

янности. В начале мотоциклист представлял возможные последствия своего деяния (как привлекательные — быстрое прибытие к месту назначения, так и нежелательные — причинение смерти кому-либо) и эти последствия мыслились им примерно как одинаково реальные. В дальнейшем картина резко меняется, ибо наличная ситуация — езда на мотоцикле — актуализирует у мотоциклиста установку, которая определяет все дальнейшее течение психических операций: сначала под влиянием актуализированной установки, представление о возможном ненаступлении аварии пересиливает противоположное представление, а затем построенный на установочном представлении волевой акт теряет контроль над развитием действия.

Таким образом, с одной стороны не представляется возможным отрицать наличие волевых процессов при самонадеянности, но с другой стороны, бесспорно и то, что вместе с ними действует наполненная определенным содержанием установка, которая является активной психической силой, толкающей действие в сторону общественно опасного последствия. Однако, как указывает Д. Н. Узнадзе, «... если нарушается целостность поведения, если оно отклоняется от намеченной цели и направляется в другую сторону, то тогда мы уже не имеем дела с волевым поведением. Для волевого поведения характерно именно то, что каким бы сложным оно ни являлось, волевое поведение с начала до конца — упорядоченный поступок»³⁰. Поэтому можно сказать, что самонадеянность выражается в своеобразном сложном поведении, при котором «источник и цель одной и той же психофизической активности отличны друг от друга, в результате чего мы имеем дело с двумя поведением, которые в основном совпадают друг с другом в путях реализации и во времени их развития»³¹. Другими словами, в единой психофизической активности воплощены два психологических содержания, одно из которых соотносится с деликтом самонадеянности³².

Наступившее изменение во внешнем мире (причинение фактического вреда или создание конкретной опасности такого вреда) является неотъемлемой частью именно этого деликта; оно является тем элементом, без, которого было бы немислимо

³⁰ Д. Узнадзе, Общая психология, Труды, т. III—IV, Тбилиси, 1964, стр. 185 (на груз. яз.).

³¹ Ш. Н. Чхартишвили, Воля и ее воспитание. Тбилиси, 1964, стр. 61 (на груз. яз.).

³² Н. Манчев указывает, что неосторожное преступное деяние является частью, стороной сложной сознательной и целенаправленной волевой деятельности (см. Н. Манчев, Вина в наказательном праве, София, Издательство на Българската Академия на Науките, 1969, стр. 136).

четко отграничить предметное содержание самонадеянности от того содержания, которое относится к воленправленности субъекта и лежит за рамками обрисованного в законе состава³³.

Вышеприведенный психологический анализ позволяет нам критически переосмыслить довольно распространенное в нашей юридической литературе мнение, что все преступления суть проявления волевой и мотивированной активности и что в этом отношении неосторожность не составляет исключения³⁴. Не говоря уже о полном отсутствии волевой активности в тех случаях неосторожности, когда не осознается деяние в целом или отдельные фазы его развития, о волевом поведении не приходится говорить даже при самонадеянности. Дело в том, что хотя волевая функция психики при самонадеянности и прояв-

³³ Указанное обстоятельство проливает свет на важное положение уголовного права, согласно которому неосторожность в форме самонадеянности всегда требует конкретного изменения во внешнем мире (см. Уголовное Уложение. Проект Редакционной комиссии и объяснения к нему, т. I, С.-Петербург, 1897, стр. 406; Н. С. Таганцев, Русское уголовное право, Лекции. С.-Пб., 1902, стр. 624; В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 159). Следовательно, так называемые «формальные составы» неосторожности могут предполагать лишь один вид неосторожной вины — небрежность.

³⁴ Такая точка зрения находит особенно много приверженцев в новейшей литературе (см. Б. С. Волков, Мотив и цель преступления по советскому уголовному праву. Автореферат докторской диссертации, М., 1969, стр. 15; Его же, Проблема воли и уголовная ответственность, М., 1965, стр. 91; Н. Ф. Кузнецова, Преступление и преступность, М., 1969, стр. 48; И. Г. Филановский, Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, Л., 1970, стр. 140; Его же, Субъективная сторона преступления, — В кн. «Курс советского уголовного права. Часть Общая, т. I, Л., 1968, стр. 431, и др.). Однако она бытовала и раньше (см. Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., 1950, стр. 149; И. Лекшас, Вина как субъективная сторона преступного деяния (перевод с немецкого), М., 1958, стр. 32). Определенным шагом вперед является положение, высказанное Т. В. Церетели, которая допускает уголовную ответственность и в тех случаях, когда действие хотя и не было проявлением воли, но у лица имелась возможность совершения волевого действия. Однако Т. В. Церетели ограничивает такие случаи лишь областью неосторожного опущения (см. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, Тбилиси, 1957, стр. 14; так же во втором издании этой книги (М., 1963, стр. 20). Такого же мнения В. Н. Кудрявцев (Объективная сторона преступления, М., 1960, стр. 13—14). Этот вопрос наиболее последовательно решает Т. Г. Шавгулидзе, который считает, что ответственность может быть в принципе связана как с воле-

ляет активность, однако она не имеет прямого отношения к наступившему последствию, не охватывает его³⁵. Этим объясняется тот факт, что самонадеянность наказывается принципиально мягче, чем умышленное (волевое) преступление.

10. Вслед за совершением по неосторожности какого-либо общественно опасного деяния наступает момент, когда лицо сознает все случившееся и, как правило, начинает сожалеть об этом. Это означает, что если бы субъект объективировал свое поведение, то он, безусловно, отказался бы от него. Возникает вопрос, как совместить это обстоятельство с положением психологической науки, что установка имеет приспособительную функцию? Такой вопрос особенно остро ставится в тех случаях, когда неосторожное поведение причиняет вред самому действующему субъекту или его близким. Например, в результате опрометчивых действий водителя вред причиняется самому водителю и членам его семьи.

Если исходить из основных положений теории установки, то объяснение того, почему установка иногда проявляется в нежелательных для субъекта последствиях, не представляет особой трудности. Будучи динамическим состоянием психики³⁶, ко-

вым, так и с импульсивным поведением, если в последнем случае субъект имел возможность волевого воздействия на направленность своего поведения. Одним из возможных вариантов импульсивного поведения Т. Г. Шавгулидзе справедливо признает неосторожность (Научная сессия, посвященная 10-летию Сектора права Института экономики и права АН ГССР, Тезисы докладов, Тбилиси, 1968, стр. 20 (на груз. яз.); Е го же, Психологическая структура поведения и уголовная ответственность, «Правоведение», 1970, стр. 52).

³⁵ См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 79—80; П. С. Дагель, Проблемы вины..., стр. 107.

³⁶ В литературе было высказано мнение, что «динамической установкой быть не может, ибо она перестает тогда быть установкой» (см. И. И. Карпец, Проблема преступности, М., 1969, стр. 85). Между тем в психологической структуре поведения нет другого элемента, который был бы столь динамичен, как установка. Динамичность эта выражается не только в постоянной изменчивости установки и вслед за этим в постоянной смене одного поведения другим, но и в том, что установка предполагает активную подготовку человеческих сущностных сил к определенному поведению (см. Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961, стр. 18; А. С. Прангишвили, Исследования по психологии установки, Тбилиси, 1967, стр. 67; Ш. Н. Чхартшвили, Проблема бессознательного в советской психологии, Тбилиси, 1966, стр. 60; Ф. В. Бассин, Указ. соч., стр. 288—290).

торое у человека сохраняется до окончательной реализации поведения, установка обладает свойством инерции. Именно в силу этой инерции установка иногда в процессе ее реализации простирается и на такие изменения во внешнем мире, которые в момент начала поведения вовсе не составляли предмета удовлетворения потребности индивида и, следовательно, не представляли условий формирования установки. Например, ни один из результатов, наступивших в рассмотренных нами выше случаях, не соответствует той потребности, которая лежала в основе возникновения установки, но во всех этих случаях у субъекта имелась установка к определенной активности, которая лишь в дальнейшем, по инерции, нашла неадекватное проявление. Тем не менее, не может быть никакого сомнения в том, что каждое из нежелательных событий является проявлением установки к определенному поведению³⁷.

Такое неадекватное проявление установки имеет место, преимущественно в тех случаях, когда детерминированная определенной ситуацией и потребностью установка не успевает угаснуть и продолжает действовать в несколько изменившихся условиях. Оно является как бы дальнейшим развитием взаимодействия тех свойств и закономерностей, которые обычно характеризуют установку как приспособительно-регулирующую функцию.

Из сказанного следует, что психическая активность субъекта на уровне установки (бессознательного) существенно отличается от психической активности на уровне объективации (т. е. сознательно-волевого действия). Дело в том, что сознание и воля человека не могут быть первоисточниками различного рода отклонений (ошибочных действий, промахов и т. д.) от правильного, целесообразного поведения³⁸. В этом отношении они не терпят никаких исключений. Что же касается бессознательной психики в форме установки, то хотя она выполняет приспособительно-регулирующую роль, но может проявиться и в нецелесообразном с точки зрения последствий поведении. Это означает, что поведение, направленное непосредственно первичной установкой без контроля сознания и воли, всегда таит в себе реальную возможность (опасность)

³⁷ Как справедливо указывает Ф. В. Бассин, «для утверждения, что скрытая установка способна проявляться только в такой форме, которая соответствует актуальной ситуации и не может выражаться в форме ситуационно-несоответствующей, у нас нет ни теоретических, ни экспериментальных оснований» (см. Ф. В. Бассин, Указ. соч., стр. 294).

³⁸ См. Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961, стр. 199.

осуществления таких последствий, которые могут оказаться социально вредными.

Неосторожность, как мы постарались показать, относится к формам психической активности на уровне установки. Поэтому возможность осуществления социально вредных последствий внутренне присуща неосторожности.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ

1. В предыдущем параграфе мы попытались показать, что психологическая сторона неосторожности предполагает активность человека на таком уровне психической жизни, когда направленность и содержание действия определяются импульсивной установкой. Вместе с тем, поскольку неосторожность — одна из форм вины, а вина категория не только психологическая, но и социально-этическая, необходимо выяснить, в чем выражается отрицательная социально-этическая сущность деяния, совершенного по неосторожности.

2. По социалистическому уголовному праву, одним из основных моментов, характеризующих психическое состояние лица, действующего по неосторожности, является возможность предвидения общественно опасных последствий совершенного деяния. Согласно ст. 9 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, «преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение, либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть». В приведенном законодательном определении неосторожности содержится прямое указание на «возможность предвидения общественно опасных последствий» как на необходимый признак небрежности. Однако из этого определения не совсем ясно, характерна ли такая «возможность предвидения» и для самонадеянности?

Если в ст. 9 Основ вкладывать лишь тот смысл, что при самонадеянности лицо предвидит общественно опасные последствия своего деяния, то логически уже нельзя говорить о возможности такого предвидения. Между тем в самый момент совершения деяния по самонадеянности лицо не предвидит возможность наступления вредных последствий своего поведения, что подтверждается следующими словами закона: «...легкомысленно рассчитывало на их предотвращение». Поэтому следует согласиться с теми криминалистами, которые признак «возмож-

ности предвидения» одинаково относят как к небрежности, так и к самонадеянности³⁹.

«Возможность предвидения», о которой здесь идет речь, определяется реальным психическим отношением⁴⁰, составляющим психологическую сторону неосторожности. Следовательно, при обосновании этой возможности следует исходить опять-таки из природы и закономерностей рассмотренного выше психического отношения.

3. Преступление, совершенное по неосторожности, предполагает активность, протекающую на первом уровне психической жизни человека, т. е. на уровне установки. Поэтому содержание и направленность этой активности целиком определяются установкой.

Между тем установка к определенному поведению не есть нечто неотвратимое, предопределяющее неизбежное осуществление этого поведения. В отличие от животного, человек обладает способностью психической активности и на уровне объективации. Это означает, что человек способен переключить свою психическую активность с первичной установки на установку, в формировании которой принимают участие специфически человеческие функции психики — интеллект и воля. Именно благодаря этому человек является социальным существом, которое может сознательно и целенаправленно осуществлять свою деятельность в соответствии с социальными запросами общества (моральными, правовыми), а также с индивидуальными духовными потребностями, являющимися продуктом социального воспитания.

Весь сложный механизм отказа от первичной установки и переключения активности на высший уровень психической жизни, где можно было бы направить поведение по социальному руслу, обеспечивается специфически человеческой способностью — способностью объективации. Как указывает А. С. Прангишвили, «...акт объективации — это психологический механизм, дающей возможность «отказаться» от действия на основе активизированных, фиксированных или импульсивных ус-

³⁹ См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 21; П. С. Дагель, Проблемы вины в советском уголовном праве, Ученые записки Дальневосточного государственного университета, Владивосток, 1968, вып. 21, ч. 1, стр. 105; Н. Манчев, Вината в наказателното право, София, Издательство на Българската Академия на науките, 1969, стр. 241.

⁴⁰ См. К. Лютов, Рецензия на книгу В. Г. Макашвили, «Уголовная ответственность за неосторожность», Госюриздат, 1957, «Правна мисъл», 1958, № 3, стр. 121.

тановок и действовать через осознание своего отношения к происходящему»⁴¹. «Объективация и мышление, — пишет Д. Н. Узнадзе, — потому и возникают в условиях общественной жизни человека, что они дают ему возможность объективно правильного разрешения задачи и безошибочного приспособления к требованиям окружающей действительности. Мы могли бы сказать, что объективация человека представляет ему возможность не индивидуальной, но социально направленной активности. Она дает ему возможность направления своей деятельности на основе объективно обоснованных, правильных положений: объективация обеспечивает человеку возможность познания истины. Поэтому мы можем утверждать, что человек стал творческим субъектом, преобразующим этот мир в направлении занимающих его задач, человек стал строителем культуры лишь после того, как он стал, на базе объективации, мыслящим и — далее — волевым существом»⁴².

Из цитированных положений советской психологии вытекает весьма важный сточки зрения этики и права вывод, что человек как существо, обладающее специфической способностью объективации, может отвечать и за такие общественно опасные поступки и их вредные последствия, которые не были им предусмотрены. Это позволяет в каждом отдельном случае причинения вреда по невнимательности поставить вопрос о моральном и правовом порицании невнимательно действующего субъекта, но не более. Дело в том что, хотя каждый психически нормальный человек обладает способностью объективации, это, однако, не означает, что в любой момент своей деятельности человек может беспрепятственно применять эту способность. Бывают случаи, когда под сильным влиянием сложной, необычной ситуации (состояния необходимой обороны или крайней необходимости, потрясения психики, вызванные землетрясением, наводнением, пожаром и т. п.) или же различных психофизиологических факторов (переутомления, внезапной болезни, обморока и т. д.) человек оказывается во власти установочного состояния, препятствующего ему полноценно объективировать свое поведение и безошибочно ориентироваться в окружающей действительности, что и приводит к нежелательным последствиям. В этих случаях, подпадающих под категорию, имену-

⁴¹ А. С. Прангшвили, Исследования по психологии установки, Тбилиси, 1967, стр. 74.

⁴² Д. Н. Узнадзе, Экспериментальные основы психологии установки, Тбилиси, 1961, стр. 198.

емую в юридической литературе *casus*, хотя и предполагается психическая активность субъекта без участия внимания на уровне установки, однако он лишен возможности высвободиться от установочного состояния и построить деятельность с учетом мысленно представленных результатов желаемого поведения. Следовательно, в таких случаях снимается вопрос о моральном порицании лица и тем самым исключается его вина.

Случаи, когда по тем или иным причинам человек лишен нормальной способности объективировать свое поведение, сравнительно редки. Преобладающая часть практической деятельности человека протекает в благоприятных для объективации условиях.

4. Как известно, человек (в нормальном психофизическом состоянии) начинает объективировать свое поведение, если установка к этому поведению в процессе своей реализации наталкивается на определенное препятствие. Такое препятствие служит информацией или сигналом того, что дальнейшая попытка реализации установки не приведет к полному удовлетворению субъекта, пока не будет приостановлена активность и найдены более рациональные пути для решения стоящей перед субъектом задачи.

Помехи, возникающие на пути реализации установки, могут быть как субъективного, так и объективного характера. Помехой субъективного характера обычно является тот факт, что у индивида возникает новая потребность, удовлетворение которой в данный момент для него гораздо важнее и потому ощущается сильнее, чем удовлетворение старой потребности.

В качестве препятствия объективного характера в повседневной жизни чаще всего выступают естественные, физические или механические силы. Например, человек, следуя к назначенному месту, обнаруживает, что дорога закрыта обвалом. Ясно, что дальнейшая реализация установки не может продолжаться гладко, и человек приостанавливает ее с тем, чтобы разобратся в обстановке и наметить план будущего действия. Очевидно, даже после детального обсуждения различных вариантов своего будущего поведения, субъект может не отказаться от начатого действия и продолжить преодоление препятствия. Но если это будет связано с опасностью для жизни или другими какими-либо возможными нежелательными последствиями, то скорее всего, он откажется от реализации установки.

При попытке реализации какой-нибудь установки человек может встретиться и с препятствием иного характера. Так, если он желает попасть в определенное место, но вдруг замечает знак «опасно, местность заминирована», или хочет развить большую скорость на автомашине, но видит знак, ограничиваю-

щий скорость, это тоже может послужить условием объективации. Наконец, может отсутствовать какой-либо знак, но если человеку известно, что существует общее правило предосторожности, запрещающее определенные действия в условиях определенного места и времени, такое правило служит сигналом того, что продолжение реализации установки в этих условиях может привести к нежелательным результатам.

В последней категории случаев, когда в качестве условия объективации выступают социальные нормы, в частности нормы предосторожности, мы имеем дело со специфическим только для общественной жизни процессом социальной детерминации поведения. Для того, чтобы раскрыть сущность этого процесса, необходимо коснуться самой природы норм предосторожности, а также некоторых особенностей социальной жизни, в которой функционируют эти нормы.

5. Как и всякие нормы, нормы предосторожности устанавливают границы поведения путем определения условий этого поведения и запрета действий, нарушающих эти условия. Необходимость возникновения норм предосторожности связана с условиями социальной жизни. Со времени существования общества человеку приходилось заниматься различными формами и видами деятельности, сопряженными с известной опасностью. Ныне трудно назвать социально необходимую деятельность, которая не была бы сопряжена с опасностью для таких важных социальных благ, как жизнь, здоровье, имущественные интересы и др. По мере развития науки и техники сфера такой опасности все больше расширяется. Приостановить этот процесс не представляется возможным, ибо тогда пришлось бы отказаться от самого научно-технического прогресса. Поэтому члены общества привыкли приспосабливаться к неуклонно усложняющимся условиям практической деятельности путем подыскания наиболее безопасных форм деятельности, которые в то же время обеспечили бы возможность эффективного достижения преследуемых целей. Эти формы безопасного поведения складываются в результате эмпирического или научно-экспериментального наблюдения над огромной многолетней практикой людей в самых различных областях жизни; они после многократного эффективного применения постепенно становятся шаблоном, которого должны придерживаться все граждане либо определенная категория лиц, занимающихся той или иной деятельностью. В результате этого процесса возникают нормы предосторожности, которые получают признание со стороны правопорядка⁴³.

Таким образом, нормы предосторожности не являются «го-

лыми» запретами или велениями, они наполнены определенным содержанием. Эти нормы учитывают возможные опасные последствия определенных способов деятельности. Для предотвращения вредных последствий они предписывают рационально обоснованные и практически проверенные способы деятельности. В содержании норм отражаются конкретные социальные ценности, которые могут быть повреждены, если не будет соблюдена норма, если будут нарушены границы поведения, установленные нормой. Эти обстоятельства играют существенную роль в деле приспособления человека к условиям социальной жизни. Существование норм предосторожности позволяет каждому члену общества не искать способов социально безопасного поведения, а пользоваться готовыми правилами, которые отражают огромный практический опыт, накопленный обществом на протяжении всей истории его существования.

В обществе, в отличие от биологического мира, каждый индивид в той или иной мере ориентирован на определенные социальные ценности. Это означает, что сам индивид и его личные блага не являются для него единственной ценностью. Кроме самого себя, в систему своих ценностей каждый человек включает других индивидов, а также ценности, представляющие интерес для всего общества. В соответствии с этим в процессе общественной жизни у людей зарождаются, развиваются и фиксируются потребности в создании и защите социальных ценностей. Именно в процессе выработки и фиксации этих потребностей, которые условно могут быть названы социальными, происходит становление личности как социального существа. Нормы предосторожности, как и всякие другие социальные нормы, играют активную роль в указанном процессе становления личности. Они приучают членов общества быть внимательными и заботливыми при соприкосновении с наиболее важными социальными ценностями, вырабатывают в них чувство осторожности и предусмотрительности, прививают им потребность уважать чужие интересы и тем самым способствуют возникновению социально полезных установок.

Таким образом, социально-детерминирующая роль норм предосторожности впервые проявляется в процессе становления личности, когда эти нормы выступают в качестве средства первичного приспособления человека к условиям социальной жизни.

6. Однако этим не исчерпывается значение норм предосторожности как социально-детерминирующего фактора. Будучи существом социальным, человек не перестает быть живым организмом с естественными (биологическими) и другими сугубо личными потребностями. Эти потребности (в пище, отдыхе и т. п.) возникают и требуют удовлетворения. Средством удовлетворения

⁴³ См. В. Г. Макашвили, Указ. соч., стр. 124—126.

этих потребностей могут стать и такие действия, совершение которых ставит в опасность определенные социальные блага. В таких случаях возникает своеобразный конфликт между личными интересами субъекта и социальными ценностями, конфликт, разрешение которого в пользу социальных ценностей представляет известную трудность.

Именно в таких конфликтных ситуациях нормы предосторожности вторично выполняют социально-детерминирующую функцию, выступая в качестве средства вторичного приспособления человека к условиям социальной жизни. Они встают перед индивидом, все еще находящимся во власти установочного состояния, как объективное препятствие, как условие объективации и заставляют его приостановить дальнейшую попытку реализации установок в действие.

В тех случаях, когда нормы предосторожности конкретно выражены в различного рода знаках предосторожности (например, дорожные знаки, знаки предосторожности и плакаты, вывешенные в цехах заводов, в салонах самолетов, на территории бензоколонок и т. д.), эти нормы наиболее эффективно выполняют предостерегающую роль. Они имеют преимущество непосредственности, легко воспринимаются и моментально возбуждают контрольные центры психики человека. Поэтому в нашем обществе, где проявляется постоянная забота о безопасности людей, о сохранности народного добра, принимаются все меры для облегчения деятельности путем широкого использования таких знаков.

Но знаки предосторожности могут быть использованы на тех участках жизни, где людям приходится более или менее регулярно соприкасаться с одной и той же опасной обстановкой (на производстве, на транспорте, и т. п.). В быту же, который характеризуется постоянно меняющимися условиями активности, вывешивать знаки на каждом шагу не представляется возможным. Тем не менее применительно ко всякой деятельности, сопряженной с определенной степенью опасности, существуют общие нормы предосторожности.

Каждая из этих норм имеет предметом своего регулирования действия людей в строго определенных ситуациях, на которые и рассчитана данная норма предосторожности. Следовательно, функционирование подобных норм немыслимо без соответствующей ситуации. Они как бы вмонтированы в правовой порядок в качестве своего рода «предохранителя», «стоп-сигнала» в условиях той деятельности, на которую они рассчитаны. В этом смысле нормы предосторожности представляют составную часть той обстановки, в которой развивается человеческая деятельность. Поэтому, когда человек занимается определенной дея-

тельностью, сопряженной с опасностью, он тем самым вступает в ситуацию, которая с самого начала содержит в себе сигнал или информацию о том, какие способы поведения могут привести к повреждению социальных благ, а какие не могут. Такая ситуация дается субъекту не как нечто изолированное, существующее вне связи с нормами предосторожности, а наоборот, как нечто органически связанное с ними. Следовательно, человек при каждом соприкосновении с соответствующей ситуацией имеет возможность принять сигнал, возвещающий о необходимости приостановить дальнейшую попытку реализации установки, о необходимости переключиться на уровень объективации. Обязательно одно условие — надо, чтобы субъект знал о существовании соответствующей нормы предосторожности вообще. Без этого норма предосторожности, рассчитанная на данную конкретную обстановку, не сможет выполнить функцию «сигнала-препятствия» для перехода к объективации. Субъект просто не будет иметь повода для того, чтобы воспрепятствовать влиянию импульса актуальной потребности. Другими словами, объективно существующее условие объективации не сможет выполнить свою роль ввиду неподготовленности психики к осознанию этого условия⁴⁴. Поэтому если субъекту не было известно о существовании норм предосторожности, которых ему следовало придерживаться в данной ситуации, то он не сможет осознать того, что его конкретные действия нарушают эти нормы. В таких случаях нет оснований морально порицать такое лицо, даже если его действие привело к нежелательным последствиям. Неосторожная вина в таких случаях исключается, и причинение последствий следует признать случайным. Однако это положение вовсе не предполагает освобождения от ответственности лиц, принимающих за какое-либо дело без знания соответствующих профессиональных правил, ибо в подобных ситуациях также действует определенная норма предосторожности, запрещающая браться за дело, которого не знаешь, и актуализирующая представление об опасности предпринимаемого действия.

7. Итак, нормы предосторожности двояким образом способствуют приспособлению граждан к условиям и запросам социальной жизни: во-первых, на протяжении всего периода нравственного воспитания людей в обществе эти нормы вырабатывают в них установки к действиям, предполагающим заботливое и внимательное отношение к социальным интересам. Во-вто-

⁴⁴ Как указывает Д. Н. Узнадзе, «объективация предполагает не первичное осознание того или иного содержания, а вторичное, повторное осознание содержания, осознание, возникшее на базе установки» (Д. Н. Узнадзе, К проблеме сущности внимания, «Психология», т. IV, Тбилиси, 1947, стр. 146 (на груз. яз. Резюме на русск. яз. — см. стр. 158).

рых, в случае, если окажется, что тому или иному индивиду надлежащие установки не привились (или привились в недостаточной степени), то тогда нормы предосторожности выступают в качестве особого социального условия объективации, с тем, чтобы актуализировать у данного индивида представления о запрещенности и опасности такого рода поведения. Тем самым каждый нормальный человек, не испытывающий в данное конкретное время расстройств нормального психофизиологического состояния (переутомление, испуг, обморок и т. д.) получает реальную возможность объективировать свое поведение и отказаться от него, если найдет, что по своим результатам деяние не согласуется с ценностями, которые он признает важными. Это означает, что он получает реальную возможность высвободиться от установочного состояния, обуздать импульсы актуальной потребности и трезво оценить обстановку с учетом возможных социально значимых последствий своего поведения.

Если человек не использует такую реальную возможность, в результате чего будет причинен вред (или возникнет опасность вреда), то это свидетельствует о том, что в момент невнимательного поведения требования нормы предосторожности, равно как и социальное благо, защищаемое этой нормой, не включались в систему важных для индивида ценностей, им не отводилось надлежащего места в целостной психической структуре индивида.

Формой такого целостно-психического (недифференцированного) состояния в каждый конкретный момент начала деятельности является установка, которая формируется в результате взаимодействия актуальной потребности с условиями окружающей среды. Нормы предосторожности и охраняемые ими объекты при опрометчивых действиях, с одной стороны, не участвуют в формировании установки субъекта в виде предметов потребности, а с другой — не признаются действующим субъектом в виде социального условия объективации, которое заставило бы субъекта приостановить свое импульсивное поведение (ведь норма была включена в объективные условия данной деятельности!).

Следовательно, при неосторожности установка к конкретному поведению как целостный психический модус личности предполагает, что субъект пренебрегает конкретной нормой предосторожности и охраняемым ею благом; она предполагает игнорирование, непринятие индивидом требований правопорядка и общественных интересов⁴⁵. Именно это отрицательное установоч-

⁴⁵ Свойство установки, выражающееся в принятии или непринятии определенных социальных ценностей в зависимости от их персональной значимости для индивида, обозначается термином «валентность».

ное отношение индивида к определенным социальным ценностям при том, что он должен и может относиться к ним иначе, служит основанием для его нравственного и правового осуждения. Это отрицательное отношение и составляет моральную и юридическую вину при неосторожности.

При таком подходе становится очевидной правильность отстаиваемого в советской юридической литературе положения, что непредвидение возможности наступления общественно опасных последствий деяния представляет собой при определенных условиях «не нуль в психической сфере индивида»⁴⁶, а наличие «особой, специфической формы»⁴⁷ психического отношения. Такой специфической формой психического отношения к содеянному, как было указано выше, является установка. Однако установочные состояния бывают разные. Среди них имеются и такие, при которых исключается возможность предвидения последствий деяния. Неосторожность — это такая форма установочного психического состояния, когда человек не предвидит, хотя мог (и должен был) предвидеть, общественно опасные последствия своего поведения.

8. При неосторожности — в отличие от умысла — порицаемое психическое отношение субъекта к содеянному характеризуется тем, что оно исключает активную деятельность отдельных психических функций (интеллекта, воли) и с самого возникновения является целостно-личностным.

В советской юридической литературе была попытка определить неосторожность как «личностное отношение». В частности, В. Д. Филимонов выдвинул положение, что основание ответственности за небрежность заключается в «...личностном отношении индивидуалистического характера, содержание которого выражено в негативной форме»⁴⁸. Однако, признав наличие «личностного отношения» при неосторожности, В. Д. Филимонов рассматривает его не как одну из форм психического отношения к содеянному, а как нечто, исключающее ее. «...Поиски оснований ответственности за небрежность в психическом отношении лица к совершенным действиям и их последствиям не могут не быть бесплодными». — пишет он. Сущность «личностного отношения» при небрежности автор усматривает в том, что, будучи безразличным к интересам окружающих людей, индивид «соглашается с таким отношением, не борется с недостатками своего характера, не повышает внимания

⁴⁶ См. В. Г. Макашвили, Указ. соч., стр. 92.

⁴⁷ См. А. А. Пионтковский, Преступление, — в кн. «Курс советского уголовного права», Часть Общая, т. II, М., 1970, стр. 320.

⁴⁸ В. Д. Филимонов, Общественная опасность личности преступника, Томск, 1970, стр. 149—150.

ж тому, чтобы они не проявились в процессе его общения с другими людьми»⁴⁹.

В результате такой трактовки «личностного отношения», неосторожная вина, по конструкции В. Д. Филимонова, превращается в своего рода «вину характера». Но признание такой вины в уголовном праве означало бы, что основанием ответственности индивида является не конкретное психическое отношение к содеянному, а его образ мыслей, его отрицательная ориентация по отношению к социальным ценностям вообще. Встав на такую точку зрения, пришлось бы признать виновным в уголовно-правовом смысле человека, дурное «личностное отношение» которого к правопорядку не нашло своего конкретного проявления в общественно опасном поведении, что противоречило бы принципу *nullum crimen sine actus*, или, напротив, не признать виновным человека, который хотя вообще был положительно ориентирован на охраняемые правопорядком социальные ценности, но в какой-то конкретный момент своей жизни все-таки совершил антисоциальный поступок с порицаемым состоянием психики. Сказанное, как представляется, делает конструкцию В. Д. Филимонова непригодной для обоснования вины и ответственности при неосторожности. Ведь на практике нередки случаи, когда оплошность и невнимательность, приведшие к причинению вреда, допускаются людьми особенно заботливыми и осторожными при соприкосновении с интересами общества. Это указывает на то, что неосторожность не всегда является проявлением общей индивидуалистической ориентации индивида, его перманентного отрицательного предрасположения к интересам общества.

Итак, следует особо подчеркнуть, что неосторожная вина не просто «личностное отношение», а такой целостный модус личности в момент общественно опасного поведения, который предполагает конкретное психическое отношение к содеянному. Это, однако, не значит, что проявленная неосторожность ни в какой мере не связана с общеличными особенностями данного индивида. Очевидно, попав в аналогичную ситуацию, другой индивид, с другим характером, другими потребностями и стремлениями не допустил бы невнимательности к правоохраняемым благам. В этом смысле каждая проявленная неосторожность, безусловно, является выражением всей личности, всей его психофизической структуры и жизненной ориентации в целом. Но в то же время не будь именно той ситуации и тех условий, в которых данному индивиду пришлось действовать, очевидно он не совершил бы неосторожного поступка. Поэтому неосторожную вину и

⁴⁹ В. Д. Филимонов, Указ. соч., стр. 151.

соответствующее общественно опасное деяние нельзя рассматривать исключительно как проявление общей социальной ориентации индивида. Субъект начинает действовать определенным образом лишь постольку, поскольку сложившаяся ситуация наиболее соответствовала конкретному состоянию его психики. Поэтому каждый раз «автором» неосторожного преступления следует признавать не личность вообще со своей общей социальной ориентацией, а личность с ее конкретным психическим состоянием, которая в момент поведения включена в определенную ситуацию и вследствие этого модифицирована соответствующим образом. Психологической формой этой личностной модификации, как доказал Д. Н. Узнадзе, является установка. Поскольку направленность и содержание установки определяется взаимодействием личности с конкретной ситуацией, постольку соответствующее целостно-психическое отношение индивида к содеянному нельзя считать ни сугубо личностным, ни сугубо ситуационным. Оно является личностно-ситуационным. В соответствии с этим предметом морального порицания при неосторожности является не данная личность вообще, а конкретное целостное психическое состояние этой личности именно в момент неосторожного поведения. Точнее, мы порицаем индивида не за то, что он вообще является неосмотрительным человеком, а за то, что он допустил оплошность в данной конкретной обстановке, в то время как мог избежать этого. Следовательно, возможность объективации, возможность предвидения общественно опасных последствий преступления, о которых выше шла речь, следует относить не к общим свойствам данного индивида, а к модусу его целостной психики в момент общественно опасного поведения.

§ 3. НАРУШЕНИЕ НОРМЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ И ПРИРОДА НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ

1. Основной вывод, вытекающий из предшествующего изложения, можно сформулировать следующим образом: возможность предвидения общественно опасных последствий деяния при отсутствии такого предвидения является существенным моментом, обосновывающим социально-этический упрек при неосторожности.

Между тем границы возможности предвидеть общественно опасные последствия изменчивы и зависят от ряда обстоятельств. Разные люди обладают различной способностью предвидения общественно опасных последствий своего поведения. В сфере возможности предвидения могут оказаться и такие общественно опасные последствия, предвидение и предотвращение которых правопорядок не требует. Можно ли такие последствия вменять субъекту в неосторожную вину?

5. М. Угрехелидзе

При решении этого вопроса следует исходить из тезиса о формальной определенности правовых требований, отличающихся этим от требований морали. Как отмечалось в нашей литературе, «... нравственные нормы... выражены в виде общих критериев, позволяющих оценить поступки людей с точки зрения принятых в данной среде представлений о добре и зле, справедливости и т. д.»⁵⁰. Для права, напротив, характерна «определенность его содержания», которая в единстве со своей внешней формой выступает как **формальная определенность**⁵¹.

Особенно большое значение формальная определенность имеет для уголовного права, запрещающего нарушение наиболее существенных интересов социалистического общества и устанавливающего за нарушение этих интересов наиболее жесткую меру воздействия — наказание. Благодаря формальной определенности правовых требований, каждый гражданин имеет возможность знать, что требуется от него правом порядком. Именно благодаря этой формальной определенности правовых требований, уголовная ответственность может покоиться на началах социалистического демократизма, ею обеспечивается равенство граждан перед уголовным законом. Отсюда понятно, что требования уголовного права в отношении предвидения общественно опасных последствий поступка должны быть равными для всех, не должны меняться в зависимости от индивидуальных свойств лица.

Мораль может отрицательно оценивать и осуждать лицо, которое не использовало максимума присущих ему духовных способностей и не предусмотрело опасность, которую оно в случае полного напряжения своего интеллекта и сверхнормальной внимательности могло бы предусмотреть. Однако «...такое же требование не может и не должно предъявлять право, в особенности уголовное право, с нарушением запретов и велений которого связано государственное принуждение в виде наказания. ...Это обрекло бы граждан на полную бездеятельность и привело бы к подавлению творческой инициативы»⁵². Отсюда — и известное расхождение в объеме между

⁵⁰ С. С. Алексеев, Социальная ценность права в советском обществе, М., 1971, стр. 90.

⁵¹ Там же, стр. 89.

⁵² В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 144. Иллюстрируя приведенную выше мысль на конкретном примере, Ф. Ю. Бердичевский пишет: «Представим себе медсестру, опыт и способности которой позволяют ей лучше разобраться в характере заболевания, которое не сумел установить врач. Если она не реализовала имеющуюся у нее возможность, аморальность такого поступка очевидна. чего нельзя сказать о ее вине на основе норм уголовного права, которое

требованиями морали и правопорядка⁵³ и, следовательно, между моральной виной и юридической виной: первая предполагает активность психики вопреки требованиям морали, вторая — нарушение требований собственно правопорядка.

Из этого следует, что невнимательность, халатность и подобные им формы отрицательного психического отношения к социальным благам, не находящимся под непосредственной охраной правопорядка, хотя и заслуживают морального осуждения, но не могут быть предметом правового воздействия. Наоборот, нормы предосторожности, будучи формой выражения требований правопорядка, выступают в весьма важном своем качестве: они очерчивают границы юридического понятия неосторожной вины⁵⁴.

Таким образом, неосторожность как форма юридической вины необходимо предполагает нарушение нормы предусмотрительности и заботливости. Тем самым при построении понятия неосторожности становится очевидной необходимость использования еще одного признака — долженствования предвидения, который является нормативно-объективным по своей природе. Признак этот весьма важный, ибо он служит объективным критерием ответственности за неосторожность и наряду с возможностью предвидения (субъективный критерий) определяет границы ответственности.

2. В законодательном определении неосторожной вины специально указывается на нормативно-объективный признак неосторожности. Статья 9 Основ для установления неосторожности требует, чтобы лицо **должно** было и могло предвидеть причиненное им вредное последствие. Правда, в указанной статье прямо не упоминается о нарушении нормы предосторожности, но долженствование предвидения — это понятие, которое в теории и практике трактуется именно как определенная норма (масштаб)

не возлагает на нее подобной юридической обязанности» (Ф. Ю. Бердичевский, Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей, М., 1970, стр. 49).

⁵³ Подробно об единстве и различии советского уголовного права и коммунистической нравственности см. Н. Ф. Кузнецова, Уголовное право и мораль, М., 1967, стр. 5-34; В общетеоретическом плане см. О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 106—120; С. С. Алексеев, Цит. работа, стр. 197—216.

⁵⁴ Всесторонний анализ норм предосторожности и значения их нарушения см. В. Г. Макашвили, Указ. соч., стр. 119—130, 143—144; К. Лютов, Професионална непредпазливост и наказателно право на Народна република България, София, «Наука и изкуство», 1958, стр. 121.

должной предусмотрительности, требующая от граждан соответствующего данной конкретной ситуации напряжения психофизических сил для предвидения и предотвращения вредных последствий.

Таким образом, признание уголовным законом юридического значения норм предосторожности в определенной форме содержится в общем определении понятия неосторожности и, казалось бы, этого вполне достаточно. Между тем в Особенной части уголовных кодексов, как правило, прямо указывается, какие нормы предосторожности должны быть нарушены, для того чтобы индивид был признан виновным в допущенной им неосторожности. Видимо, это объясняется общим стремлением законодателя, где и насколько это возможно, конкретизировать содержание признаков состава преступления с тем, чтобы сделать смысл нормы более доступным, понятным как для правоприменяющих органов, так и для граждан.

Кроме того, по тем или иным соображениям иногда законодатель специально выделяет в качестве уголовно наказуемого нарушение лишь определенной группы норм предосторожности. Так, ст. 86 УК ГССР (ст. 85 УК РСФСР) предусматривает ответственность за «...нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее несчастные случаи с людьми, крушение, аварию или иные тяжкие последствия...» Аналогичная норма содержится в ст. 241 УК ГССР (ст. 211 УК РСФСР), устанавливающей ответственность за подобные последствия, причиненные в результате нарушения правил безопасности движения автотранспорта или городского электротранспорта. Нетрудно заметить, что одно из последствий, предусмотренных указанными статьями — несчастные случаи с людьми (смерть, увечье), — может быть причинено в результате нарушения и общих норм предосторожности в бытовых отношениях. Между тем транспортные средства являются источником повышенной опасности и предполагают большую вероятность наступления значительного вреда. Поэтому случаи причинения смерти или увечья людям в результате нарушения норм предосторожности при управлении транспортом законодатель специально выделил как особо опасную форму неосторожности, предупреждая тем самым граждан, что при пользовании транспортными средствами следует быть особенно осторожными. Более строгие санкции, предусмотренные для таких случаев, вполне подтверждают это положение.

Иногда деликты неосторожности в законе описываются без конкретного упоминания тех или иных специальных норм предосторожности. К числу таких деликатов относятся убийство

по неосторожности (ст. 108 УК ГССР, ст. 106 УК РСФСР), неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение (ст. 115 УК ГССР, ст. 114 УК РСФСР) и др. Однако это не значит, что нарушение нормы предосторожности не является необходимым признаком соответствующих составов. Из общего законодательного определения понятия неосторожности непосредственно следует, что нарушение нормы предосторожности — органический элемент всякого неосторожного деликта. Если, несмотря на это, закон не всегда упоминает норму, то следует предполагать, что закон имеет в виду нарушение так называемых житейских норм предосторожности, которые ввиду их многочисленности и разнообразия не поддаются ни исчерпывающему учету, ни более или менее подробной классификации. Эти житейские нормы предосторожности, могут выражаться в таких общеобязательных нормативных требованиях, как: не класть лекарство в легкодоступное для малолетнего место, не бросать камни или тяжелые предметы туда, где могут находиться люди и др.

Все изложенное говорит о том, что при расследовании или рассмотрении уголовных дел о неосторожности судебно-следственные органы обязаны точно установить, была ли в данном конкретном случае нарушена соответствующая норма предосторожности, и если да, то в чем это нарушение выразилось. К сожалению, в судебной практике все еще встречаются необоснованные с этой точки зрения приговоры и определения.

Приговором Промышленного районного народного суда г. Орджоникидзе Бигаев был осужден по ч. 2 ст. 211 УК РСФСР.

Бигаев возил гравий в г. Орджоникидзе на грузовой автомашине, в кабине которой сидели рабочие карьера Рязанцев и Жуков. На одной из улиц Бигаев остановил машину, чтобы высадить своих пассажиров. Материалами дела установлено, что как только Рязанцев и Жуков сошли с машины, Рязанцев захлопнул дверь кабины и сказал Бигаеву: «Езжай». Но до того, как машина тронулась, у Рязанцева из сумки высыпалась картошка. Рязанцев полез под машину, чтобы собрать картошку, однако Бигаев этого не видел и никто его об этом не предупредил. Машина двинулась и задним колесом задавила Рязанцева.

После того, как Бигаеву сказали «езжай», он не был обязан проверять, что происходило под машиной. Никакой нормы предосторожности Бигаев не нарушал. Уже на этом основании народному суду следовало его оправдать. Однако Судебная коллегия Верховного Суда Северо-Осетинской АССР приговор оставила без изменения. Только после протеста заместителя Прокурора РСФСР Судебная коллегия по уголовным делам Верхов-

ного Суда РСФСР приговор народного суда и кассационное определение в отношении Бигаева отменила и дело прекратила за отсутствием в его действиях состава преступления⁵⁵.

3. Таким образом, только такая невнимательность в отношении социальных интересов, которая выразилась в нарушении норм предосторожности может обосновать уголовную ответственность за неосторожность. Однако всякое ли нарушение нормы предосторожности может служить признаком, окончательно определяющим юридические рамки неосторожной вины. Поскольку вопрос ставится применительно к уголовному праву, дать однозначный ответ на него не представляется возможным.

Дело в том, что в уголовном праве вина всегда рассматривается в строгом взаимодействии с составом преступления. Признание виновным всегда предполагает, что виновно совершено запрещенное уголовным законом определенное общественно опасное деяние. При этом виной субъекта должны охватываться объективные признаки противоправного (в уголовно-правовом смысле) деяния.

Между тем составы неосторожных деликтов в уголовном законодательстве конструируются по-разному. В действующем уголовном законодательстве можно выделить три основных типа неосторожных деликтов по характеру и объему объективной стороны: **а) неосторожные деликты так называемой абстрактной опасности (формальные составы), для которых достаточно, чтобы индивид совершил определенное запрещенное деяние, обладающее вообще опасными свойствами;** **б) неосторожные деликты конкретной опасности, для которых необходимо, чтобы своим противоправным поведением индивид создавал реальную угрозу для определенных правоохраняемых интересов и** **в) неосторожные деликты причинения (собственно материальные составы), которые предполагают реальное повреждение охраняемых правом объектов.**

С точки зрения обоснования неосторожности для каждого из перечисленных типов деликтов нарушение нормы предосторожности имеет различное значение. Поэтому остановимся на каждом из них.

4. Неосторожные деликты абстрактной опасности считаются оконченными в момент совершения запрещенного деяния. Так, ст. 3 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления устанавливает уголовную ответственность за «неисполнение приказа начальника...» Для этого состава реальное причинение вреда правоохраняемым интересам или хотя бы постав-

ление их в опасность не является конstitutивным признаком. Этот признак находится за рамками состава преступления и не участвует в обосновании ответственности. В соответствии с этим, даже в случае наступления определенных последствий, для установления ответственности не подлежит доказыванию вина в отношении последствий; наступившие последствия учитываются лишь при определении размера наказания. И хотя «обязанность предвидения общественно опасных последствий» как признак неосторожной вины обычно и предполагает наличие определенных последствий, тем не менее вопрос о том, какие последствия входили в «обязанность предвидения» в данном случае теряет всякий смысл, ибо сам по себе факт нарушения этой обязанности полностью совпадает по своему содержанию с осуществлением объективной стороны состава.

5. Вопрос об ответственности за неосторожные деликты конкретной опасности будет решаться в зависимости от того, причисляются ли такие деликты к составам материальным или формальным.

По мнению некоторых советских криминалистов, так как в деликтах конкретной опасности отсутствует необходимый для материальных составов признак реализации вредного последствия, эти составы относятся к формальным⁵⁶. Однако создание конкретной опасности для определенного правоохраняемого объекта нельзя приравнять к той опасности, которая в формальных составах выражается лишь в опасных свойствах деяния в его родовом проявлении. Создание конкретной опасности «...предполагает наличие в данное время, в данной конкретной обстановке (разрядка наша. — М.У.) условий, которые при своем закономерном развитии могли привести к осуществлению определенного вреда...»⁵⁷. Такие условия нельзя считать ничего не значащими, равными нулю в мире действительности — в своей совокупности они составляют определенную ступень развития этой действительности, момент ее ста-

⁵⁶ См. Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 40; А. С. Михлин, Понятие и виды последствий преступления, Вопросы уголовного права и процесса, ВИЮН, М., 1958, стр. 69—71; Его же, Последствия преступления, М., 1969, стр. 31—35; И. И. Горелик, Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву, Минск, 1964, стр. 15. Такого же мнения, однако без какой-либо аргументации придерживается И. Г. Филановский (см. его книгу Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, Л., 1970, стр. 147 (Примечание).

⁵⁷ Т. В. Церетели, Деликты создания опасности, «Советское государство и право», 1970, № 8, стр. 59.

⁵⁵ См. «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1967, № 5, стр. 8—9; См. также «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1970, № 6, стр. 11.

новления. Из такого понимания конкретной опасности следует вывод, что в деликтах конкретной опасности имеется в виду вызванное преступным деянием определенное изменение во внешнем мире, которое направлено к реализации повреждения правоохраняемого объекта. Именно поэтому в диспозициях уголовного закона, как правило, упоминается конкретная опасность как самостоятельный признак объективной стороны. Так, в ст. 146 УК ГССР (ст. 140 УК РСФСР) говорится о «нарушении должностным лицом правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда, если это нарушение создавало опасность для жизни или здоровья рабочих и служащих...» В этой статье совершенно ясно сказано, что нарушение определенных правил только тогда образует преступление, если оно создавало опасность вреда. Эту же мысль закон иногда выражает словами: «могло повлечь тяжкие последствия» (ст. 248 УК ГССР, ст. 217 УК РСФСР), «создавало угрозу наступления... последствий» (ст. 86 УК ГССР, ст. 85 УК РСФСР) и т. п. Тем самым признается, что между нарушением определенных правил и опасностью (угрозой, возможностью) наступления тяжких последствий должна существовать причинная связь, которую суд должен установить⁵⁸. Следовательно, деликты конкретной опасности являются «материальными составами»⁵⁹, ибо только последние предполагают причинную связь между деянием и определенным изменением во внешнем мире в качестве конститутивного элемента.

6. Если деликты создания конкретной опасности относятся по своей природе к материальным составам, то, естественно, вопрос о значении нарушения норм предусмотрительности для обоснования неосторожности должен быть решен в отношении этих деликтов так же, как он решается применительно к неосторожным деликтам реального причинения вреда⁶⁰. Объединение этих двух типов неосторожных деликтов в одну группу материальных составов позволяет нам поставить вопрос следующим образом: достаточно ли для обоснования момента противоправ-

⁵⁸ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, М., 1963, стр. 68-69.

⁵⁹ См. Т. В. Церетели, Указ работа; В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., 1960, стр. 170; L. Viski, Rechtswidrigkeit bei den Gefährdungsdelikten, «Acta Juridica...» 1968. т. 10, (3-4) s. 276-281.

⁶⁰ Тем не менее, ради удобства, чтобы не повторяться, мы будем рассматривать примеры, главным образом неосторожного причинения, а вытекающие из этого выводы полностью охватят деликты конкретной опасности.

ности при результативных (материальных) составах неосторожности установление того, что лицо нарушило норму предосторожности (при возможности избежать этого), или же, кроме того, требуется выяснение каких-либо дополнительных моментов?

Предположим, что реализация предусмотренного материальным составом общественно опасного результата непосредственно последовала за нарушением нормы предосторожности, однако установлено, что результат наступил бы с необходимостью и при соблюдении соответствующей нормы предусмотрительности. В терминах каузальности это означало бы отсутствие причинной связи между виноводолжной непредусмотрительностью и вредным результатом, ибо явление только тогда можно признать причиной результата, если оно служило необходимым условием (*conditio sine qua non*) последнего, условием, без которого результат при данных обстоятельствах не мог наступить. Поскольку причинная связь является необходимым элементом всякого материального состава, в том числе и неосторожного, то в приведенном случае ответственность за неосторожность отпадает.

Однако следует отметить, что требование причинной связи в материальных деликтах неосторожности предполагает известную специфику, на которой следует особо остановиться. Иначе невозможно раскрыть природу и юридическое значение факта виноводолжной непредусмотрительности для обоснования неосторожности.

Когда для ответственности за неосторожность требуется причинная связь, тем самым требуется установить, было ли вызвано наступившее вредное последствие (или опасность вреда) именно нарушением нормы предосторожности (противодолжной непредусмотрительностью), т. е. речь идет не об обусловленности вреда (или опасности) вообще поведением субъекта, а о причинной связи между виноводолжной непредусмотрительностью и последствием (опасностью). Такой подход к исследованию вопроса о причинной связи при неосторожности вполне оправдан и имеет серьезные основания.

Так, управление транспортным средством или хирургическая операция — в целом полезные и дозволенные виды деятельности. Более того, в какой-то мере они составляют социальную необходимость, ибо современная жизнь немыслима без транспорта и хирургических операций. Между тем при определенных условиях вышеуказанные виды деятельности таят в себе реальную и неоправданную угрозу наступления вреда. Например, управление автомашиной с неисправными тормозами чрезвычайно опасно. В то же время общество не может отказаться от полез-

ных форм деятельности только по тем мотивам, что при определенных условиях они способны нанести вред. Поэтому на основе изучения и обобщения тех условий, при которых социально полезные действия могут нанести вред, вырабатываются соответствующие нормы предосторожности. Функция этих норм — поставить полезные в целом действия в определенные рамки и определить тем самым обязательные границы безопасного поведения. Каждый гражданин социалистического общества обязан осуществлять свою деятельность только в пределах указанных границ. В соответствии с этим предметом уголовно-правового запрета является не вся в целом полезная деятельность, а осуществление ее опасным способом или в опасных условиях⁶¹. Одним словом, уголовное право запрещает заниматься какой бы то ни было деятельностью с нарушением норм предосторожности. Если эта деятельность не сопряжена с нарушением норм предосторожности, то уголовное право ею не интересуется. Именно поэтому уголовное право не реагирует на те вредные последствия, которые возникли не в результате нарушения норм предосторожности, а независимо от этого.

Развитая здесь мысль целиком и полностью покоится на принципе уголовной ответственности лишь за противоправные деяния и косвенно вытекает из законодательного определения неосторожности.

Приговором народного суда района имени 26 Комиссаров г. Тбилиси от 28 января 1971 г. Б. был осужден по ч. 2 ст. 131 УК ГССР. Б. был признан виновным в том, что, работая районным врачом, с опозданием явился к больной С., ошибочно поставил диагноз и не госпитализировал ее. Через несколько дней Б., не посетив С. повторно и не убедившись в ее выздоровлении, выписал ее на работу. Болезнь С. осложнилась, и через день после этого она скончалась от некрозного нефроза.

Факт нарушения профессиональных обязанностей со стороны врача Б. должным образом был установлен в приговоре народного суда. Однако остался нерешенным один из центральных вопросов: была ли вызвана смерть С. ошибочным диагнозом врача и другими профессиональными нарушениями. Иными словами, народный суд не исследовал причинную связь между смертью С. и нарушениями со стороны Б. норм предосторожно-

⁶¹ Иначе понимал структуру неосторожного преступления Э. Я. Немировский. «...При неосторожных деликтах, — писал он, — совершаемое действие часто принадлежит к числу дозволенных...» (Э. Я. Немировский. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917, стр. 343). Критику этого взгляда см. В. Г. Макашвили, Цит. соч., стр. 120.

сти, требующими в этих случаях проявления определенной предосторожности. С. раньше никогда не жаловалась на болезнь почек. Она скончалась через 5 дней после ощущения боли. В объяснении специалистов было высказано предположение, что такое быстрое развитие болезни могло последовать и в результате отравления. Все эти обстоятельства возлагали на суд обязанность особо тщательно исследовать причинную связь. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда ГССР вполне обоснованно отменила приговор и вернула дело на доследование. В определении коллегии сказано, что «при предварительном расследовании недостаточно было исследовано, находится ли смерть С. в причинной связи с фактом ненадлежащего выполнения со стороны Б. его профессиональных обязанностей». В определении указывается также, что «решающее значение следовало придать выяснению того, протекала бы болезнь точно так же, если бы Б. принял надлежащие медицинские меры».

7. Итак, мы видим, что простое сосуществование факта нарушения нормы предосторожности с вредным последствием еще не предрешает вопроса о вменении этого последствия в неосторожную вину. Необходимо установить, что нарушение нормы предосторожности обусловило наступление общественно опасного последствия. Выяснение этого момента в судебно-следственной практике нередко осложняется существованием некоторых приводящих обстоятельств. Можно выделить следующие основные группы случаев «с осложненной причинной связью» (мы условно употребляем этот термин), в которых вероятность ошибок при обосновании ответственности за неосторожность особенно велика:

а) Случай так называемой вины потерпевшего⁶². Эти случаи особенно часто встречаются в судебной прак-

⁶² Суждения советских криминалистов об уголовно-правовом значении «вины потерпевшего» излагаются в следующих работах: Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, М., 1963, стр. 220; П. Дателъ, «Вина потерпевшего» в уголовном праве, «Советская юстиция», 1967, № 6, стр. 10; Н. Кузнецова, Уголовное значение «вины потерпевшего», «Советская юстиция», 1967, № 17, стр. 16 и др. В последнее время вопросы «вины потерпевшего» иногда обсуждаются и в судебной практике, однако преимущественно в плане виновности обвиняемого (см., например, постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Карапетяна, «Бюллетень Верховного суда СССР», 1965, № 3, стр. 26), либо в плане индивидуализации наказания (см. постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 30 марта 1963 г. № 15 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта»,

тике. Например, ^{водитель} водитель трамвая развивает недозволенную по правилам дорожного движения (п. 74) скорость — 70 км в час. Неудавший сойти с трамвая пассажир придерживает закрывающуюся дверь, прыгает с площадки движущегося вагона, падает под колеса и погибает. По заключению эксперта и по обстоятельствам дела установлено, что даже при дозволенной скорости движения трамвая — 60 км в час — такой результат все же с необходимостью наступил бы. Хотя в подобных случаях факт нарушения правил предосторожности налицо, тем не менее, этого недостаточно для ответственности за неосторожность, ибо между указанным нарушением и наступившим результатом нет причинной связи.

б) Случаи вмешательства в ход событий действий третьих лиц или внешних сил. Наиболее типичным из этих случаев является смерть пешехода, когда после сильного удара машины, он попадает под колеса другого транспортного средства, двигавшегося с нарушением правил (автомобиль с неисправными тормозами). По отношению к действиям шофера, ехавшего с неисправными тормозами, эффект удара первой автомашины выступает как привступившее обстоятельство, как некоторая внешняя сила. В этих случаях, если установлено, что удар первой машины был смертельным, т. е. смерть наступила бы с необходимостью, если бы даже машина с неисправными тормозами не наехала на сбитого пешехода, ответственность второго шофера, ехавшего с неисправными тормозами, отпадает, так как причиной смерти пешехода является действие первого шофера.

в) Случаи влияния на ход событий особых свойств организма потерпевшего⁶³. Эти случаи чаще всего можно встретить в судебной практике по уголовным делам в связи с врачебными правонарушениями. Например, при анестезировании пациента для оперирования, вместо требуемого новокаина врач всprыскивает кокаин. Пациент умирает. После морфологического изучения трупа выявляется, что организм был сверхчувствителен в отношении всяких анестети-

Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР, М., 1967, стр. 72). Между тем при «вине потерпевшего» имеется в виду, строго говоря, не «вина» в уголовно-правовом смысле, а обусловленность вреда действиями потерпевшего. Поэтому, казалось бы особое внимание следовало уделить правильному применению этой категории при исследовании причинной связи между противоправными действиями предполагаемого преступника и наступившим вредным результатом.

⁶³ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, М., 1963, стр. 229.

ческих и наркотических средств и ввиду такой аномальной конституции (кстати сказать, встречающейся чрезвычайно редко) больной неизбежно погиб бы даже при инъекции новокаина. И в этом случае необходимая непредусмотрительность врача не является необходимым звеном в причинной цепи явлений, приведших к смерти больного. Такой же вывод можно было бы сделать и по приведенному выше делу Б. (см. стр. 74—75), если бы было установлено, что ввиду особых свойств организма больная С. неизбежно погибла бы даже при отсутствии профессиональных нарушений со стороны врача.

г) Случаи, когда норма предосторожности не может выполнить обезвреживающую функцию. Такие случаи, хотя и редко, могут встречаться в совершенно различных областях деятельности людей, преимущественно в профессиональной. Так, в шерстяной и кожевенной промышленности требуется обязательная дезинфекция сырья. Однако, если сырье заражено такими бактериями, которые не погибают при современных способах дезинфекции, оплошность лица, забывшего сделать дезинфекцию, нельзя считать причиной заражения и заболевания работников производства. Также должен решаться вопрос, если окажется, что норма техники безопасности не соответствует современным технологическим процессам производства и не способна поэтому предотвратить вред.

Таким образом, при рассмотрении случаев, подобных приведенным выше, решение вопроса об уголовной ответственности за неосторожность требует тщательного анализа в плане каузальности. В частности, необходимо однозначно ответить на следующий вопрос: находится наступивший вредный результат в причинной связи с нарушением нормы предусмотрительности или нет. Для решения этого вопроса применяется метод так называемого мысленного исключения⁶⁴. Если окажется, что при должной предусмотрительности с необходимостью (неизбежно) отпал бы и вредный результат, это значит, что нарушение нормы предосторожности явилось необходимым условием (причиной) наступившего результата, т. е. в данный конкретный момент и при данных конкретных обстоятельствах такое нарушение имело причиняющий характер. Если же, наоборот, будет установлено, что даже при должной предусмотрительности вредный результат наступил бы с необходимостью (неизбежно), то следует признать, что нарушение нормы предосторожности не было необходимым условием (причиной) наступив-

⁶⁴ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, М., 1963, стр. 179; В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 138.

шего последствия, т. е. такое нарушение в данном конкретном случае не обладало причиняющей силой. Соответственно с этим, вопрос об уголовной ответственности за неосторожность снимается уже на стадии исследования каузальности.

8. Как в советской, так и в зарубежной юридической литературе встречаются попытки иначе решить данный вопрос: при этом допускается с нашей точки зрения необоснованное расширение уголовной ответственности за неосторожность.

Так, Ф. Ю. Бердичевский считает, что в результативных деликтах, совершенных путем бездействия, объективным основанием уголовной ответственности является «вероятностная причинная связь», а не обычная причинная связь между противоправным бездействием и вредным результатом. При этом понятие вероятностной причинной связи (заимствованное им из философских источников⁶⁵) автор употребляет в смысле вероятности причинения. «Познание статистических закономерностей, — пишет он, — и вытекающих из них вероятностных причинных связей необходимо во всех областях человеческой практики, в том числе и в медицинской деятельности. Поэтому, какой бы ни была величина вероятности благоприятного исхода лечения больного при соответствующем врачебном вмешательстве, отсутствие последнего всегда следует рассматривать как причину неблагоприятного исхода лечения, а значит, как достаточную объективную предпосылку для ответственности за такой результат»⁶⁶. (Разрядка наша. — М. У.).

Как видим, в начале автор говорит о вероятностной причинной связи, а дальше — о вероятности исхода, ставя тем самым знак равенства между каузально детерминированным исходом и вероятностью такого исхода. Но в таком случае получается, что даже вероятность неблагоприятного исхода может служить «достаточной объективной предпосылкой для ответственности за результат». Неприемлемость такого вывода очевидна: ведь для признания человека виновным необходимо, чтобы вредное последствие и объективно, и субъективно было связано с данным лицом, т. е. чтобы именно это лицо было под-

⁶⁵ О противоречивости и бесплодности понятия вероятностной причинности см. И. В. Кузнецов, Категория причинности и ее познавательное значение, Теория познания и современная наука, М., 1967, стр. 54.

⁶⁶ Ф. Ю. Бердичевский, Вероятностная причинная связь в уголовном праве, Вопросы борьбы с преступностью, М., 1969, вып. 10, стр. 51—52; Его же, Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей, М. 1970, стр. 68.

линным «автором» преступления. Основанием ответственности по советскому уголовному праву признается состав преступления, и суд не вправе считать человека виновным, если им не осуществлены все элементы результативного деликта, в том числе — общественно опасное последствие. Согласно принципу *in dubio pro geo*, всякое сомнение в реальном причинении вреда должно быть истолковано в пользу обвиняемого.

Правда, Ф. Ю. Бердичевский особо не упоминает случаев неосторожности, но его суждения касаются результативных деликтов, выполненных путем бездействия, а эти преступления могут быть совершены и по неосторожности. Из этого логически следует возможность ответственности за неосторожность даже при отсутствии причинной связи между нарушением нормы предосторожности и последствием. Наши возражения против такого решения вопроса прежде всего основаны на том, что теория «вероятностной причинной связи» не может правильно решить вопрос об ответственности за неосторожную вину.

Примерно к таким же выводам, как Ф. Ю. Бердичевский, в буржуазной литературе приходит известный немецкий криминалист К. Роксин, который рассматривает сферу неосторожных деликтов. Правда, он исходит из совершенно иных методологических предпосылок.

Исходным пунктом и методологической основой взглядов К. Роксина служит, как он сам заявляет, «принцип повышения риска». «Как можно узнать, обосновывается или нет неосторожное убийство нарушением заботливости, сопутствующим причинению смерти?» — спрашивает К. Роксин. Чтобы ответить на этот вопрос, он предлагает «...проверить, какое поведение, по принципу допустимого риска, не следовало бы вменять действующему лицу как нарушение обязанности»⁶⁷. Если, отмечает К. Роксин, в конкретном случае шанс наступления результата из противоправного поступка лица превышает дозволенный риск, то выноляющее состав нарушение обязанности наличествует. Если же, напротив, противоречащее заботливости действие не превышает дозволенного риска, тогда нельзя говорить о нарушении обязанности заботливости, лежащей в основе соответствующего состава, и, следовательно, нельзя говорить о неосторожности⁶⁸.

Возникает вопрос, почему увеличение вероятности наступления вреда (повышение риска) должно играть решающую роль, когда дело касается результативного деликта и не доказано, что

⁶⁷ C. Roxin, Pflichtwidrigkeit und Erfolg bei fahrlässigen Delikten. „Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft“, 1962, Н. 3 (В 74), S. 431.

⁶⁸ См. там же, стр. 432; См. также, „Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft“, 1966, Н 1/2 (Band 78), S. 215—216. (рецензия К. Роксина на книгу К. Ульзенхеймера).

при правомерном поведении вредный исход был бы предотвращен с необходимостью? К. Роксин пытается ответить на этот вопрос путем уяснения *ratio legis*: если бы закон не считался с повышением риска, то он не требовал бы, чтобы граждане действовали в пределах дозволенного риска, установленных нормами предосторожности, а вообще запретил бы то или иное деяние. Но так как закон не делает этого ради обеспечения необходимой свободы действия граждан, то следует признать, что требование соблюдать нормы предосторожности имеет в виду предотвращение само повышение риска. Соответственно, нарушение нормы предосторожности с повышением риска способно обосновать состав и тем самым становится достаточным объективным основанием для обвинения в неосторожности⁶⁹.

Если бы закон имел своей целью преследовать само повышение риска, не лишая в то же время граждан необходимой свободы действия, то он мог бы сделать это путем конструирования неосторожного деликта конкретной опасности, при которой специальное доказывание превышения дозволенного риска как раз и требуется. Однако, если закон не делает этого и конструирует состав как результативный, это значит, что превышению дозволенного риска законодатель не придает уголовно-правового значения; нарушение нормы предосторожности наказуемо лишь постольку, поскольку оно реализовалось в последствии⁷⁰. Стало быть, уже по той простой причине, что повышение риска не является составообосновывающим элементом, оно не может служить критерием для разграничения наказуемых случаев от ненаказуемых. Иное решение вопроса с процессуальной точки зрения означало бы, что доказательственное значение придается факту, который не имеет отношения (ирелевантен) к предмету доказывания. В этом случае пришлось бы наказывать человека на основе презумпции виновности, недопустимой в уголовном судопроизводстве.

Такие термины, как, например, «причинение вероятностной смерти»⁷¹, к которым К. Роксин вынужден иногда обращаться, также указывают на то, что расширение уголовной ответственности за неосторожность, по его конструкции, происходит за счет вменения в вину лишь презюмированных (вероятных), а не достоверных фактов.

9. Все предыдущие суждения были связаны с обоснованием того положения, что установление в материальных деликтах на-

⁶⁹ См. С. Roxin, *Pflichtwidrigkeit und Erfolg...*, S. 433—434; Его же, Рецензия на книгу К. Ульзенгеймера, стр. 218.

⁷⁰ К. Ulsenheimer, *Das Verhältnis zwischen Pflichtwidrigkeit und Erfolg bei den Fahrlässigkeitsdelikten*, Bonn, 1965, S. 145.

⁷¹ См. С. Roxin, Рецензия на книгу К. Ульзенгеймера, стр. 218.

рушения нормы предосторожности при сопутствующем вредном результате требует установления реально причиняющего характера этого нарушения в отношении последствия. Однако дальнейшее исследование вопроса показывает, что для вменения в неосторожную вину вредного результата этого недостаточно.

Обратимся к анализу конкретного дела, известного в уголовно-правовой литературе как «случай с аптекарем».

При выдаче лекарства аптекарь забывает приклеить к флакону этикетку с соответствующей надписью. Больной берет лекарство и хранит его в «аптечке» (в специальном шкафчике для медикаментов). Перед принятием лекарства он заметил, что флакон без этикетки. Усомнившись в правильности выдачи лекарства, он собирается отнести его обратно в аптеку для проверки, а флакон временно кладет на низкий столик. Флакон незаметно достает трехлетний ребенок, пьет содержащуюся в нем жидкость и отравляется⁷².

В этом случае имеются все объективные предпосылки для ответственности за неосторожность, которые обсуждались выше. Забыв приклеить этикетку, аптекарь нарушил норму предосторожности; наступило также вредное последствие — отравился ребенок; можно обосновать и причинную связь: если бы аптекарь не проявил противоделжную непредусмотрительность, больному не пришлось бы возвращать лекарство, он не поставил бы его на доступном для ребенка месте и последний не выпил бы его. И тем не менее смерть не может быть вменена аптекарю.

Дело в том, что случившееся не относится к таким изменениям во внешнем мире, на предотвращение которых была рассчитана нарушенная норма предосторожности. Всякая специальная норма предосторожности учитывает лишь определенные возможные ситуации и служит предотвращению лишь соответствующих этой ситуации последствий. Когда закон связывает уголовную ответственность с нарушением какой-либо нормы предосторожности, тем самым в материальных деликтах он предполагает только такую ситуацию и последствия, обезвреживание которых входило в функцию данной конкретной нормы предосторожности. Поэтому всякие другие ситуации и связанные с ними последствия остаются за рамками состава преступления.

Приложим это положение к «случаю с аптекарем». Правильно, требующее прикрепления этикетки к флакону с лекарством, рассчитано на грамотных людей и служит тому, чтобы они не

⁷² В модифицированном виде этот пример мы заимствовали у Уильямса. См. G. Williams, *Causation in the Law*, „Cambridge Law Journal“, 1961 № 4, p. 64—65.

путали выданное им лекарство с другими внешне сходными медикаментами. В случае с аптекарем имело место такое нетипичное течение явлений, которое не учитывалось нормой предосторожности. В функцию нормы, требующей прикрепления этикетки, не входит обезвреживание такой ситуации, когда с лекарством имеют дело еще малолетние дети. Поэтому наступившее последствие не укладывается в рамки состава неосторожного убийства.

Следует отметить, что такое решение вопроса не только вполне согласуется с общим духом и принципами советского уголовного законодательства, но иногда даже прямо требуется законом. Так, по п. в) ст. 273 УК ГССР (п. в ст. 19 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления) нарушение уставных правил сторожевой или патрульной службы наказывается лишь в том случае, если это вызвало такие последствия, «...для предупреждения которых (разрядка наша. — М. У.) назначен сторожевой караул (пост) или патруль». Подобным же образом сформулированы п. д) ст. 273 и п. в) ст. 276 УК ГССР (соответственно — п. д) ст. 19 и п. в) ст. 22 Закона).

Итак, «конкретная обезвреживающая функция» нарушенной нормы предосторожности является еще одним важным моментом, который требует учета при определении круга вредных последствий, подлежащих вменению в неосторожную вину. Этим исчерпываются основные требования, предъявляемые к нарушению нормы предосторожности как признаку, обосновывающему уголовно-правовую неосторожность.

10. В заключение можно сделать следующий общий вывод. Нарушение специальной (профессиональной) или общеобязательной (бытовой) нормы предосторожности является необходимым моментом для обоснования неосторожности как формы уголовно-правовой вины. Это одинаково касается деликтов как формальных, так и материальных. Между тем в материальных деликтах неосторожности требуется, кроме того, чтобы нарушение нормы предосторожности носило реально причиняющий характер в отношении наступившего вредного результата, а последний в свою очередь должен относиться к таким изменениям во внешнем мире, на обезвреживание которых была рассчитана нарушенная норма предосторожности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРЕДМЕТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ

Как было показано выше, неосторожная вина предполагает непредусмотрительность или незаботливость лица при должностовании и возможности быть предусмотрительным и заботливым. Но столь общая характеристика неосторожности раскрывает лишь психологические и социально-нормативные элементы неосторожной вины. Для того, чтобы раскрыть природу уголовно-правовой неосторожности, необходимо установить, кроме того, круг обстоятельств, с которыми должна соотноситься неосторожность.

Совершенно очевидно, что уголовное право может иметь суждение только о конкретных процессах (состояниях) психической жизни индивида, которые наполнены определенным содержанием. Можно морально порицать и осуждать человека за то, что он невнимателен или незаботлив вообще. Но нельзя в этом случае говорить о неосторожной вине в смысле уголовного права. Вина в уголовно-правовом смысле всегда предполагает психическое отношение к конкретному общественно опасному деянию. Поэтому при установлении неосторожной вины необходимо выяснить, в чем конкретно материализовалась неосторожность субъекта, в отношении чего он проявил неосторожность, какие факты, связанные с его деятельностью, включались или не включались в содержание протекающих в его психике процессов. Иными словами, каждый раз при установлении неосторожной вины (впрочем, как и умысла) необходимо выяснить предметное содержание психического отношения субъекта к содеянному. Естественно, это касается конкретных случаев, и поэтому предметное содержание каждой конкретно проявленной неосторожности будет определяться элементами того противоправного деяния, в котором объективировалась неосторожность. Но это обстоятельство не только не снимает, но, наоборот, пред-

полагает необходимость специально исследовать вопрос, — что следует включить и что не может входить в предметное содержание неосторожности в различных ее проявлениях.

Принято считать, что к содержанию вины относятся только те обстоятельства, которые соответствуют признакам состава деяния. Это — правильное положение. Однако возникает вопрос: все ли обстоятельства, описанные или предполагаемые в диспозиции закона, могут быть предметом неосторожного отношения к ним?

В уголовном кодексе деликты неосторожности сконструированы по-разному. Сообразно с этим меняется и круг предусмотренных различными составами обстоятельств. Различна также социальная и юридическая природа этих обстоятельств. Поэтому ответ на поставленный выше вопрос предполагает выяснение множества других частных вопросов, а именно: каково содержание неосторожной вины в формальных составах; входит ли отношение к общественной опасности деяния в содержание неосторожной вины; может ли неосторожность распространяться на обстоятельства, квалифицирующие преступление и если да, то в какой мере, и т. д. Только при тщательном анализе различных групп однородных деликтов, а также обстоятельств, характеризующих отдельные категории преступлений, в сочетании с правильным применением к ним законодательного понятия неосторожности, станет возможным четко определить объем предметного содержания неосторожной вины.

§ 1. ПРЕДМЕТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ В МАТЕРИАЛЬНЫХ СОСТАВАХ

1. Для целей нашего исследования анализ соответствующего законодательного материала удобнее всего начать с материальных составов, ибо они представляют типичную форму конструирования в законе неосторожных деликтов. К тому же к материальным составам законодательное понятие неосторожности приложимо лучше, чем к любым другим случаям. Достаточно вспомнить, что причинение общественно опасного последствия при материальных деликтах является решающим моментом, обосновывающим состав, а понятие неосторожности, по буквальному тексту закона (ст. 9 Основ) конструируется по психическому отношению именно к последствиям. Тем не менее необходимы некоторые пояснения.

Буквальное толкование текста ст. 9 Основ может создать видимость, что в материальных составах к содержанию неосторожной вины относятся исключительно наступившие вредные по-

следствия или общественно опасное деяние наряду с последствием¹.

Между тем в каждом материальном составе в качестве необходимого элемента предполагается причинная связь между противоправным поведением и последствием. Поэтому было бы правильнее говорить о неосторожности по отношению к общественно опасному причинению результата. Этим мы смогли бы суммарно выразить отражение в неосторожной вине всей объективной стороны материальных деликтов в целом — противоправного деяния, последствия и причинной связи между ними. Вместе с тем это положение требует уточнения еще в двух направлениях.

Во-первых, ни от кого не требуется, чтобы он предвидел развитие причинной связи во всех без исключения деталях. Достаточно, чтобы человек проявил или мог проявить наблюдательность по отношению к общим моментам, осознание которых позволило бы каждому нормальному члену общества предвидеть опасность нежелательного развития явлений в сторону наступления общественно опасных последствий. Например, неосознание химических или биологических процессов и закономерностей при неосторожном убийстве, как правило, не может иметь значения при решении вопроса о неосторожной вине, в то время как непредвидение, что игра с заряженным револьвером может вызвать смерть, непосредственно относится к содержанию неосторожной вины.

Во-вторых, если окажется, что некоторые обстоятельства, относящиеся к объективной стороне преступления, осознавались или предвиделись субъектом, это не значит, что они перестают быть предметом содержания неосторожной вины².

¹ Это обстоятельство побуждает некоторых авторов категорически утверждать, что «законодательные конструкции (форм и видов вины. — М. У.) связаны лишь с психическим отношением субъекта к его деяниям и их последствиям и ни на какие другие признаки преступления по смыслу ст. ст. 8 и 9 Основ не распространяются (см. И. Г. Филановский, Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, Л., 1970, стр. 156, 158, 159).

² По существу, такого же мнения придерживается П. С. Дагель. «...Предметное содержание небрежности, — пишет он, — определяется, во-первых, теми обстоятельствами, которые сознавал субъект и сознание которых давало ему возможность предвидеть последствия, и, во-вторых, теми обстоятельствами, соответствующими признакам состава преступления, которые субъект мог и должен был сознавать (предвидеть). Эти две группы обстоятельств взаимосвязаны... и лишь в совокупности они составляют предметное содержание небрежности» (П. С. Дагель, Проблемы вины в

Для неосторожности достаточно, чтобы субъект не сознавал процесс причинения общественно опасных последствий опять-таки в общих, основных его чертах. Если при этом он даже ясно осознает отдельные отрезки своей деятельности, это не меняет общей картины. Так, субъект может ясно сознавать, что нарушает определенное правило предосторожности и даже сознавать, что такое поведение повышает дозволенный риск, но не сознавать, что в данном конкретном случае может причинить вред. Такая комбинация весьма характерна для самонадеянности, но может иметь место и при небрежности³. В обоих случаях осознанные, предвиденные звенья причинной цепи настолько органически вплетаются в содержание неосторожной вины, что искусственно вырвать их оттуда не представляется возможным.

Предположение, что осознанные или предвиденные обстоятельства преступления не относятся к содержанию неосторожности, приводит к выводу, что эти обстоятельства составляют материал для конструирования умышленной вины. Такое решение вопроса имеет многочисленных сторонников. В частности, признается, что если сознательно нарушается норма предосторожности (иногда говорят о сознательном совершении действия), то такое нарушение образует предметное содержание умысла, а неосторожность относится исключительно к общественно опасному последствию. В результате получаем так называемую «двойную», или «смешанную», форму вины в рамках одного основного (неквалифицированного) материального состава, которая предполагает умысел в отношении

советском уголовном праве, Ученые записки Дальневосточного государственного университета, вып. 21, ч. I, Владивосток, 1968, стр. 118). Однако эта мысль требует уточнения: «обстоятельства, которые сознавал субъект и сознание которых давало ему возможность предвидеть последствия» так же должны соответствовать составу, как и неосознанные. Иначе предложенная формулировка может привести к необоснованному расширению содержания неосторожной вины.

³ См. П. С. Дагель, Цит. работа, стр. 106. Иного мнения придерживается И. Г. Филановский, который считает, что сознательное несоблюдение правил предосторожности в любом случае исключает небрежность, ибо оно «не может не быть связано в мышлении субъекта с опасными последствиями» (см. И. Г. Филановский, Цит. работа, стр. 138). Такое предположение не только не основывается на научных данных психологии (еще с XIX века известно, что неоднородное психическое отношение к различным фазам (элементам) единой деятельности вполне возможно (см. Ф. В. Бассин, Проблема бессознательного, М., 1968, стр. 271), но явно противоречит огромному эмпирическому материалу.

нарушения нормы предосторожности (деяния) и неосторожность в отношении наступившего результата⁴.

Таким образом, занимающий нас вопрос с логической необходимостью перерастает в большую и сложную проблему смешанной вины. В задачу нашего исследования не входит подробное ее рассмотрение⁵. Однако необходимо хотя бы кратко остановиться на той трудности, которую создает концепция смешанной вины для рационального определения границ неосторожной вины в материальных составах.

Напомним, что конститутивным элементом всякого материального деликта является причинная связь между запрещенным деянием и наступившим последствием. Следовательно, как необходимый признак состава она должна найти надлежащее место в содержании вины. Иначе нельзя будет вменить в вину ни последствие, которое должно быть причинено исключительно запрещенным деянием, ни само противодолжное деяние, которое причиняет результат. Между тем рассматриваемое

⁴ Такое расширительное понимание смешанной вины в советской юридической литературе разделяется многими авторами (см. А. А. Понтоковский, Курс советского уголовного права. Часть Общая, том II, М., 1970, стр. 333; М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, М., 1948, стр. 197; Его же, Ответственность за преступления против личности, Л., 1953, стр. 36—37; В. Ф. Кириченко, Смешанные формы вины, «Советская юстиция», 1966, № 19, стр. 13; Б. А. Куринов, Автотранспортные преступления, М., 1970, стр. 89; П. С. Дагель, Проблемы вины... стр. 136 и др.). Оно содержалось и в постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 2 от 9 апреля 1965 г. «О судебной практике по делам, связанным с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта» (см. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 3, стр. 10). Однако это постановление утратило силу, а в своем новом постановлении № 11 от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» Пленум Верховного Суда СССР отказался от ранее занимаемой позиции (см. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 6, стр. 19).

⁵ К некоторым аспектам проблемы смешанной вины мы еще вернемся при рассмотрении других вопросов. Более подробно см. нашу статью «Смешанная вина в уголовном праве», «Магнэ», Вестник отделения общественных наук АН ГССР, серия философии, психологии, экономики и права, 1971, № 1, стр. 159 (на груз. яз.). Убедительная критика отдельных положений концепции смешанной вины содержится в следующих работах: Н. Ф. Куценцова, Значение преступных последствий, М., 1958, стр. 91; А. Б. Сахаров, Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву, М., 1956, стр. 109—128; Г. Кригер, Еще раз о смешанной форме вины, «Советская юстиция», 1967, стр. 6; У. Кобашвили,

мая концепция смешанной вины приводит к тому, что причинная связь оказывается вообще вытесненной из содержания вины: умыслом она не может охватываться, так как по предложенной конструкции умысел распространяется только на деяние. Невозможно ее включить и в содержание неосторожной вины, ибо неосторожная вина соотносится исключительно с наступившими последствиями. Создается странное с догматической точки зрения положение, когда причинная связь вообще не находит отражения в вине, в то время как в материальных составах ответственность устанавливается не за деяние или последствие, а за причинение последствие деянием.

Следует еще раз подчеркнуть неоднократно отмеченное в литературе положение, что в основных (неквалифицированных) материальных составах нельзя говорить раздельно об умысле в отношении самого деяния и о неосторожности в отношении последствие⁶. Любое материальное преступление представляет собой единый, неразрывный процесс реальности, который характеризуется как генетическое перерастание деяния (причины) в общественно опасный результат (следствие). Поэтому определение формы вины в отношении него следует установить в зависимости от того, сознавал и желал (допускал) субъект развитие причинности в целом или нет.

Если он сознавал и желал (допускал) такое развитие причинной связи, то придется признать, что преступление в целом совершено умышленно (прямой или косвенный умысел). Если, наоборот, не сознавал и не желал (не допускал) его, но должен был и мог сознавать, то, очевидно, будет иметь место неосторожность. Но даже тогда, когда деяние хотя и сознавалось, но такое сознание оказалось недостаточным для предвидения последствие,

К вопросу о двойной или смешанной вине, «Сабчота самартали», 1969, № 3, стр. 18 (на груз. яз.); И. Филановский, Составы преступлений с простой и сложной формой вины, «Советская юстиция», 1967, № 14, стр. 15; Т. В. Церетели, Соучастие в преступлении, Тбилиси, 1965, стр. 43—45 (на груз. яз.); О. Гамкрелидзе, Ответственность за совокупность преступлений (рецензия на книгу Г. Т. Ткешелиадзе, Ответственность за совокупность преступлений, «Сабчота самартали», 1966, № 6, стр. 85—86 (на груз. яз.); Е. Фролов, А. Свинкин, Двойная форма вины, «Советская юстиция», 1969, № 7, стр. 7; Г. Анашкин, Форма вины в автотранспортных преступлениях, «Социалистическая законность», 1971, № 12, стр. 37; Н. В. Лясс, Субъективная сторона преступлений на автотранспорте, «Правоведение», 1972, № 3, стр. 109.

⁶ См. Г. Кригер, Еще раз о смешанной форме вины, «Советская юстиция», 1967, № 3, стр. 6—7; Т. В. Церетели, Соучастие в преступлении, Тбилиси, 1965, стр. 44 (на груз. яз.) и др.

психическое отношение к причиняющему процессу в целом все же следует характеризовать как неосторожное. В таких случаях непредвиденное последствие причиняется осознанным деянием.

В советском уголовном законодательстве всегда содержались и поныне сохраняются составы неосторожности, построенные по указанному принципу. Так, ч. 2 ст. 148 УК ГССР 1928 г. устанавливала повышенную ответственность за неосторожное убийство, если оно «было результатом сознательного несоблюдения правил предосторожности». Точно такую же конструкцию квалифицируемого неосторожного убийства предусматривают ныне действующие кодексы Литовской ССР (ч. 2 ст. 109), Молдавской ССР (ч. 2 ст. 93), Киргизской ССР (ч. 2 ст. 99) и Таджикской ССР (ч. 2 ст. 109).

2. Иначе решается вопрос в так называемых деликтах квалифицированных по последствие, которые представляют частный случай материальных составов. К этим деликтам вполне приложима схема смешанной вины.

Любой деликт, квалифицированный по последствие, является сложной конструкцией, которая складывается из двух полноценных и самостоятельных составов. Так, ч. 2 ст. 110 УК ГССР (ч. 2 ст. 108 УК РСФСР — умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой смерть) предполагает: умышленное тяжкое телесное повреждение плюс неосторожное убийство. Каждая из этих частей указанной статьи представляет собой такую совокупность объективных и субъективных признаков, которая сама по себе образует преступление, предусмотренное другой статьей; первая образует преступление, предусмотренное ч. I ст. 110 УК ГССР, а вторая — преступление, предусмотренное ст. 108 УК ГССР. Это значит, что если бы ст. 110 УК ГССР не имела второй части, отдельные звенья описанного в ней сложного состава все же существовали бы как самостоятельные деликты, ибо каждое из них имеет свою объективную сторону (деяние, причинная связь, последствие) и предполагает вину (соответствующее психическое отношение). Сообразно с этим, в случае неосторожного причинения смерти умышленным тяжким телесным повреждением, вся преступная деятельность субъекта в целом квалифицировалась бы как идеальная совокупность двух преступлений, предусмотренных ч. I ст. 110 и ст. 108 УК ГССР.

Однако законодатель избрал другой путь. Учитывая, что при тяжком телесном повреждении вероятность наступления смерти велика и что в отношении этого последствие часто существует неосторожная вина, законодатель объединил умышленное

тяжкое телесное повреждение с неосторожным убийством в один общий состав, применив модель идеальной совокупности преступлений⁷ и создав специальную законодательную конструкцию, с которой связывается повышенная ответственность. Как умышленное тяжкое телесное повреждение, так и неосторожное убийство в эту конструкцию вошли в первоизданном онтологическом виде, без каких-либо изменений. Это, очевидно, предполагает, что каждое из них сохранило также свою самостоятельную природу. Но так как с субъективной стороны первое характеризуется как умышленное преступление, а второе — как неосторожное, то слагаемый из них сложный состав предполагает две формы вины по отношению к элементам соответствующих объективных сторон. Каждая из этих форм вины представляет самостоятельный признак состава. Такое решение вопроса в общей форме дано в ст. 11 УК ГССР, которая вменение в вину квалифицирующих последствий умышленного преступления допускает лишь в том случае, если они были причинены по крайней мере по неосторожной вине. По этому же принципу сконструированы п. 1 ч. 2 ст. 107 (умышленное тяжкое телесное повреждение с причинением смерти по неосторожности) и ст. 156 (умышленная потрава посевов либо умышленное повреждение лесных, фруктовых, плодоягодных или иных насаждений в случае причинения умышленно или по неосторожности крупного материального ущерба) УК Эстонской ССР.

В силу сказанного при так называемых умышленных деликтах, квалифицированных по последствию, можно было бы говорить об умышленных преступлениях, квалифицированных другим преступлением, совершенным по неосторожности⁸. В таких

⁷ Подробнее наша точка зрения развита в статье «Смешанная вина...», стр. 167—168; Такого же мнения придерживается болгарский криминалист К. Крѣстев (см. его. Върху проблема за смесената форма на вината. «Социалистическо право», 1971, № 9, стр. 15). Противоположную позицию занимает А. Д. Горбуза (см. его. Смешанная форма вины по советскому уголовному праву, Автореферат канд. диссерт., М., 1972, стр. 13—14).

⁸ Мы полностью разделяем точку зрения Т. В. Церетели, которая считает, что в некоторых случаях (например, ч. 3 ст. 117 УК ГССР) психическое отношение к причинению квалифицирующего последствия может выражаться и в форме эвентуального умысла (см. Т. В. Церетели, Преступное действие и его последствие, Тбилиси, 1966, стр. 77—78 (на груз. яз.)). Не рассматривая эти случаи (см. М. Г. Угрехелидзе, Смешанная вина..., стр. 171—172), следует только отметить, что они также предполагают конструкцию идеальной совокупности, однако в комбинации двух умышленных преступлений, посягающих на неоднородные объекты.

деликтах осознанность (наряду с волеием) основных последствий, относится исключительно к умыслу на их причинение и не имеет непосредственного отношения к квалифицирующему составу неосторожности, хотя он является обстоятельством, которое создавало возможность для предвидения квалифицирующих деяние последствий. Вместе с тем не исключается, что в процессе совершения умышленного преступления субъект сознавал некоторые обстоятельства, входящие в содержание неосторожной вины. Например, если для нанесения тяжкого телесного повреждения преступник сознательно использовал тяжелый предмет и это привело к неосторожному лишению жизни человека, то сознательное использование для удара тяжелого предмета будет представлять обстоятельство, относящееся не только к содержанию умысла (на тяжкое телесное повреждение), но и к содержанию неосторожной вины (в отношении смерти потерпевшего). Объясняется это тем, что неосторожное причинение смерти в подобных случаях имеет своим источником именно сознательное нарушение общеобязательной нормы предосторожности, согласно которой с тяжелыми предметами следует обращаться весьма осторожно.

3. В связи с тем, что в деликтах, квалифицируемых по последствию, в неосторожную вину можно вменять не все объективные обстоятельства преступления, а лишь часть из них, закономерно возникает вопрос: какие квалифицирующие обстоятельства могут вообще относиться к содержанию неосторожной вины? Иными словами, можно ли вменять в неосторожную вину, кроме неосознанного причинения квалифицирующего последствия, и другие квалифицирующие обстоятельства, не охватываемые сознанием деятеля?

В советском уголовном законодательстве встречаются различные обстоятельства, квалифицирующие преступления. К ним относятся: совершение преступления особо опасным рецидивистом или группой лиц по предварительному сговору; совершение преступления повторно, систематически или в виде промысла; совершение преступления со специальной целью или средствами; совершение преступления в отношении беременной женщины, малолетнего ребенка или несовершеннолетнего и т. д.

Легко заметить, что некоторые из перечисленных квалифицирующих обстоятельств всегда охватываются сознательным, активным направлением воли. Поэтому психическое отношение к ним в форме неосторожности логически исключается. Так, невозможно говорить о неосторожности в отношении предварительного сговора или в отношении совершения преступления в виде промысла. Следовательно, если основной состав осуществлен умышленно, то неосторожность по отношению к этим об-

стоятельствам не может иметь места. Снимается вопрос и о смешанной вине.

Вместе с тем некоторые квалифицирующие обстоятельства в своем естественном, онтологическом виде не предполагают сознательную и волеую активность психики в отношении их. Например, при изнасиловании, требующем в целом умышленной вины, субъект может и не сознавать, что потерпевшая не достигла совершеннолетия. Возникает вопрос, можно ли вменить в неосторожную вину несовершеннолетие потерпевшей, если окажется, что преступник должен был и мог предвидеть это обстоятельство?

Некоторые авторы полагают, что субъективная сторона изнасилования несовершеннолетней (ч. 3 ст. 117 УК ГССР, ч. 3 ст. 117 УК РСФСР) предполагает смешанную вину — прямой умысел в отношении изнасилования и эвентуальный умысел или неосторожность в отношении факта несовершеннолетия⁹. Такую же позицию занял Пленум Верховного Суда СССР, который в постановлении № 2 от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», в частности, отмечает: «...уголовной ответственности подлежит лицо, которое знало или допускало, что совершает насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть»¹⁰.

В пользу такого решения вопроса обычно ссылаются на то, что поскольку закон прямо не требует достоверного знания возраста потерпевшей, то он допускает неосторожность в отношении несовершеннолетия¹¹.

Мы полагаем, что такое решение вопроса не вытекает из смысла закона. Так, ч. 2 ст. 150 УК ГССР (ч. 2 ст. 144 УК РСФСР) предусматривает ответственность за кражу личного имущества, причинившую потерпевшему значительный ущерб.

⁹ См. В. Кириченко, Смешанные формы вины, «Советская юстиция», 1966, № 19, стр. 14; А. Н. Игнатов, Ответственность за преступления против нравственности (половые преступления), М., 1966, стр. 128—132. Такого же мнения раньше придерживался В. Н. Кудрявцев (см. В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступления, М., 1963, стр. 194—195). В новом издании этой работы В. Н. Кудрявцев отказался от прежней позиции (см. В. Н. Кудрявцев, Общая теория квалификации преступлений, М., 1972, стр. 178—179).

¹⁰ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924 — 1970, М., 1970, стр. 456. См. также определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 декабря 1968 г. по делу Козлова, «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 3, стр. 40.

¹¹ См. А. Н. Игнатов, Указ. работа, стр. 129.

В статье не сказано, что для причинения значительного ущерба требуется «заведомость». Тем не менее вменить в вину преступнику «значительный ущерб» можно лишь в том случае, если «преступник сознавал, что он своими действиями причиняет потерпевшему значительный ущерб»¹². Поэтому вор, который украл драгоценное кольцо, но вследствие невинительной ошибки считал его дешевым, будет отвечать за простую, а не за квалифицированную кражу. Очевидно, аналогично следовало бы решить и вопрос при изнасиловании. В противном случае остается непонятным, почему допустимо вменение в неосторожную вину квалифицирующего обстоятельства при изнасиловании, в то время как при краже такое вменение исключается.

Согласно ст. 8 Основ, «преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий». По этому определению актуальное сознание общественной опасности преступного деяния является необходимым элементом умысла. Это одинаково касается составов как «основных», так и «квалифицированных». Но для того, чтобы преступник сознавал общественную опасность своего деяния, требуется, чтобы прежде всего он сознавал все те фактические обстоятельства, которые в «основных составах» обосновывают общественную опасность, а в «квалифицированных» — повышают степень общественной опасности¹³. В случае изнасилования несовершеннолетней, несовершеннолетие потерпевшей является обстоятельством, обосновывающим повышенную общественную опасность преступления. Поэтому преступник не может сознавать такую повышенную общественную опасность, если он достоверно не знает, что насилует именно несовершеннолетнюю. С нашей точки зрения, несовершеннолетие как обстоятельство, квалифицирующее преступление, вообще невозможно

¹² Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, М., 1971, стр. 312.

¹³ Ссылаясь на то, что в некоторых составах умышленных преступлений закон прямо требует заведомости в отношении квалифицирующих обстоятельств, а в некоторых — нет, П. С. Дагель признает неубедительным совершенно правильное, на наш взгляд, рассуждение Г. А. Кригера по данному вопросу (см. П. С. Дагель, Цит. раб., стр. 156). Однако отсутствие прямого указания закона на «заведомость» еще не говорит за то, что закон в данном случае допускает повышение ответственности и без этого момента. Вообще для решения данного вопроса следует исходить из логического толкования соответствующих норм.

вменять в вину, если оно не охватывалось умыслом преступника.

В силу сказанного нам представляется вполне обоснованным критическое отношение большой группы советских криминалистов к постановлению Пленума Верховного Суда СССР № 2 от 25 марта 1964 г.¹⁴, допускавшему смешанную вину в случаях изнасилования потерпевшей. Примечательно, что это постановление существенно противоречит общей позиции Верховного Суда СССР: в других постановлениях пленум требует умысла в отношении квалифицирующих обстоятельств¹⁵.

Для единообразного применения советских уголовно-правовых норм было бы целесообразно включить в Основы, а соответственно и в уголовные кодексы союзных республик специальную статью, посвященную вопросу о вменении в вину квалифицирующих обстоятельств умышленного преступления¹⁶. В первой части этой статьи следовало бы воспроизвести без изменения текст ст. 11 УК ГССР, согласно которой для вменения квалифицирующих последствий умышленного преступления достаточно существование неосторожной вины в отношении этого последствия. Вторую часть статьи можно было бы сформулировать следующим образом: иные квалифицирующие обстоятельства умышленного преступления вменяются в вину только тогда, когда преступник заведомо знал о наличии этих обстоятельств¹⁷. Мы полагаем, что такая новелла способствовала бы в целом четкому определению сферы наказуемой неосторожности.

¹⁴ См. Б. С. Никифоров, Об умысле по действующему уголовному законодательству, «Советское государство и право», 1965, № 6, стр. 36; В. Г. Макашвили, Понятие умысла в уголовном праве, «Мацне» (орган Отделения общественных наук АН ГССР), 1966, № 6, стр. 79; Г. Кригер, Указ. статья, стр. 7; Н. Ф. Кузнецова, Преступление и преступность, М., 1969, стр. 88; Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров, Умысел и его формы, М., 1972, стр. 55.

¹⁵ См. В. Г. Макашвили, Указ. раб., стр. 79.

¹⁶ См. М. Г. Угрехелидзе, О границах уголовной ответственности за неосторожность. Тезисы докладов и сообщений Межвузовской научной конференции «Юридические гарантии применения советских правовых норм и укрепление социалистической законности», Киев, 1971, стр. 34—35.

¹⁷ Уголовное уложение 1903 года предусматривало, что «неведение обстоятельств, коим обуславливается преступность деяния или которое усиливает ответственность, устраняет вменение в вину самого деяния или усиливающего ответственность обстоятельства» (ч. I ст. 43). В Герман-

Однако может возникнуть вопрос: если законодательное понятие умысла не исключает возможности неосторожной вины в деликтах, квалифицированных по последствию, почему же оно несовместимо с неосторожностью в деликтах, квалифицированных по другим обстоятельствам?

Ответ на этот вопрос содержится в самом законе. Во-первых, уголовные кодексы различных союзных республик в Общей или Особенной части прямо указывают на возможность неосторожности в отношении причинения более тяжких последствий, предусмотренных законом (см., например, ст. 11 УК ГССР; п. 1 ч. 2 ст. 107 и ст. 156 УК Эстонской ССР).

Во-вторых, в силу ст. 9 Основ неосторожная вина (в материальных деликтах) конструируется по психическому отношению к причинению последствий¹⁸. Психическое же отношение к иным квалифицирующим обстоятельствам может составить лишь элемент неосторожности, который хотя и влияет на объем содержания вины в целом, но не влияет на форму вины. Поэтому неосторожная вина исключается в таких умышленных составах, в которых квалифицирующим признаком является не последствие, а какое-либо иное обстоятельство.

4. Предметное содержание неосторожной вины наиболее широко представлено в материальных составах, объективная сторона которых предполагает неосторожное причинение двух или более последствий. Наглядным примером может служить

ском уголовном уложении, которое действует в ФРГ, сказано: «Если лицо не сознает такие обстоятельства, которые относятся к законодательному составу или усиливают наказание, эти обстоятельства ему не вменяются» (§ 59). Такая же мысль проводится в Примерном уголовном кодексе США: «В случаях, когда закон, определяющий посягательство, предписывает форму виновности, достаточную для совершения этого посягательства, не проводя различия между его материальными элементами, это предписание распространяется на все материальные элементы такого посягательства, если иное прямо не предусмотрено законом» (п. 4 § 2—02). Статьи аналогичного характера содержатся в кодексах некоторых социалистических стран. Например, в Уголовном кодексе ГДР: «Тяжелый случай умышленного деяния, который обосновывается наличием особых объективных обстоятельств, вменяется субъекту в умышленную вину только тогда, когда эти обстоятельства были ему известны» (§ 11) (мы сознательно не пользуемся опубликованным русским текстом этой статьи, ввиду того, что при переводе допущена неточность, искажающая смысл закона).

¹⁸ См. Г. Кригер, Указ. соч., стр. 7; Я. М. Яковлев, Половые преступления, Душанбе, Изд. «Ирфон», 1969, стр. 254; Б. С. Никифоров, Указ. статья, стр. 36 и др.

«...уничтожение или повреждение личного имущества граждан в результате неосторожного обращения с огнем, повлекшее несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия» (ст. 158 УК ГССР, ст. 150 УК РСФСР).

Этот состав нельзя считать деликтом, квалифицированным по тяжелому последствию. «Несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия» не квалифицируют какой-либо самостоятельный состав, а прямо обосновывают ответственность наряду с «уничтожением или повреждением имущества». Указанный состав не сконструирован по схеме идеальной совокупности преступлений и поэтому его нельзя разбить на два самостоятельных состава.

Вместе с тем нельзя отрицать, что он имеет сложную структуру. Сложность эта определяется наличием в нем двух последствий, причем каждое из них имеет вполне самостоятельную структуру; поэтому причинение одного возможно без причинения другого (можно повредить имущество без человеческих жертв или увечий и наоборот). Такое положение объясняется неоднородностью объектов, повреждение которых предполагает каждое из предусмотренных составом последствий. Но чем бы оно ни объяснялось, это обстоятельство делает возможным конструировать неосторожную вину раздельно по отношению к каждому из указанных последствий в рамках одного состава.

На практике довольно часто встречаются случаи, когда, сознательно нарушая противопожарные правила предосторожности, лицо уверено в том, что в силу определенных обстоятельств пожар не возникнет и имуществу не будет причинен никакой вред. Но вопреки его ожиданиям возникает пожар, который повреждает имущество и, сверх того, вызывает непредвиденные им, но могущие быть предвиденными человеческие жертвы. Эти случаи предполагают причинение двух совершенно различных последствий. Первое из них относится к содержанию самонадеянности, второе к небрежности. Поэтому при расследовании и рассмотрении подобных дел следует раздельно устанавливать виды неосторожности по отношению к каждому из них.

В пределах рассматриваемого состава комбинирование видов неосторожности в обратной последовательности (сперва небрежность, потом самонадеянность) логически исключается, ибо если субъект не предвидел (но мог предвидеть) последствия первого ряда, то значит он не предвидел и последствий второго ряда. Снимается вопрос и о легкомысленной уверенности субъекта предотвратить вред. Остается выяснить, мог ли он предвидеть последствия второго ряда. В случае необнаружения такой возможности вопрос ясен — в неосторожную вину будут

вменены лишь последствия первого ряда. Если же последствия второго ряда субъект мог предвидеть, то, разумеется, он будет отвечать также за их причинение. В результате получаем небрежность в отношении причинения двух различных последствий, т. е. две небрежности. Эти «две небрежности» тесно взаимосвязаны — небрежность в отношении причинения последствий второго ряда проистекала из небрежности в отношении причинения последствий первого ряда, и обе вместе охватывают всю объективную сторону состава. Вместе с тем в пределах одного общего состава они строго разграничены друг от друга тем, что каждая из них имеет свое собственное предметное содержание, соответственно — причинение последствий первого и второго ряда. По такой же схеме могут образоваться две самостоятельности, взаимосвязь между ними будет такая же.

Возможность существования двух видов неосторожности — самонадеянности и небрежности — некоторыми учеными признается и в простых материальных составах, предусматривающих причинение одного результата. Такое предположение вытекает из расширительной концепции смешанной вины и предполагает самонадеянность в отношении самого деяния и небрежность в отношении результата. Основываясь на этих предположениях, В. Ф. Кириченко пишет: «Преступная самонадеянность в отношении действия у водителя автомашины, совершающего преступление, предусмотренное ст. ст. 211 или 212 УК РСФСР, может быть связано с тем, что он легкомысленно рассчитывал закончить обгон идущей впереди автомашины до знака, запрещающего обгон. Эта самонадеянность может сочетаться с преступной небрежностью в отношении предусмотренных законом общественно опасных последствий: причинения потерпевшему менее тяжкого или лёгкого телесного повреждения, существенного материального ущерба и т. д.»¹⁹

Нам представляется неоправданным говорить о самонадеянности в аналогичных случаях. Закон определяет самонадеянность как легкомысленный расчет субъекта на то, что предвиденный им общественно опасный результат не наступит. То обстоятельство, что вопреки своему ожиданию шофер не смог обогнать другую машину до проезда запрещающего обгон знака, очевидно, нельзя считать общественно опасным последствием, предусмотренным законом. Поэтому психическое отношение шофера к этому обстоятельству можно считать просто неоправданным ожиданием, но не самонадеянностью, которая является юридической категорией и предполагает описанное в законе

¹⁹ В. Кириченко, Смешанные формы вины, «Советская юстиция», 1966, № 19, стр. 14.

строго определенное психическое отношение исключительно к причинению вредного результата.

Забвение этого обстоятельства привело В. Ф. Кириченко к логическому противоречию в выводах, на что обратил внимание П. С. Дагель. По его справедливому замечанию, у В. Ф. Кириченко получается, что «в одном деянии с одним последствием могут сосуществовать самонадеянность, при которой лицо предвидит последствие, и небрежность, при которой лицо его не предвидит»²⁰.

5. Особую разновидность материальных составов представляют деликты конкретной опасности, в качестве своеобразного последствия которых закон считает создание реальной возможности причинения вреда. Иными словами, запрещенное деяние или нарушение нормы предосторожности в этих составах только тогда обосновывает ответственность, если были созданы реальные условия для наступления вредного результата. Указанное обстоятельство обязывает органы юстиции в каждом отдельном случае специально устанавливать момент создания конкретной опасности и определять психическое отношение субъекта к ней.

Всякие ли комбинации неосторожного психического отношения к содеянному, предусмотренные законом, могут иметь место при деликтах конкретной опасности?

Поскольку реальное причинение последствия не является необходимым элементом составов конкретной опасности, напрашивается вывод, что в таких составах не остается места для самонадеянности, ибо для последней закон требует, чтобы субъект легкомысленно рассчитывал на предотвращение ожидаемого им результата. Этот вопрос можно сформулировать иначе, и это будет правильнее: нельзя ли законодательную схему самонадеянности приспособить к деликтам конкретной опасности, рассматривая самое опасное в качестве самостоятельного последствия (как это и предполагается законом)?

Как логически, так и фактически такой вывод вполне допустим. В частности, субъект может предвидеть возможность создания своими действиями реальной опасности, но легкомысленно рассчитывать, что в данной конкретной обстановке существуют противостоящие силы, которые помешают ее возникновению. Так, ч. I ст. 146 УК ГССР (ч. I ст. 140 УК РСФСР) предусматривает ответственность за «...нарушение должностными лицами правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда, если это нарушение создавало опасность для жизни или здоровья рабочих и служа-

щих». Такое нарушение будет иметь место, например, если инженер по технике безопасности не проинструктирует соответствующим образом нового работника, в легкомысленном расчете на то, что последний имеет многолетний стаж работы по той же специальности и достаточный опыт для того, чтобы избежать всякой опасности. Между тем если окажется, что новая работа обладает известной спецификой, незнакомой работнику, вследствие чего он окажется в непосредственной опасности для жизни или здоровья, и предотвращение такой опасности станет возможным лишь благодаря большим усилиям, то это будет доказательством самонадеянности со стороны должностного лица, за что он должен нести ответственность.

Предметное содержание такой самонадеянности будет составлять создание конкретной опасности, на предотвращение которой инженер легкомысленно рассчитывал и которая была необходимым объективным признаком предусмотренного ч. I ст. 146 состава.

Из приведенного примера видно, что самонадеянность в деликтах конкретной опасности не исключается. Тем более допустима в таких составах небрежность, при которой субъект не предвидит возможность создания своими действиями конкретной опасности, хотя по обстоятельствам дела и по своему психофизическому состоянию он мог и должен был ее предвидеть.

Примечательно, что возможность вменения конкретной опасности как при самонадеянности, так и при небрежности прямо предусмотрена Уголовным кодексом Чехословацкой Социалистической Республики, в котором говорится: «Преступное деяние совершено по неосторожности, если виновный: а) знал, что способом, предусмотренным в настоящем законе, может нарушить или поставить под угрозу интерес, охраняемый настоящим законом, но без соответствующих оснований надеялся, что такое не причинит нарушение или угрозу, или б) не знал, что своими действиями может причинить такое нарушение или угрозу, хотя по обстоятельствам дела и в силу личных качеств должен был и мог об этом знать» (§ 5).

§ 2. ПРЕДМЕТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ В ФОРМАЛЬНЫХ СОСТАВАХ

1. Если в материальных составах содержание неосторожной вины представлено наиболее полно, то при формальных составах (или как иногда они именуются — при «составах абстрактной опасности»), наоборот, — оно представлено весьма узко.

На первый взгляд, даже самая возможность конструирования неосторожности в формальных составах можно ставить под

²⁰ П. С. Дагель, Указ. соч, стр. 140.

сомнение. Это объясняется тем, что действующее законодательство раскрывает понятие неосторожности только в терминах отношения виновного к последствиям своих действий, в то время, как реальное причинение конкретного результата или создание конкретной опасности вообще не является необходимым признаком формальных составов²¹. Вместе с тем в советском уголовном законодательстве содержатся, хотя и в небольшом количестве, формальные составы, допускающие неосторожную вину. Они предусмотрены, например, ч. I ст. 246, ч. I ст. 247, ч. 4 ст. 252, п. а) ст. 257, п. а) ст. 273, п. а) ст. 274, п. а) ст. 275, п. а) ст. 276 и другими статьями УК ГССР (соответствующими статьями УК других союзных республик).

Описание неосторожной вины в терминах психического отношения субъекта к последствиям своего деяния, при существовании в уголовных кодексах формальных составов, предполагающих неосторожную вину, в юридической литературе последних лет рассматривается как пробел закона (И. Г. Филановский) или своего рода несоответствие между положениями Общей и Особенной частей Уголовного права (Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров). Исходя из этого, многие ученые решительно выступают за перестройку законодательного определения неосторожности с тем, чтобы его можно было применять как к материальным, так и к формальным составам. В частности предлагается, чтобы в определении неосторожности специально было указано на допустимость неосторожного психического отношения к самому общественно опасному деянию (или к общественной опасности деяния). Причем если одни авторы ограничиваются более или менее общими формулировками²², то другие предлагают даже соответствующую редакцию ст. 9 Основ²³.

Мы полагаем, что, когда формы вины закон раскрывает в

²¹ Из этого некоторые авторы делают категорический вывод, что ответственность за неосторожность возможна только при наступлении результата. См. В. А. Владимиров, В. Ф. Кириченко, Ю. И. Ляпунов, Советское уголовное право. Общая часть, М., 1968, стр. 54; Уголовное право. Часть Общая, М., 1966, стр. 187; Советское уголовное право. Часть Особенная, М., 1965, стр. 53—55; В. А. Серебрякова, К вопросу об ответственности за неосторожное лишение жизни по советскому уголовному праву, «Советское государство и право», 1961, № 3, стр. 118—119; Юридический справочник для населения, М., 1968, стр. 233, и др.

²² См. Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров, Умысел и его формы, М., 1972, стр. 189; И. Г. Филановский, Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, Л., 1970, стр. 150.

²³ См. П. С. Дагель, Указ. соч., стр. 101.

терминах психического отношения виновного исключительно к последствиям своих действий, в этом нельзя усматривать пробел закона и не следует делать вывода, что законодатель не урегулировал вопрос вины в отношении формальных составов.

В материальных составах фактические обстоятельства преступления представлены наиболее полно; последствие в таких составах является замыкающим звеном всей объективной стороны. Поэтому, связывая характеристику форм вины именно с последствием преступления, законодатель общим образом определил, что, во-первых, психическое отношение к любым дальнейшим событиям не может относиться к вине; во-вторых, психическое отношение к результату распространяется и проектируется на все предшествующие звенья развития причинности (в том числе на деяние). Этим на примере результативных деликтов, которые являются наиболее завершенной и типичной конструкцией состава, законодатель наметил контуры, в пределах которых следует вменить в вину различные объективные обстоятельства, и вместе с тем предложил наиболее наглядную схему, по которой конструируется всякая вина.

Однако представляется невозможным, и к тому же далеко не необходимым, чтобы закон указал на характер психического отношения применительно к преступлениям различных законодательных конструкций. В противном случае пришлось бы определение форм вины специально давать в законе не только для формальных составов, но и для деликтов совершенно разных конструкций. Почему бы не требовать, например, специального определения форм вины для деликтов конкретной опасности, предполагающих в качестве замыкающего звена объективной стороны создание реальной возможности наступления вреда и имеющих в этом отношении значительную специфику, или же для усеченных деликтов намерения²⁴ типа ст. 152 УК ГССР (ст. 146 УК РСФСР — разбой), в которых специфика субъективной стороны определяется требованием психического отношения к объективным обстоятельствам, находящимся за пределами состава? Однако никто даже из наиболее критически настроенных авторов к существующим законодательным опреде-

²⁴ Термин «усеченный состав» в литературе иногда употребляется для обозначения формальных составов (см. И. Г. Филановский, Указ. раб., стр. 148). Однако между ними существенная разница. В формальных составах между объемом объективной и субъективной сторон существует полная пропорция. Они представляют своего рода «половинку» материальных составов. В усеченных же составах, усечена лишь объективная сторона преступления, а вина распространяется и на последствия, находящиеся вне рамок состава.

лениям форм вины этого не требует. И это понятно, ибо тогда кодекс превратился бы в своего рода учебник уголовного права.

Поэтому нам кажется, что основная задача заключается в перестройке законодательного понятия форм вины, а прежде всего в рациональном истолковании уже существующих положений уголовного права. Как мы полагаем, эти положения дают достаточный материал для применения законодательных формул вины к формальным составам.

2. Основопологающим положением советского уголовного права признано то, что любое преступление, как бы оно ни было конструировано в законе, предполагает вину в форме умысла или неосторожности. Это положение в полной мере касается и формальных деликтов, которые составляют довольно высокий процент общего числа предусмотренных в кодексах составов. С другой стороны, в законодательных определениях умысла и неосторожности, как мы увидели, содержится общая характеристика соответствующих форм вины. Остается тщательно проверить, действительно ли формальные составы не укладываются в рамки этих определений?

Приступая к анализу этого вопроса с точки зрения вины неосторожной следует оговориться, что в дальнейшем речь будет идти исключительно о небрежности, ибо самонадеянность при формальных деликтах логически исключается. Если субъект совершает общественно опасное деяние и сознает это, он не может, хотя бы легкомысленно, рассчитывать, что предотвратит такое деяние, или рассчитывать, что его деяние перестанет быть опасным. При формальных составах опасность представляет наиболее общий, абстрактный признак деяния в различных его проявлениях. Она выступает как имманентное свойство деяния. Поэтому сознание ее не оставляет места для какого-либо предположения, что при наличии определенных обстоятельств (на которые можно было бы рассчитывать в результативных преступлениях) фактическая сторона деяния в какой-то момент лишится своего неотъемлемого социального свойства.

Иначе обстоит дело с небрежностью.

В законодательных терминах небрежность означает непредвидение последствий деяния при должностовании и возможности их предвидения. Но с психологической точки зрения непредвидение какого-либо ожидаемого изменения во внешнем мире — это то же самое, что предварительное неосознание фактов, относящихся к будущему. В этом смысле «непредвидение» и «неосознание» — суть термины однопорядковые, и разница между ними заключается разве в том, что первый из этих терминов употребляется применительно к будущему (жи-

даемому), а второй — применительно к настоящему (уже происходящему).

Следовательно, если вообще можно говорить о неосторожности в формальных составах, то придется оперировать понятием осознания. В частности, поскольку объективная сторона таких составов не предполагает ни последствий, ни причинной связи, то неосторожность, видимо, придется характеризовать как неосознание самого общественно опасного деяния при возможности и должностовании его осознания.

То, что человек может действовать без осознания того, что он совершает, давно известно. Об этом неоднократно приходилось говорить выше²⁵. Основываясь на данных современной психологии, мы попытались также показать, что при соответствующих объективных и субъективных условиях человек имеет реальную возможность действовать через осознание своего отношения к происходящему²⁶. Поэтому единственно, что нам остается сделать, это выяснить, может ли закон вообще обязывать граждан, чтобы они сознавали свои действия. Иначе неосторожность в отношении самого общественно опасного деяния невозможно будет обосновать, ибо она предполагает не всякое неосознание или непредвидение, а лишь такое, которое имело место при должностовании (и далее, возможности) этого.

Анализ материальных составов позволяет утвердительно ответить на поставленный вопрос. Правда, в таких составах обязанность предвидения по тексту ст. 9 Основ относится к последствиям, но, требуя предвидения последствий, закон, очевидно, требует проведения всех необходимых психических операций, которые обеспечили бы такое предвидение. Если предвидеть последствия нельзя было без осознания самого начального звена объективной стороны, т. е. деяния, то предполагается, что лицо обязано было действовать через осознание самого деяния.

К такому же выводу можно прийти применительно к формальным составам. Законодательным мотивом запрещения некоторых деяний, независимо от дальнейших их последствий, обычно бывает то, что эти деяния обладают свойством легко перерасти в конкретный вред. Но с точки зрения объективной общественной опасности безразлично — будет ли такое деяние совершено сознательно или неосознанно. Поэтому если онтологическая природа предусмотренного формальным составом деяния

²⁵ См. §1, гл. 2.

²⁶ См. §2, гл. 3.

позволяет совершить его неосознанно и закон не оговаривает, что запрет касается только сознательного совершения деяния, то сам факт его запрещения следует истолковать в том смысле, что преступлением является как сознательное, так и неосознанное его совершение. Из этого следует, что при соприкосновении с определенными сферами деятельности граждане обязаны осознанно направлять свои действия, дабы не оказаться в конфликте с требованиями правопорядка.

Как правило, такая обязанность возлагается на граждан социальными нормами неуголовно-правового характера и касается таких сфер деятельности, которые регулируются соответствующими нормами. В УК ГССР, например, все формальные деликты неосторожности предполагают неосознанное нарушение каких-либо специальных правил.

Если такое уяснение смысла закона признать удовлетворительным, тогда окажется, что к формальным составам, допускающим в принципе ответственность за неосторожность, приложимы все психологические и социально-нормативные элементы, из которых складывается законодательная формула неосторожной вины. Ими являются: неосознание (непредвидение), обязанность осознания (предвидения) и субъективная возможность осознания (предвидения). Специфика заключается разве в том, что в своей совокупности все эти элементы относятся исключительно к общественно опасному деянию. Для того, чтобы смело сделать такой вывод, следует исходить из диалектического понимания преступления, как такого единства объективных и субъективных признаков, при котором субъективная сторона преступления охватывает совокупность необходимых объективных признаков состава. В формальных составах объективная сторона преступления представлена в виде одного единственного необходимого признака — общественно опасного деяния. Поэтому в них содержание неосторожной вины могут составить фактические и социальные элементы только этого деяния. В этом смысле как с объективной, так и с субъективной стороны формальные составы представляют своего рода «половинку» материального состава.

§ 3. НЕОСТОРОЖНАЯ ВИНА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ

1. Если раньше, долгое время, в литературе вина понималась как комплекс чисто психологических фактов в форме умысла или неосторожности, то в настоящее время почти единодушно признается, что вина не просто психологическое понятие, но и категория социально-этическая, которая в качестве неотъемлемого признака предполагает порицаемость с точки зрения соци-

алистического государства и коммунистической нравственности психического отношения субъекта к содеянному²⁷. Однако такую порицаемость можно обосновать лишь в том случае, если в психическом отношении субъекта к содеянному отражена не только фактическая сторона, но и социальная значимость поступка, т. е. его общественная опасность. Поэтому логически необходимо, чтобы общественная опасность получила отражение в содержании любой вины, в том числе неосторожной. Это обстоятельство обязывает нас попытаться выяснить, в чем выражается психическое отношение к общественной опасности преступления при неосторожной вине. Иными словами, если ранее мы рассматривали вопрос, выражаясь условно, о «фактическом» содержании неосторожности, то сейчас предстоит выяснить ее «социальное» содержание.

2. Общественная опасность характеризует весь комплекс обстоятельств, образующих состав преступления в целом. Иначе говоря, общественная опасность является социально-политической характеристикой преступления в его общем родовом проявлении²⁸.

Из сказанного следует, что если существует определенная совокупность обстоятельств, соответствующая предусмотренному в законе составу преступления, то они неизбежно сообщают деянию общественно опасный характер. Это в значительной мере способствует тому, чтобы человек, сознающий наличие определенной совокупности отдельных обстоятельств преступления, в то же время сознавал и общую социальную их значимость, т. е. общественную опасность. Однако можно представить случай, когда, правильно представляя все обстоятельства своего деяния, субъект под влиянием особо сложившихся обстоятельств не сознает общественной значимости своих поступков. Проблема заключается именно в том, чтобы выяснить, как квалифицировать такие случаи.

Поскольку отношение к общественной опасности является необходимым признаком всякой вины, то неосознание общественной опасности, при невозможности ее осознания, вовсе исключает вину. Как указывает Т. В. Церетели, «возможность осознания общественной опасности является тем минимальным требованием, без которого поступок не может быть вменен ли-

²⁷ См. гл. I, § 2, стр. 25.

²⁸ См. А. А. Пионтковский, Преступление, — В кн. Курс советского уголовного права, т. II, М., 1970, стр. 131; В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., 1960, стр. 98; Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, М., 1963, стр. 194; П. С. Дагель, Указ. соч., стр. 78.

ду в вину»²⁹. Поэтому следует выяснить юридическую природу таких случаев, когда, не сознавая общественной опасности своего поступка, лицо имело реальную возможность сознавать ее.

Большинство ученых в таких случаях признает неосторожную вину³⁰. Они, как правило, исходят из того, что если наличие определенного психического отношения к общественной опасности содеянного является решающим моментом для обоснования вины, то в пределах виновного поведения для отграничения умысла от неосторожности логически должно иметь значение и то, имело ли место сознание этой опасности, или лишь возможность такого сознания. Соответственно, наличие сознания общественной опасности относится к сфере умысла, а возможность такого сознания — к сфере неосторожности.

Вместе с тем при обосновании этого правильного положения некоторые авторы, на наш взгляд, не до конца раскрывают смысл законодательных постановлений о неосторожной вине. Так, П. С. Дагель полагает, что «отношение к общественной опасности при неосторожности в законе прямо не определено, что... является пробелом закона»³¹. Это дает автору основание относить случаи так называемой правовой неосторожности к особой группе «иных видов неосторожности», которые точно не соответствуют законодательным определениям самонадеянности и небрежности, хотя и обладают общими признаками неосторожной вины³². Тем не менее, полагает П. С. Дагель, «с изданием Основ, четко указавших, что сознание общественной опасности является признаком умысла, существование правовой неосторожности следует считать бесспорным»³³.

Как нам представляется, П. С. Дагель при этом не учитывает двух обстоятельств. Во-первых, сознание общественной опасности признавалось конструктивным признаком умысла и

²⁹ Т. В. Церетели, К вопросу о понятии вины. «Вестник отделения общественных наук АН ГССР», 1960, № 1, стр. 131.

³⁰ См. В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 27—31; В. И. Санталов, Рецензия на книгу В. Г. Макашвили, «Уголовная ответственность за неосторожность», М., 1957, — Правоведение, 1958, № 3, стр. 144; Т. В. Церетели, К вопросу о понятии вины, «Вестник Отделения общественных наук АН ГССР», 1960, № 1, стр. 143; М. Кадар, Неосторожная вина и ответственность за преступления, совершенные по неосторожности, Вопросы уголовного права стран народной демократии, М., 1963, стр. 256; П. С. Дагель, Указ. соч., стр. 52, 66, 125.

³¹ П. С. Дагель, Указ. соч., стр. 52.

³² Там же, стр. 125, 151.

³³ Там же, стр. 125.

до издания Основ 1958 г. (см. ст. 6 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик); во-вторых, в отличие от ранее действующего законодательства, которое определяло неосторожную вину как психическое отношение к «последствиям своих поступков», Основы 1958 г. в качестве необходимого признака неосторожности предусмотрели отношение виновного «к общественно опасным последствиям (разрядка наша. — М. У.)» (ст. 9). Именно последнее обстоятельство с нашей точки зрения позволяет решить вопрос о так называемой правовой неосторожности, а не то, что умысел требует актуального сознания общественной опасности. Иначе получилось бы, что неосторожностью может быть признано все, что не относится к умыслу. Однако у того или иного психического отношения может не достать какого-либо признака умысла, и тем не менее, такое отношение все же может не быть неосторожностью. Поэтому задача заключается в том, чтобы выяснить, укладываются ли интересующие нас случаи в законодательную формулу неосторожности. При утвердительном ответе в указанных случаях следовало бы признать неосторожную вину и не надо было бы выделять специальную разновидность неосторожности; при отрицательном ответе подобные случаи следовало бы решительно изгнать из сферы уголовно-наказуемой неосторожности.

Социальная значимость всякого поступка определяется тем, какую пользу или вред данный поступок приносит обществу. Это значит, что основным критерием для определения социальной ценности поступка являются те последствия, которые были вызваны или могли быть вызваны поведением субъекта. Это положение касается и преступного поведения независимо от того, действует ли лицо умышленно или неосторожно. Между тем если при умышленных деликтах социальной значимость поступка, наряду с последствиями, может определить цель действия³⁴, то при неосторожных деликтах такого признака как цель нет. При неосторожном поведении, если взять его изолированно, субъект, как правило, никакой дурной цели не преследует. Поэтому до реализации последствий (или опасности), вызванных неосторожным поведением, весьма затруднительно судить о социальной значимости поведения. Этим определяется, на наш взгляд, особое значение последствий для социальной оценки неосторожного поведения.

Как нам представляется, именно этим объясняется то об-

³⁴ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, М., 1963, стр. 196—199.

стоятельство, что основной фактический элемент неосторожного деликта (результат) и социальная его значимость (общественная опасность) в законодательном определении неосторожности тесно переплетаются. Законодатель не выделяет «возможности сознания общественной опасности деяния» как самостоятельного признака неосторожности; он требует для неосторожной вины «возможности предвидения общественно опасных последствий действия или бездействия». Хотя этим весь акцент переносится с деяния на последствие, вместе с тем довольно ясно выражается мысль, что возможность предвидения последствий, если субъект одновременно не мог осознать их социальную значимость (общественную опасность), недостаточна для обоснования неосторожности.

Таким образом, использованное в ст. 9 Основ выражение — «возможность предвидения общественно опасных последствий своего действия или бездействия» — включает в себя одновременно как «возможность предвидения последствий», так и «возможность предвидения общественной опасности» этих последствий. Следовательно, возможность осознания общественной опасности при отсутствии такого осознания является необходимым признаком неосторожности, который прямо предусмотрен в законе. Поэтому можно считать, что так называемая правовая неосторожность закреплена в законодательном порядке.

Изменения, внесенные Основами в законодательное определение неосторожности, поколебали почву для существующего в советской юридической литературе взгляда, согласно которому правильное представление о фактической стороне деяния при отсутствии (но возможности) сознания общественной опасности (противоправности) следует относить к содержанию умысла, а не неосторожности³⁵. Эти изменения вносят ясность и в решение многих других вопросов. Вместе с тем следует отметить, что хотя закон должен учитывать по крайней мере все типичные варианты случаев, возникающих в практической жизни, он не может с исчерпывающей полнотой предусмотреть все разнообразие постоянно изменяющейся действительности. Такую функцию берет на себя наука уголовного права, которая призвана выявить и соответствующим образом осветить наиболее спорные вопросы.

С нашей точки зрения можно выделить несколько вопро-

³⁵ См. В. Г. Макашвили, Вина и сознание противоправности, «Методические материалы ВЮЗИ», Сб. 2, М., 1948, стр. 97; Его же, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 182; Советское уголовное право. Часть Общая, М., 1952, стр. 230.

сов, непосредственно относящихся к проблеме психического отношения к общественной опасности содеянного при неосторожности.

3. Выше мы отмечали, что общественная опасность — общее социальное свойство преступления в целом, которое характеризуется совокупность всех объективных обстоятельств, относящихся к данному составу. Однако, как правильно указывает В. Н. Кудрявцев, «в рамках этой общей характеристики вполне правомерно рассматривать и объективную опасность самого способа действия, которым причиняется вредный результат»³⁶. Поскольку эти две опасности однородны, но не тождественны, необходимо выяснить, во-первых, в чем выражается при неосторожности психическое отношение к каждой из этих опасностей, и, во-вторых, каково соотношение между психическим отношением к общественной опасности всего преступления и психическим отношением к опасности «способа действия».

Как видно из самого термина «опасность способа действия», социальная характеристика в нем относится только к одному из объективных (фактических) элементов преступления — деянию. Сообразно с этим, опасность «способа действия» выступает как одна из величин, образующих в совокупности общественную опасность преступления в целом. Поэтому она может предполагать лишь такое психическое отношение к способу совершения действия, которое позволит в конечном счете обосновать возможность сознания общественной опасности всего преступления в целом. Исходя из этого, если субъект не может по различным причинам осознать «опасность способа действия», то он тем более не сможет осознать общественную опасность содеянного в целом. Поэтому в таких случаях вопрос о психическом отношении к общественной опасности преступления вообще исключается.

Если деятель не сознавал, но мог сознавать опасность принятого им способа действия, то вопрос решается дифференцированно: а) если при этом он не мог осознать общественную опасность причиняемых им последствий, объективный состав в целом остается осужденным невиновно; б) если же он имел реальную возможность вместе с опасностью способа действия осознать и опасность конкретного развития причинности в сторону вредных последствий, то налицо «правовая неосторожность», ибо тогда «возможность сознания» как признак неосторожности охватывает общественную опасность всего преступления.

³⁶ В. Н. Кудрявцев, Объективная сторона преступления, М., 1960, стр. 98.

Несколько сложнее обстоит дело с такими случаями, когда субъект сознает опасность своего действия, но неизвинительно заблуждается в общественно опасном характере причинения конкретного результата. По мнению Г. И. Филановского, такие случаи вообще не укладываются в рамки законодательных формул самонадеянности и небрежности³⁷. Тот факт, что субъект сознавал общественно опасный характер своего поведения, указывает на невозможность конструирования небрежности. В то же время непредвидение общественно опасных последствий действия исключает и самонадеянность³⁸. В таких случаях И. Г. Филановский усматривает «особую разновидность неосторожности», — «беспечность» и, исходя из потребностей практики, предлагает специально предусмотреть ее в законе в следующей примерно редакции: «Беспечность, — это сознание общественной опасности своих деяний при непредвидении, но наличии возможности предвидения общественно опасных последствий этих деяний»³⁹.

Такое решение вопроса нам представляется спорным. Сознание «общественно опасного характера поведения» лишь в том случае могло бы обосновать невозможность неосторожной вины, если бы таким сознанием, кроме опасности самого деяния, охватывалась бы и опасность последствий, т. е. опасность всего процесса причинения. Между тем в рассматриваемом случае даже чисто фактическая сторона причинения не нашла отражения в сознании. Тем более не могли быть осознаны социальные свойства развития причинной связи. При таком положении небрежность вполне допустима, так как, хотя опасность способа действия была осознана, общественная опасность как социальное свойство, характеризующее совокупность всех объективных обстоятельств в целом (деяние, последствие, причинная связь), осталась неосознанной. Возможность конструирования небрежности, несмотря на сознание опасности «способа действия», с нашей точки зрения не должно вызывать сомнений. Значительное количество случаев небрежности предполагает непредвидение общественно опасных последствий деяния при сознательном нарушении норм предосторожности⁴⁰. Но если субъект со-

³⁷ См. И. Г. Филановский, Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, Л., 1970, стр. 143.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 144.

⁴⁰ Более того, некоторые авторы идут еще дальше, усматривая сущность всякой неосторожности (в том числе небрежности) в сознательном пренебрежении нормами предосторожности (см. Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., 1950, стр. 280—281; А. С. Никифо-

знательно нарушает норму предосторожности (сознание противоправности «способа действия»), то тем самым он неизбежно сознает материальное содержание этого нарушения — его социальную опасность⁴¹. Поэтому обсуждаемый И. Г. Филановским случай представляет, на наш взгляд, обычную разновидность небрежности, и решать его следовало бы по традиционным масштабам. Если, тем не менее, в подобных случаях И. Г. Филановский усматривает какую-то особую, законом непредусмотренную (!) разновидность неосторожности, это, видимо, объясняется смешением понятий опасности способа действия и общественной опасности преступления в целом. Однако даже при таком предположении позиция И. Г. Филановского остается логически непоследовательной, ибо в обсуждаемых случаях субъект не предвидит фактического развития причинной связи, а без этого говорить о сознании общественной опасности преступления невозможно.

4. Наиболее спорным является вопрос о психическом отношении к общественной опасности при самонадеянности. По этому вопросу в литературе высказаны столь разноречивые мнения, что затруднительно определить общее состояние вопроса. Впрочем, это, видимо, и невозможно, так как, судя по всему, еще не определена господствующая точка зрения.

Мы попытаемся выделить основные направления решения этой проблемы. При этом мы по-прежнему будем исходить из положения, что в процессе исследования социального содержания всякой неосторожности методически целесообразно строго различать опасность «способа поведения» и общественную опасность как общую социальную характеристику содеянного в целом. Следует также отметить, что отсутствие такого дифференцированного подхода у некоторых авторов не позволяет четко определить их позицию. Так, А. А. Пионтковский и Т. В. Церетели к содержанию психического отношения деятеля к социальной значимости при самонадеянности относят общественную опасность действия (поведения)⁴². Если при этом они имеют в

р о в, Преступная небрежность по советскому социалистическому уголовному праву. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1953, стр. 15—16; Е го же, Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности. Ученые записки ВЮЮН, вып. I, Госюриздат, 1955, стр. 150).

⁴¹ См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М, 1957, стр. 177; Т. В. Церетели, К вопросу о понятии вины, «Вестник Отделения общественных наук АН ГССР», 1960, № 1, стр. 139.

⁴² См. А. А. Пионтковский, Преступление, — В кн. Курс советского уголовного права, т. II, М., 1970, стр. 313; Т. В. Церетели, К во-

виду действие в собственном смысле этого слова, то их позиция понятна и приемлема. Однако если под действием или поведением подразумевается вся совокупность обстоятельств, придающих этому деянию преступный характер (состав преступления), то тогда мы не можем с ними согласиться по соображениям, о которых будет сказано ниже.

Недостаточно ясно выражает свою позицию по интересующему нас вопросу и В. Г. Макашвили. В начале своей монографии он пишет: «Лицо при преступной самонадеянности предвидит общественно опасный характер тех последствий, которые рассчитывает избежать... Более того, при преступной самонадеянности лицо сознает и то, что само поведение, причинившее вред, противоречит требованиям норм предосторожности»⁴³. Согласно сказанному, самонадеянность предполагает сознание опасности как «способа действия», так и наступивших последствий, т. е. она предполагает сознание общественной опасности как характеристику содеянного в целом. Однако далее автор утверждает: «При преступной самонадеянности лицо сознает, что действует вопреки требованиям правил предосторожности, но в то же время оно уверено, что в данном случае это нарушение не создает конкретной опасности для правоохраненного интереса. Лицо определенно рассчитывает избежать нарушения норм уголовного права»⁴⁴.

Нам представляется, что приведенные два утверждения не согласуются друг с другом. Однако, поскольку последнее из них высказано непосредственно в связи с рассмотрением вопроса о психическом отношении к общественной опасности при неосторожности, следует признать, что именно оно выражает действительную позицию автора. Впрочем, это логически вытекает из всего учения В. Г. Макашвили о неосторожности. Напомним, что актуального сознания общественной опасности он не требует даже для умысла. Очевидно, логически исключается, чтобы он признавал необходимым признаком самонадеянности сознание общественной опасности.

К. Ф. Тихонов считает, что «при самонадеянности человек предвидит возможность общественно опасных последствий, не сознает, а лишь имеет возможность сознавать опасность самого

просу о понятии вины, «Вестник Отделения общественных наук АН ГССР», 1960, № 1, стр. 141.

⁴³ В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 25.

⁴⁴ Там же, стр. 179.

деяния, им совершаемого»⁴⁵. Такая характеристика самонадеянности нам представляется неправильной. Во-первых, при самонадеянности всегда имеется сознание противоправности «способа действия», которое немисливо без сознания материального содержания этой противоправности — опасности самого действия. Во-вторых совершенно исключается, чтобы человек, предвидевший общественно опасное развитие причинности, не создавал в то же время опасности своего действия.

Мнение К. Ф. Тихонова частично разделяет П. С. Дагель, который пишет: «Самонадеянность имеет место тогда, когда лицо, совершившее общественно опасное деяние... сознавало фактические признаки совершаемого им действия или бездействия и имело возможность и обязанность сознавать его общественно опасный характер»⁴⁶. Правда, П. С. Дагель нигде специально не обсуждает вопроса о психическом отношении к социальным свойствам последствий, но, насколько об этом можно судить из других предшествующих высказываний⁴⁷, сознание общественной опасности последствий он также не относит к признакам самонадеянности. Такой подход представляется более последовательным. Тем не менее, с нашей точки зрения логически он не безупречен.

Примечательно, что П. С. Дагель, как и другие теоретики, признает возможным, чтобы при небрежности субъект сознавал нарушение правил предосторожности⁴⁸. Однако такое сознание, как указывалось выше, равносильно тому, что субъект сознает опасность «способа действия». При самонадеянности признак сознания опасности самого деяния выступает еще более отчетливо. Правда, сознание того, что причинная связь будет развиваться в сторону общественно опасных последствий отсутствует и здесь, но можно ли утверждать, что лицо вообще не представляет опасности способа действия? Думается, что нет. Субъект в таких случаях просто уверен, что в силу наличия известных обстоятельств, осознанная им опасность предпринятого действия не реализуется в конкретных общественно опасных последствиях.

Однако неосознание возможности реализации опасного действия в последствии нельзя смешивать или отождествлять с

⁴⁵ К. Ф. Тихонов, Принцип ответственности за вину в советском уголовном праве. Автореферат кандидатской диссертации, Саратов, 1963, стр. 214; Его же, К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве, «Правоведение», 1963, № 3, стр. 87.

⁴⁶ П. С. Дагель, Указ. соч., стр. 107.

⁴⁷ Там же, стр. 66.

⁴⁸ См. там же, стр. 106, 116.

неосознанием самой опасности. Поэтому нет оснований, чтобы этот очевидный, казалось бы, факт подвергать сомнениям. К тому же представляется непоследовательным не признавать сознание опасности деяния признаком самонадеянности, допуская в то же время сознание противозаконоугодности деяния при небрежности.

Существует и противоположный взгляд, который не только не отрицает сознание всякой общественной опасности (как в узком, так и широком смысле) при самонадеянности, но, наоборот, считает необходимым признаком самонадеянности сознание общественной опасности содеянного, включая общественную опасность последствий. Такая точка зрения, хотя и имеет много сторонников⁴⁹, едва ли имеет право на существование.

При таком решении вопроса прежде всего бросается в глаза чрезмерное сближение, а порой даже смешение понятий умысла и самонадеянности. Так, А. А. Герцензон признавал, что «основным элементом преступной самонадеянности как вида неосторожности являются все те элементы умысла, которые относятся к предвидению; иначе говоря, при преступной самонадеянности имеется сознание общественной опасности деяния и его последствий, сознание основных свойств деяния, сознание причинной связи между деянием и могущим произойти результатом»⁵⁰. Из этого можно сделать вывод, что разницу между умыслом и самонадеянностью следует искать в волевой сфере: при умысле субъект желает (или допускает) общественно опасного причинения результата, при самонадеянности — нет. Но можно ли в принципе обосновать отсутствие волевого момента у действующего субъекта, если он предвидел все фактические обстоятельства совершаемого им преступления и к тому же сознавал их совокупную общественную опасность? Не следует ли признать, что если, несмотря на все это, субъект не отказался от предпринятого им действия, то он желал или по крайней мере допускал общественно опасное причинение? Нам представляется, что такой вывод неминуем и тогда, по конструкции А. А. Герцензона, стираются всякие грани между умыслом и неосторожностью.

Сторонники рассматриваемой точки зрения не учитывают, что необходимым признаком самонадеянности, кроме всего про-

⁴⁹ См. А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, М., 1948, стр. 339; В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952; Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., 1950, стр. 272; И. Г. Филановский, Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению, Л., 1970, стр. 134 и т. д.

⁵⁰ А. А. Герцензон, Указ. работа, стр. 339.

чего, является легкомысленная уверенность в предотвращении общественно опасного развития причинной связи. Правда, такая уверенность не упраздняет того неопровержимого факта, что в какой-то начальный момент своей деятельности субъект признавал возможность общественно опасного развития явлений. Но ведь на этом психическая активность субъекта при самонадеянности не исчерпывается. В расчете на определенные обстоятельства он приходит к убеждению, что в конечном счете все же сумеет избежать нежелательного развития явлений. С этого момента представление об опасности отступает на задний план, уступая место противоположному представлению о благоприятном исходе. Представление об опасности сохраняется в психике лишь в снятом виде и утрачивает всякую актуальность. Оно перестает быть психологическим материалом, которым оперирует и руководствуется субъект. Именно это обстоятельство позволяет ему прийти к решимости действовать недозволенным образом. При таком понимании самонадеянности становится понятным и то, почему с моральной и правовой точек зрения самонадеянность порицается меньше, чем умысел, при котором субъект не отказывается от недозволенного действия, несмотря на сознание социальной вредности своего поступка. На этом основывается и законодатель, устанавливая за деяние, совершенное по неосторожности, принципиально более мягкое наказание, чем за умышленное совершение того же преступления.

Рассмотренную точку зрения полностью разделяет В. Ф. Кириченко⁵¹, причем он допускает такую непоследовательность, которую следует отметить особо.

Необходимой предпосылкой для сознания общественной опасности всего содеянного является сознание каждого из фактических обстоятельств, которые в совокупности обосновывают эту опасность. Однако при самонадеянности В. Ф. Кириченко не усматривает сознания всех фактических обстоятельств. Специально исследуя вопрос об ошибке, он приходит к выводу, что самонадеянность представляет один из частных случаев ошибки в развитии причинности⁵². Казалось бы, вполне логично при этом отрицать сознание общественной опасности как необходимый признак самонадеянности. Поскольку автор этого не делает, получается, что человек правильно представляет социальные свойства таких фактических обстоятельств преступления, которые в его психике либо вовсе не отражались, либо отражались искаженным образом.

⁵¹ См. В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 28.

⁵² См. там же, стр. 69.

Мы считаем неправильным введение в понятие самонадеянности признака сознания общественной опасности преступления. Вкрапливание элементов умысла в понятие неосторожности противоречит природе неосторожной вины. Общественная опасность является наиболее существенным свойством преступления. Поэтому психическое отношение к этому свойству должно быть определяющим как для обоснования вины, так и для разграничения форм виновности⁵³. Но формы вины отличаются друг от друга различной психологической структурой. Если для умысла характерно активное сознательное направление воли на осуществление общественно опасного результата, то при любом виде неосторожности, наоборот, момент общественно опасного причинения данного конкретного последствия в конечном счете всегда остается за порогом сознания и воли⁵⁴. На этом и основывается различная социально-этическая оценка законодателем преступлений умышленных и неосторожных.

Таким образом, либо следует признать, что форма психического отношения к социальной значимости содеянного (сознание или возможность сознания общественной опасности) имеет принципиальное значение для разграничения обоих видов неосторожности от умысла, либо же надо вовсе отказаться от нее как признака, обосновывающего вину. Но из отрицания сознания общественной опасности при самонадеянности еще не следует с логической необходимостью, что возможность такого сознания должна быть обязательным признаком самонадеянности. Поэтому необходимо, далее, проверить, можно ли в принципе конструировать самонадеянность только по психическому отношению к общественной опасности? Иначе говоря, допустима ли так называемая правовая неосторожность при самонадеянности, или же она предполагает только небрежность?

Как указывалось выше, правовая неосторожность характеризуется правильным представлением о фактической стороне преступления при отсутствии сознания общественной опасности содеянного, но при возможности такого сознания. Подобное положение едва ли возможно при самонадеянности. Последняя представляет сложный двухступенчатый психический процесс, при котором в начале субъект правильно представляет как фактические моменты осуществляющегося процесса во внеш-

нем мире, так и социальную их значимость, но затем, в расчете на определенные обстоятельства, приходит к легкомысленной уверенности, что общественно опасное развитие явлений в конечном счете он отклонит. Такая уверенность распространяется на весь процесс общественно опасного причинения; нельзя считать, что она касается только общественно опасных свойств события (невозможно быть уверенным, что предпринятое действие причинит запрещенный законом результат, но содеянное останется общественно неопасным). Это было бы возможно, если бы в сознании деятеля с самого начала не было мысли об общественной опасности процесса фактического причинения, и тогда его поведение квалифицировалось бы как небрежность (например, мнимая необходимая оборона). Но коль скоро, в какой-то предшествующий момент выработки решимости, субъект успел осознать общественную опасность определенного фактического хода событий, откуда такой ход событий в его сознании не изменил свою направленность, он не может быть уверен, что общественная опасность каким-то образом вдруг отпадет. Всякая уверенность или убежденность требует достаточного логического основания. Но так как никакого основания для такой уверенности не может быть, то она логически исключается. Если субъект тем не менее не отказывается от предпринятого деяния, это уже доказательство того, что он действует «на счастье» или на «авось» и, следовательно, его действия надо квалифицировать как эвентуальный умысел.

Итак, вслед за А. А. Герцензоном и В. Ф. Кириченко мы признаем, что при самонадеянности правовая неосторожность немыслима. Однако к этому выводу мы приходим различными путями. В рассмотренных случаях указанные авторы вынуждены отрицать правовую неосторожность, так как по их конструкции признак сознания общественной опасности относится к понятию самонадеянности. Мы, напротив, полагаем, что хотя актуальное сознание общественной опасности не является признаком самонадеянности, но по своей психологической структуре последняя все же не может предполагать правовую неосторожность.

§ 4. НЕОСТОРОЖНАЯ ВИНА И ПРОТИВОПРАВНОСТЬ

1. Социально-нормативная характеристика преступления не исчерпывается признаком общественной опасности. Другим важным нормативным свойством преступления по советскому уголовному праву единодушно принято считать его противо-

⁵³ См. А. И. Санталов, Указ. рецензия, стр. 144; Его же, О единстве психологического и социально-правового аспектов вины, Тезисы докладов и научных сообщений на межвузовской конференции по теоретическим и методологическим проблемам правовой науки, Кишинев, 1965, стр. 217; П. С. Дагель, Указ. работа, стр. 66—67.

⁵⁴ Подробнее об этом см. выше гл. 2.

правность⁵⁵. При этом противоправность рассматривается как юридическая форма или сторона выражения материального свойства преступления — его общественной опасности⁵⁶.

Признание противоправности необходимым нормативным элементом преступления ставит вопрос: какое отражение находит этот элемент в понятии вины, в частности — неосторожной вины.

В социалистической науке уголовного права высказаны различные взгляды по этому вопросу. Сторонники одного из них принципиально отрицают необходимость внесения сознания или возможности сознания противоправности в понятие вины⁵⁷. Такая точка зрения детально обоснована Т. В. Церетели. Внесение в понятие вины психического отношения к нормативным свойствам совершенного деяния, по мнению Т. В. Церетели, требуется для того, чтобы обосновать нравственное осуждение действующего лица. Но для такого осуждения вполне достаточно, если субъект сознавал или имел возможность сознавать общественную опасность содеянного. При таком положении требование дополнительно психического отношения к противоправности, по мнению Т. В. Церетели, ничем не оправдано; оно создало бы лазейку для особо опасных преступников, равнодушно пренебрегающих знанием законов. Приведя высказывание И. Лекшаса⁵⁸, что нельзя ожидать от граждан, чтобы они знали все законы, охватывающие самые различные стороны современной развитой общественной жизни, и тем более, чтобы они правильно подводили свои действия под эти законы, Т. В. Церетели ссылается на нормы действующего законодательства, которые исчерпывают характеристику форм вины указанием на психическое отношение к общественной опасности, не указывая на сознание или на возможность сознания противоправности как элемент вины. Из сказанного можно сделать вывод, что наличие или отсутствие возможности сознания противоправности не имеет значения для обоснования неосторожной вины, хотя и может повлиять на определение степени вины.

⁵⁵ См. А. А. Пионтковский, Указ. соч., стр. 25, 135; Т. В. Церетели, Г. Т. Ткешелиадзе, Учение о преступлении, Тбилиси, 1969, стр. 47, 62 (на груз. яз.).

⁵⁶ См. А. А. Пионтковский, Указ. соч., стр. 135.

⁵⁷ См. Т. В. Церетели, К вопросу о понятии вины, «Вестник Отделения общественных наук АН ГССР», 1960, № 1, стр. 131; П. С. Дагель, Указ. соч., стр. 65; В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 177—178.

⁵⁸ См. I. Lekschas, Über das Bewusstsein der Gefährlichkeit, Verwerflichkeit, Rechtswidrigkeit oder Strafbarkeit der Handlung, „Beiträge zu Problemen des Strafrechts“, H. 7, Berlin, 1956, S. 22.

Не соглашаясь с таким решением вопроса, другая группа криминалистов⁵⁹ требует для вины сознания или, по крайней мере, возможности сознания противоправности. Причем сторонники этого взгляда не всегда проводят четкую грань между психическим отношением к таким различным свойствам преступления, как общественная опасность и противоправность⁶⁰. Так, А. А. Пионтковский, говоря о психическом отношении к общественной опасности, нередко в скобках упоминал и противоправность (или наоборот). Это, конечно, не значит, что А. А. Пионтковский не усматривал разницы между такими понятиями, как общественная опасность и противоправность. Объясняется это другим: он исходил из предположения, что сознание общественной опасности как существенного материального элемента преступления немислимо без сознания правового выражения этого признака — противоправности деяния в смысле уголовного права⁶¹. В результате такого подхода возможность сознания противоправности делается таким же признаком неосторожной вины, как и возможность сознания общественной опасности. Вместе с тем для точности изложения следует напомнить, что, говоря о самонадеянности, А. А. Пионтковский считал необходимым актуальное сознание этих нормативных элементов преступления.

2. Деликты неосторожности предполагают сложную или двойную противоправность — прежде всего противоречие нормам предосторожности (противоправность «способа действия»), а затем — противоречие нормам уголовного права (уголовная противоправность); последняя, включая противоправность «способа действия», требует дополнительных объ-

⁵⁹ А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, М., 1948, стр. 332; М. М. Исаяев, Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, М., 1927, стр. 40—46; А. А. Пионтковский, Указ. соч., стр. 300.

⁶⁰ Сближение этих понятий раньше допускал и В. Г. Макашвили, который противоправность трактовал как всякое нарушение правил социалистического общежития (см. его «Вина и сознание противоправности», Методические материалы ВЮЗИ, Сб. 2, М., 1948, стр. 98). Однако позднее он изменил свою позицию и в изданной в 1957 году монографии вопрос о психическом отношении к противоправности он рассматривает раздельно от вопроса о психическом отношении к общественной опасности (см. его «Уголовная ответственность за неосторожность», М., 1957, стр. 177—178).

⁶¹ См. А. А. Пионтковский, Указ. соч., стр. 300—301. Такого же мнение И. Самощенко (см. его «Социальная сущность вины», «Советская юстиция», 1967, № 5, стр. 10).

активных условий, без которых содеянное не может быть признано наказуемым. Для примера можно привести ст. 245 УК ГССР (ст. 214 УК РСФСР), согласно которой «нарушение установленных правил горных работ» (противоправность «способа действия») лишь в том случае обособывает уголовную противоправность (и далее наказуемость), если оно «повлекло за собой тяжкие последствия». В большинстве случаев противоправность «способа действия» прямо указана в законе, но даже если она не нашла текстуального выражения (например, ст. 108 УК ГССР, ст. 106 УК РСФСР), то все равно предполагается. Поэтому необходимо выяснить, каково при неосторожности психическое отношение субъекта, с одной стороны, к уголовной противоправности, а с другой — к противоправности «способа действия»⁶².

При решении этих вопросов следует должным образом учитывать ту специфику, которой характеризуются психические переживания деятеля при неосторожности. Даже тогда, когда неосторожно действующий субъект сознает противоправность способа действия, в его сознании отсутствует представление об общественной опасности развития причинности в сторону вредных последствий. Поэтому в интеллектуальном плане наступивший результат всегда является для деятеля более или менее неожиданным. Кроме того, субъект, допустивший неосторожность, как правило, сам себя порицает за то, что недостаточным образом объективировал свой поступок и не предугадал общественно опасный характер развития явлений. Это уже говорит о том, что в эмоциональном отношении неожиданно наступившие последствия являются активно нежелательными для причинителя, а не только для общества в целом. Все эти психические переживания доказывают, что если бы деятель правильно сознавал социальные свойства своего поведения и сопутствующие этому поведению обстоятельства, то он, безусловно, отказался бы от дальнейшей активности, приостановив ее на безопасной стадии. Иными словами, сознание субъектом общественной опасности тех изменений во внешнем мире, которым он положил начало, уже вполне достаточно для предотвращения вреда. Такое сознание обладает достаточной силой сдер-

⁶² В формальных деликтах неосторожности уголовная противоправность и противоправность «способа действия» иногда полностью покрывают друг друга. Поэтому возможность раздельного обсуждения психического отношения к каждому из них в таких случаях отпадает (например, ст. 257 УК ГССР).

живающего мотива для того, чтобы при его наличии правонарушение смело мог бы рассчитывать на удовлетворительное решение уголовно-политической задачи. Следовательно, вполне достаточно требовать от граждан, чтобы в своей практической жизни они действовали осознывая социальную значимость совершаемых поступков; причем нет никакой необходимости дополнительно требовать, чтобы они сознавали, кроме того, соотношение их поступков с уголовно-правовыми нормами. К тому же сознание уголовной противоправности логически предполагает предварительное знание уголовных законов и умение подводить свои действия под эти законы (субсумция).

Между тем практика подтверждает, что это нереально. Результаты опроса, проведенного Г. А. Злобиным и Б. С. Никифоровым, показали довольно низкий процент осведомленности граждан о содержании уголовных законов⁶³. При всех этих обстоятельствах требовать от граждан сознания противоправности своих поступков беспочвенно. Поэтому нам кажется вполне обоснованным, что действующее законодательство не содержит принципиального требования сознания противоправности. Исходя из этого, мы считаем беспредметным даже говорить о возможности сознания противоправности как об элементе неосторожной вины, ибо установление возможности сознания того или иного обстоятельства могло бы иметь значение для обоснования неосторожности лишь в том случае, если бы существовала обязанность такого сознания.

Итак, мы полностью присоединяемся к мнению тех криминалистов, которые не признают необходимым признаком неосторожной вины возможность сознания уголовной противоправности. Отметим здесь же, что сознание уголовной противоправности в то же время предполагает сознание запрещенности данного деяния уголовным законом, т. е. сознание наказуемости. Поэтому запрещенность или наказуемость содеянного также не могут считаться такими элементами преступления, возможность сознания которых составляла бы обязательное требование при неосторожной вине.

3. Иную картину дает анализ вопроса о психическом отношении при неосторожности к противоправности «способа действия».

При неосторожности субъект не предвидит возможности причинения вредных последствий действиями, выполненными им с противодолжной непредусмотрительностью, в то время как он мог и должен был предвидеть это. Будучи неотъемлемым

⁶³ См. Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров, Умысел и его формы, М., 1972, стр. 192—195.

свойством причиняющего вред действия, противоправность «способа действия» тем самым становится одним из элементов состава, который, очевидно, должен войти в содержание неосторожной вины. Это вполне понятно, если вспомнить, что возможность сознания общественной опасности преступления, которая является конститутивным признаком неосторожности, подчас достигается только через осознание или возможности осознания противоправности «способа действия».

Нормальное существование и развитие общества невозможно без достаточной осведомленности граждан об опасных свойствах различных предметов, действий или ситуаций. Поэтому любая воспитательная, культурно-просветительная и организационная работа в социалистическом обществе включает в свою программу ознакомление населения с особенностями развития наиболее типичных и важных причинно-следственных связей. Благодаря этому, человек постоянно пополняет арсенал своей информации, начиная с формирования первых представлений об опасных свойствах некоторых предметов обихода или источников повышенной опасности и кончая ознакомлением со сложнейшими физико-химическими и биосоциальными закономерностями развития явлений. В результате у каждого нормального и совершеннолетнего члена общества аккумулируется обширный запас представлений об опасном и безопасном, о вредоносном и невредоносном.

Однако было бы наивно думать, что человек способен исчерпывающим образом познать все физико-химические или биосоциальные свойства и закономерности окружающего мира. Легко представить случай, когда даже самый пытливейший ум не может сразу распознать общественную опасность определенного способа поведения. В таком случае единственным ориентиром для безопасного приспособления к сложившейся ситуации может служить представление о запрещенности данного способа поведения. Знание соответствующего запрета обеспечивает в подобных случаях безопасность труда или деятельности. Только основываясь на этом запрете, деятель может строить умозаключение об общественной опасности способа поведения. Основная предохранительная функция всякой нормы предосторожности именно в том и заключается, чтобы актуализировать у граждан представление об опасности определенного способа поведения. Отражая огромный эмпирический опыт практической жизни, нормы предосторожности в готовом виде предлагают решение задачи, могущей возникнуть перед человеком в той или иной ситуации, освобождая его тем самым от обязанности каждый раз самостоятельно находить это решение. Так, человеку,

«сидящему в самолете, не приходится думать о том, опасно или неопасно курить сигарету или к чему может привести это курение. Существует правило, что до того, пока не укажет специальное табло, курить в самолете запрещается. Ознакомление с этим запретом предоставляет каждому гражданину возможность строить умозаключение, что в рамках указанного времени курить в самолете опасно.

Очевидно, во многих случаях люди самостоятельно способны правильно распознавать социальные свойства определенного образа действия. Но таково положение главным образом в менее сложных сферах практической жизни. В тех случаях, когда человек соприкасается с какой-либо сложной профессиональной сферой, особенно с производством, то там это менее вероятно. В химической или атомной промышленности, например, иногда самые безобидные на первый взгляд действия могут положить начало сложнейшим и опаснейшим процессам, которые не поддаются человеческому контролю. Едва ли можно предполагать, что каждый работник такого предприятия (например, уборщица, охранник, машинистка и т. п.) сознает или может самостоятельно осознать общественную опасность подобных «безобидных» действий. Однако, если этот работник был ознакомлен с соответствующим запретом и все же предпринял запрещенное действие, он будет отвечать за неосторожность, ибо ознакомление с запретом предоставляло ему возможность строить умозаключение об опасном свойстве предпринятого им поведения.

Необходимо также отметить, что общая осведомленность о запрете еще не означает сознания противоправности «способа действия» в момент его совершения. Человек, осведомленный о запрете, в данной конкретной ситуации может и не сознавать, что действует вопреки этому запрету. В таком случае, при наличии соответствующих условий, следует говорить лишь о возможности сознания противоправности «способа действия». Что же касается актуального сознания противоправности «способа действия», то оно наличествует тогда, когда человек, осведомленный об определенном запрете, в то же время ясно представляет в момент активности противоречие своего поступка этому запрету. Таким образом, осведомленность о запрете является необходимым условием психического отношения к противоправности «способа действия». Но при такой осведомленности психическое отношение к противоправности «способа действия» может выражаться как в возможности сознания, так и в актуальном ее сознании. Каждый из этих случаев логически предполагает возможность строить умозаключение об общественной

опасности содеянного. Поэтому если будет установлено, что единственную возможность сознания общественной опасности деятель мог получить через осознание или возможность осознания противоправности своих действий, то необходимо специально доказывать наличие одного из этих моментов. Это означает, что отрицать значение психического отношения при неосторожности к противоправности «способа действия» невозможно.

Наиболее наглядным примером того, как сознание или возможность сознания противоправности «способа действия» участвуют в обосновании неосторожной вины, являются случаи, когда лицо принимается за какую-либо деятельность без достаточных знаний или опыта.

Не имея опыта вождения машины и права на ее управление, врач Калика, в нарушение ст. 17 Правил движения по дорогам и улицам городов и населенных пунктов СССР, сел за руль дежурной автомашины и начал двигаться вдоль причала. В ходе движения, при подаче машины задним ходом, Калика нарушил предусмотренные ст. 31 Правил меры предосторожности. В результате он не справился с управлением и машина с причала упала в море. Находившийся в кабине шофер Квачадзе утонул, а Калике удалось спастись⁶⁴.

Если исходить только из того, что Калика не был знаком с вождением машины, то получится, что он не мог предвидеть общественно опасного характера развития явлений, протекающих из его действий. Однако Калика сознавал или, по крайней мере, мог сознавать, что, принимаясь за управление машиной самовольно, без соответствующего разрешения и опыта, он действует противодолжным образом, нарушает общеобязательную норму предосторожности. Именно это обстоятельство и давало ему возможность строить умозаключение об общественной опасности совершенных действий и предвидеть дальнейший ход событий. Поэтому Верховный Суд СССР совершенно правильно предложил квалифицировать действия Калики по ч. 3 ст. 241 УК СССР, признав тем самым в его действиях неосторожную вину⁶⁵.

4. В подобных случаях психическое отношение к общественной опасности не сразу видно, ввиду того, что оно опосредствовано сознанием или возможностью сознания противоправности «способа действия». Поэтому создается видимость, что они представляют особую разновидность неосторожности, которая точно не соответствует законодательной формуле неосторож-

⁶⁴ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 3, стр. 24.

⁶⁵ См. Там же.

ной вины⁶⁶. Так, условно называя эти случаи «преступным невежеством», П. С. Дагель пытается найти такие их отличительные черты, которые чужды как самонадеянности, так и небрежности. В частности, отличительным признаком «преступного невежества», который ограничивает его от небрежности, он признает то, что при «преступном невежестве» лицо не могло предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, хотя и было обязано это сделать⁶⁷. Однако, как было указано выше, такая «невозможность» является лишь кажущейся, и сразу же отпадает, как только вспомним, что в момент действия лицо сознавало или имело возможность сознавать противодолжность своего поступка, а следовательно, его общественную опасность. Впрочем, в конечном счете это признает и сам П. С. Дагель, когда он далее ограничивает «преступное невежество» от са-
sus. Но остается неясным, в чем же тогда смысла и основание выделения «преступного невежества» в особую разновидность неосторожной вины.

Не менее трудно провести грань между «преступным невежеством» и самонадеянностью. «В отличие от самонадеянности, — пишет П. С. Дагель, — субъект не предвидит возможности наступления конкретных общественно опасных последствий (именно в силу своего невежества) и не рассчитывает на какие-либо конкретные обстоятельства, которые эти последствия предотвратят. Он рассчитывает лишь вообще на то, что «справится» со своими обязанностями»⁶⁸.

Во-первых, человек принимаясь за «не свое» дело, может сознавать возможность общественно опасного развития причинности, но тем не менее рассчитывать на определенные конкретные обстоятельства (например, на то, что в течение длительного времени он наблюдал за такой деятельностью и поэтому достаточно осведомлен о ее специфике для того, чтобы с ней справиться). Во-вторых, в уголовном праве слово «рассчитывать» употребляется применительно к предотвращению ожидаемого вреда или опасности. Поэтому расчет на то, что человек «справится» со своей деятельностью, можно трактовать только в том смысле, что он рассчитывает справиться с ней без вреда или опасности для окружающих. Но если субъект «не предвидел возможности наступления конкретных общественно опасных по-

⁶⁶ К этому склоняется, например, П. С. Дагель. См. П. С. Дагель, Указ. соч., стр. 128—130. Неверно, когда сторонником такого мнения считают В. Г. Макашвили (см. И. Г. Филановский, Указ. соч., стр. 145).

⁶⁷ См. П. С. Дагель, Указ. соч., стр. 130.

⁶⁸ Там же.

следствий», то не на что ему и рассчитывать. В-третьих, если человек «не рассчитывает на какие-либо конкретные обстоятельства», «рассчитывает лишь вообще... что «справится» со своими обязанностями», это уже расчет на «авось», который является элементом эвентуального умысла, а не неосторожности. Поэтому нельзя говорить о преступном невежестве, как о разновидности неосторожной вины.

Итак, остается ли место, наряду с небрежностью и самонадеянностью, для самостоятельной конструкции «преступного невежества»? Представляется, что нет. Однако это не значит, что рассмотренные случаи вовсе не характеризуются никакими особенностями. Известная специфика в них усматривается, но она выражается не в особой комбинации самих психических фактов, а в объеме предметного содержания неосторожной вины. В частности, при так называемом преступном невежестве неосторожное психическое отношение к содеянному включает в себя не только возможность сознания общественной опасности содеянного, но с необходимостью предполагает также актуальное сознание или возможность сознания противоправности «способа действия».

§ 5. НЕОСТОРОЖНАЯ ВИНА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ОБЩЕСТВЕННУЮ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ

1. Иногда неосторожность является следствием неизвинительного заблуждения относительно обстоятельств, исключающих общественную опасность содеянного. Самым распространенным и наглядным примером этого может служить мнимая оборона, когда деятель без достаточного основания полагает, что обороняется от общественно опасного нападения, тогда как в действительности никто на него не нападает, и он по недоразумению причиняет вред правомерно и невиновно действующему гражданину. Подобное же заблуждение может иметь место при мнимом задержании преступника, если, например, бежавшего по улице человека деятель ошибочно принимает за преступника, совершившего тяжкое преступление и стреляет в него с целью задержания. К этой же категории случаев следует отнести ошибочное предположение о согласии потерпевшего, когда не было действительно выраженной воли на согласие, и т. д. Во всех этих и подобных случаях деяние будет квалифицироваться как неосторожность, если только ошибка была неизвинительной, и по характеру самого деяния или по смыслу закона неосторожная вина в отношении такого деяния допустима.

Возникает вопрос: на какие обстоятельства, образующие состав преступления, распространяется в таких случаях неосто-

рожная вина? Можно ли при неизвинительном заблуждении относительно наличия обстоятельств, исключающих общественную опасность, констатировать как «фактическую», так и «правовую» неосторожность, или в подобных случаях возможен только один из этих видов неосторожности?

Попытаемся ответить на этот вопрос на примере мнимой обороны. В советской юридической литературе⁶⁹ и судебной практике⁷⁰ общепринят взгляд, что случаи причинения вреда в состоянии мнимой обороны, следует решать по правилам о фактической ошибке и ее влиянии на форму вины. Однако ошибка, влияющая на форму вины, может касаться обстоятельств, как относящихся к составу преступления, так и не относящихся к нему⁷¹ (например, при ошибке медицинской сестры в свойствах лекарства, прием которого привел к смерти больного, свойства лекарства не являются признаком состава), в то время как неосторожность, будучи формой юридической вины, предполагает психическое отношение к обстоятельствам, входящим в состав преступления, в частности к совершаемому действию и вытекающим из него последствиям. Поэтому констатация фактической ошибки сама по себе не предвещает вопроса о том, послужила ли такая ошибка поводом для допущения «фактической» или «правовой» неосторожности.

При мнимой обороне фактическая ошибка обычно выражается в неверном предположении о наличии общественно опасного нападения. Но такое нападение (или ненападение), очевидно, нельзя рассматривать как признак состава неосторожного убийства или телесного повреждения. Тем не менее, если деятель вследствие ошибочной оценки фактически сложившейся ситуации убивает мнимо нападающего, то его действия хотя и будут составлять неосторожность, но не потому, что деятель не сознавал своих действий и вытекающих из них последствий, а потому, что вследствие ошибки относительно фактических об-

⁶⁹ См. Уголовное право. Общая часть, М., 1948, стр. 371—372; Советское уголовное право. Часть Общая, М., 1952, стр. 254; В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 82; В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 172—173; Т. Г. Шавагулидзе, Необходимая оборона. Тбилиси, 1966, стр. 154 и др.

⁷⁰ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне», «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР» 1924—1970, стр. 327—328.

⁷¹ См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 322; В. Ф. Кириченко, Указ. соч., стр. 76.

стоятельств, лежащих вне состава, он не сознавал, хотя должен был и мог сознавать, общественную опасность им содеянного. В частности, он предвидел и даже сознательно направлял свои действия на убийство «нападающего», но не сознавал, что в данной конкретной обстановке это общественно опасно. Поэтому основание исключения умысла при мнимой обороне Т. Г. Шавгулидзе правильно усматривает в отсутствии сознания общественной опасности деяния, что было обусловлено фактической ошибкой⁷². Мы бы добавили, ради полноты формулировки, что отсутствие сознания общественной опасности при мнимой обороне обусловлено фактической ошибкой относительно обстоятельств, лежащих вне состава преступления. Если бы заблуждение касалось элементов состава, то не пришлось бы говорить об отсутствии сознания общественной опасности; тогда неосторожность обосновывалась бы неосознанием фактической стороны состава преступления.

Таким же образом следует решать, на наш взгляд, и многие другие случаи заблуждения относительно наличия обстоятельств, исключающих общественную опасность. Так, при мнимом задержании преступника деятель ошибочно принимает за преступника человека, не имеющего никакого отношения к преступлению, и причиняет ему повреждение. В этом примере ошибка, влияющая на форму вины, относится к такому фактическому обстоятельству, которое нельзя отнести непосредственно к составу преступления. Тем не менее, такая ошибка обуславливает искаженное представление действующего лица об объективной общественной опасности его деяния, фактическую сторону и последствия которого он представлял довольно ясно. Следовательно, как и при мнимой обороне, и здесь имеет место так называемая правовая неосторожность.

Но если в рассмотренных случаях правовая неосторожность была обусловлена ошибкой относительно фактических обстоятельств, лежащих вне состава, то, очевидно, неизвинительное заблуждение, касающееся социальных или юридических свойств таких обстоятельств, тем более должно быть способно обусловить ее. Такое положение может иметь место, например, при мнимом согласии потерпевшего, когда заблуждение касается не самого существования согласия, а дееспособности согласившегося, объема прав, принадлежащих ему, и т. д.

Таким образом, независимо от того, будет ли касаться ошибка самих фактов или социальных свойств этих фактов,—

до тех пор пока неверное представление распространяется на обстоятельства, лежащие вне состава, оно неспособно обосновать «фактическую неосторожность», и, следовательно, можно констатировать лишь «правовую неосторожность». Как мы полагаем, все случаи неизвинительного заблуждения относительно наличия обстоятельств, исключающих общественную опасность, относятся к сфере «правовой неосторожности».

2. Иначе решается вопрос о несоблюдении условий правомерности фактически вредоносных действий. Так, при превышении пределов необходимой обороны фактическая ошибка может касаться обстоятельств, непосредственно относящихся к составу преступления. Если лицо, обороняющееся от неправомерного нападения небольшой интенсивности, не предвидит, но должно было и могло предвидеть, что применяемое им средство защиты может нанести явно больший вред нападающему, чем это обусловлено необходимостью, то ошибка будет касаться причинной связи, которая является необходимым признаком всякого результативного деликта. Но ошибочное представление о развитии причинности, при допущении и возможности предвидеть его, именно и составляет фактическое содержание неосторожной вины. Следовательно, в подобных случаях имеет место «фактическая», а не «правовая» неосторожность.

Важность решения вопроса, относятся ли случаи неизвинительного заблуждения относительно обстоятельств, исключающих общественную опасность, к сфере «фактической» или «правовой» неосторожности, не исчерпывается одним лишь познавательным интересом. Правильный ответ на этот вопрос, на наш взгляд, имеет определенное практическое значение; он позволяет четко определить сферу уголовно-наказуемой неосторожности.

⁷² См. Т. Г. Шавгулидзе, Необходимая оборона, Тбилиси, 1966, стр. 150.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Введение	11
Глава первая. Краткий обзор уголовно-правовых взглядов на природу неосторожной вины	20
§ 1. Основные направления в буржуазной науке уголовного права	20
§ 2. Общее состояние вопроса в социалистической науке уголовного права	25
Глава вторая. Обоснование неосторожной вины	30
§ 1. Психологическая природа неосторожной вины	30
§ 2. Социально-этическая природа неосторожной вины	54
§ 3. Нарушение нормы предосторожности и природа неосторожной вины	65
Глава третья. Предметное содержание неосторожной вины	83
§ 1. Предметное содержание неосторожной вины в материальных составах	84
§ 2. Предметное содержание неосторожной вины в формальных составах	99
§ 3. Неосторожная вина и общественная опасность	104
§ 4. Неосторожная вина и противоправность	117
§ 5. Неосторожная вина и обстоятельства, исключющие общественную опасность деяния	126

CONTENTS

Editor's Preface	5
Introduction	11
Chapter I. A brief survey of the theory of criminal carelessness	20
§ 1. Two main trends in the western studies on the subject	20
§ 2. Socialist theory of criminal carelessness in general	25
Chapter II. Basing of guiltiness in the case of careless acts	30
§ 1. Psychological aspects of carelessness	30
§ 2. Socio-ethical aspects of carelessness	54
§ 3. Guilty carelessness as an infringement of rules of prudence	65
Chapter III. Subject-matter of criminal carelessness	83
§ 1. Subject-matter of criminal carelessness in material offences	84
§ 2. Subject-matter of criminal carelessness in formal (immaterial) offences	99
§ 3. Criminal carelessness and social danger of offence	104
§ 4. Criminal carelessness and illegality of offence	117
§ 5. Criminal carelessness and circumstances which exclude the social danger of an action	126

МИНДИЯ ГУРАМОВИЧ
УГРЕХЕЛИДЗЕ

ПРОБЛЕМА НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Напечатано по постановлению редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

Редактор издательства Л. Лабадзе
Техредактор Э. Бокерия
Художник О. Кандария
Корректор И. Ломидзе

Сдано в набор 23.9.1975; Подписано к печати 26.2.1976; Формат
бумаги 60×90¹/₁₆; Бумага № 1; Печатных л. 8,25; Уч-издат. л. 8,26;

УЭ 01430;

Тираж 1700;

Заказ 3281

Цена 80 коп.

Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19,
გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

Типография АН Груз. ССР. Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
საქ. სსრ შეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

М. Г. УГРЕХЕЛИДЗЕ. **ПРОБЛЕМА НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**. Тбилиси, изд-во «Мецниереба», 1976, 130 с.

Проблема вины в целом и неосторожной в особенности приобрела актуальность в условиях научно-технического прогресса, когда неизмеримо больше стало источников повышенной опасности, пренебрежение правилами предосторожности грозит тяжелыми последствиями. Поэтому новая работа, посвященная проблемам неосторожной вины, представляет большой интерес.

В книге поставлены и достаточно полно разрешены некоторые наименее разработанные в теории уголовного права вопросы, связанные с преступной небрежностью.

М. Угрехелидзе пытается на основе общего понятия вины в уголовном праве, связи вины с психическим состоянием субъекта раскрыть особенности неосторожности как формы вины.

Исходя из марксистско-ленинского учения о свободе и необходимости, из причинности человеческих поступков, теория уголовного права признает, что у субъекта есть выбор поведения. Эти положения сохраняют силу и при неосторожном преступлении, включая преступную небрежность. «И в этих случаях, — пишет автор, — при наличии определенных внешних и внутренних факторов субъект может оказать воздействие на течение собственных представлений и на направленность своего поведения с тем, чтобы предвидеть и предотвратить наступление вреда» (с. 27).

Рассматривая психологический аспект неосторожности, автор подробно исследует неосознанное нарушение норм предосторожности при совершении общественно опасного деяния. Он пытается по-новому решить вопрос о психическом отношении к совершенному деянию при неосознанной неосторожности.

На основе данных современной психологии в книге сделан вывод, что ответственность может быть связана как с волевым, так и с импульсивным поведением человека. В последнем случае ответственность наступает лишь при возможности волевого воздействия субъекта на направленность своего поведения.

Автор исходит из признания существования бессознательной психической деятельности, импульсивного поведения, которое возможно и при неосознанной неосторожности. Раскрывая психологическую природу неосознанной неосторожности, он обращается к учению Д. Н. Узадзе, который в результате многолетних исследований пришел к выводу, что положительное содержание бессознательно-

го психического процесса — это установка, которая, будучи вполне определенным психическим явлением, подчиняется специфическим психологическим законам.

Автор книги считает, что неосторожность предполагает активность человека на уровне первичного, импульсного сознания, которое определяет направленность и содержание действия. Здесь речь идет о своеобразной, бессознательной форме психической деятельности, которая проходит без участия воли человека (с. 45). Импульсивное поведение всегда таит в себе реальную опасность причинения таких последствий, которые могут оказаться социально вредными. Между тем это не предопределяет поведения человека в конкретной ситуации. Человек обладает способностью переключать свою психическую деятельность с уровня первичной импульсивной установки на уровень объективизации, т. е. на установку, в формировании которой участвуют интеллект и воля (с. 55).

Характеризуя неосторожность, автор раскрывает психологические и социально-нормативные элементы неосторожной вины, выясняет содержание психического отношения субъекта к содеянному. Неосторожность как форма вины предполагает нарушение нормы предосторожности при обязанности и возможности быть предусмотрительным. При этом имеется в виду психическое отношение к конкретному общественно опасному деянию.

Анализ психологической природы неосторожной вины послужил основанием для критического переосмысливания распространенного в юридической литературе мнения, что все преступления (включая и неосторожные) суть проявления волевого и мотивированной активности (с. 51).

Это новый взгляд на проблему психологической природы вины. И, видимо, следовало бы пойти дальше — проанализировать родовое понятие вины, ее содержание и сущность.

В книге рассмотрена неосторожная форма вины и в юридико-догматическом аспекте. И здесь автор сумел найти новые краски для аргументации своей позиции. Это, например, относится к понятию смешанной вины. Он правильно возражает против расширительного толкования этого понятия, утверждая, что смешанная вина возможна лишь в «деликтах», квалифицированных по последствию» (с. 89).

В работе есть некоторые спорные, на наш взгляд, положения. Вряд ли можно согласиться с тем, что при преступной самонадеянности лицо в момент совершения деяния не предвидит возможности наступления вредных последствий своего

поведения. Автор обосновывает свою точку зрения положением закона «... легкомысленно рассчитывало на их предотвращение». Но ведь для того, чтобы рассчитывать на предотвращение возможных последствий, нужно их предвидеть.

Нельзя согласиться с предложением отнести к особой разновидности материальных составов преступлений «деликтов конкретной опасности» (с. 73, 98). Такие деликты еще не вызвали каких-либо изменений во внешнем мире, в охраняемом уголовным законом объекте. Автор отождествляет создание реальной

возможности причинения вреда с самим вредом (с. 99).

Трудно признать убедительным доводы о сохранении редакции ст. 9 Основ, которая связывает психическое отношение виновного только с последствиями своих действий (с. 101).

Высказанные замечания касаются, как правило, спорных вопросов в науке и не могут умалять достоинства этой очень интересной работы, в которой по-новому рассматриваются вопросы неосторожной вины.

М. ГЕЛЬФЕР,
профессор.